

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2023

Том 23

Выпуск 2

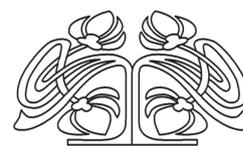
IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ивченков С. Г., Шахматова Н. В.** Специфика коммуникативных практик саратовской молодежи в социальном и виртуальном пространстве 124
- Рожкова Л. В., Дубина А. Ш.** Семейные ценности современной молодежи 138
- Гайфуллин А. Ю.** Этническая идентичность студенческой молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ 143
- Калугина Т. А.** Образовательные стратегии студентов СГУ имени Н. Г. Чернышевского: гендерный срез 151
- Никифоров Я. А.** Социальный конфликт в сфере государственного управления: информационно-коммуникационные технологии разрешения 158
- Болдырев А. Н.** Управление развитием организационной культуры современного воинского коллектива 163
- Романовская О. А.** К вопросу о цифровой социализации 171
- Суркова И. Ю.** Причины социально-трудовых конфликтов в подразделениях противопожарной службы 174

Политология

- Труханов В. А.** Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность 180
- Головченко В. И.** Особенности трактовки государственной идеологии в научном дискурсе современной России 190
- Суворов В. В.** Политический дискурс здоровья и мировоззренческие установки граждан России 196
- Кузнецов И. И., Жаров А. С.** Возможности исторического институционализма в исследовании особенностей организации местного самоуправления в России 202
- Забузов О. Н.** Отражение концепта «российская угроза» в военно-доктринальных документах прибалтийских государств 208
- Зарипова А. Р., Кузнецов Я. П.** Языковая политика Швейцарии в условиях федерализма 221
- Слово молодым политологам**
- Михайлова Е. А.** Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации 227
- Порошин Д. А.** Международно-политические аспекты противодействия дискриминационным санкциям против Российской Федерации после Олимпийских игр 2014 года 235

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.05.2023.

Подписано в свет 31.05.2023.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 52-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Ivchenkov S. G., Shakhmatova N. V. The specifics of Saratov youth communication practices in social and virtual space 124

Rozhkova L. V., Dubina A. Sh. Contemporary youth family values 138

Gayfullin A. Yu. Ethnic identity of the student youth of the Republic of Bashkortostan: A sociological analysis 143

Kalugina T. A. Educational strategies of Saratov State University students: Gender cross-section 151

Nikiforov Ya. A. Social conflict in the sphere of public administration: Information and communication technologies of their resolution 158

Boldyrev A. N. Management of the organizational culture of a modern military team development 163

Romanovskaya O. A. On the issue of digital socialization 171

Surkova I. Yu. The causes of social and labor conflicts in the fire service divisions 174

Politology

Trukhanov V. A. Value orientations of youth and regional security 180

Golovchenko V. I. Features of interpretations of state ideology within scholarly discourse of modern Russia 190

Suvorov V. V. Political discourse of health and ideological attitudes of Russian citizens 196

Kuznetsov I. I., Zharov A. S. Possibilities of historical institutionalism in the study of the organization of local self-government in Russia 202

Zabuzov O. N. Reflection of the concept of the “Russian threat” in the military doctrinal documents of the Baltic States 208

Zaripova A. R., Kuznetsov Ya. P. The language policy of Switzerland within the federalism environment 221

New Voices: Young Political Scientists' Research

Mikhailova E. A. Trust, distrust and fake news in the process of political legitimization 227

Poroshin D. A. International political aspects of countering discrimination sports sanctions against the Russian Federation after the 2014 Olympic games 235

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

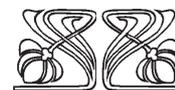
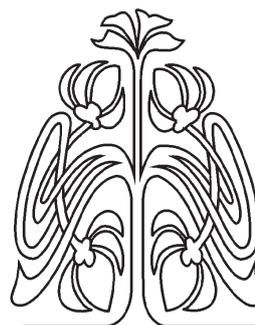
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

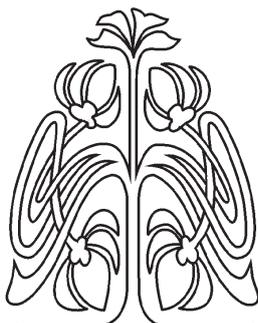

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, Вып. 2. С. 124–137

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 124–137

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-124-137>

EDN: KLTCZG

Научная статья

УДК 316.473

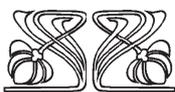
Специфика коммуникативных практик саратовской молодежи в социальном и виртуальном пространстве

С. Г. Ивченков, Н. В. Шахматова

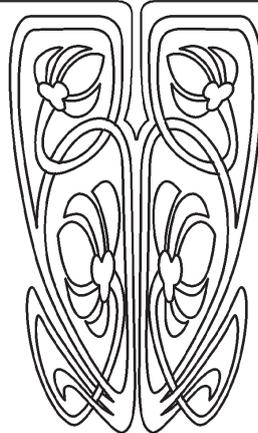
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8459-0938>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. В статье представлены результаты социологического мониторинга, проведенного методом анкетирования в Саратове в 2022 г. По вероятностной квотной-территориальной выборке были опрошены 698 молодых саратовцев. Результаты обрабатывались в программе SPSS. Исследование показало, что коммуникация находится на пятом месте среди ценностей молодежи (после здоровья, семьи, дружбы и свободы). В представлениях молодежи наиболее эффективный канал коммуникации – реальное «живое» непосредственное общение. Ему они доверяют больше всего. Однако на практике доминируют электронно опосредованные, виртуальные посредники. Чем выше ценится коммуникация, тем больше молодежь общается с помощью интернета, мобильного телефона. Большинство респондентов (55,5%) удовлетворены временем своих коммуникативных процессов, носящих синтетический характер, где эффективное живое общение относительно успешно дополняется телефонным общением, но продуктивность интернет-коммуникаций оценивается ими неоднозначно. Основными коммуникаторами для большей части молодежи являются сверстники. Однако с возрастом возникает потребность делиться опытом с младшими, увеличивается круг коммуникаторов. Самая старшая категория молодежи чаще встречается для общения и одновременно чаще других общается по телефону и интернету. Основой для возникновения стабильных коммуникативных процессов в молодежной среде выступает взаимная эмпатия. При этом искренность особенно важна для тех, кто общается непосредственно. Для тех, кто общается по телефону, важнее открытость, стабильность и общность интересов, увлечений. Интересно, что с возрастом среди молодежи растет значимость таких качеств, как бескорытность, стабильность и общий опыт пережитых событий, но уменьшается роль искренности, близости, внимательности, общности интересов, душевности беседы, возможности получить совет или опору в трудное время. Выделено несколько барьеров коммуникации молодежи: проблемы социально-территориального пространства; инерция включенности (озабоченность коммуникатора другими проблемами); антиципация к чужим мыслям, алекситимия (эмоциональная холодность), стереотипизированность, амбициозность; неприятие некомпетентного вторжения коммуникатора в личное пространство реципиента; утрата доверия к собеседнику.

Ключевые слова: молодежь, коммуникация, посредники коммуникации, субъективные коммуникативные барьеры молодежи

Для цитирования: Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Специфика коммуникативных практик саратовской молодежи в социальном и виртуальном пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 124–137. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-124-137>, EDN: KLTCZG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The specifics of Saratov youth communication practices in social and virtual space

S. G. Ivchenkov., N. V. Shakhmatova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1939-214X>

Nadezhda V. Shakhmatova, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8459-0938>

Abstract. The article presents the results of sociological monitoring conducted by the method of questioning in Saratov in 2022. According to the probabilistic quota-territorial sample, 698 young Saratov residents were interviewed. The results were processed in the SPSS program. The study showed that communication takes the fifth place among the values of young people (after health, family, friendship and freedom). In the perceptions of young people, the most effective channel of communication is real "live" direct communication. They trust it the most. However, in practice, virtual electronically mediated intermediaries dominate. The more communication is valued, the more young people communicate using the Internet and mobile phones. The majority of young people (55.5%) are satisfied with the time of their communicative processes, which are synthetic by nature, where effective live communication of young people is relatively successfully complemented by telephone communication, but the effectiveness of Internet communications is assessed by them ambiguously. Peers are the main communicators for most young people. However, in the course of time, they need to share experience with younger ones and the circle of communicators increases. The oldest category of young people communicates more often and, at the same time, communicates more often than others by the phone and the Internet. Mutual empathy is the basis for the emergence of stable communicative processes in the youth environment. At the same time, sincerity is especially important for those who communicate directly. For those who communicate by the phone, openness, stability and common interests of hobbies are more important. It is of interest that, in the course of time, the importance of such qualities as selflessness, stability and general experience of the events increases, but the role of sincerity, intimacy, attentiveness, common interests, sincerity of conversation, the opportunity to get advice or support in difficult times decreases. Several barriers for communication of young people have been identified: problems of socio-territorial space; the inertia of inclusion, (the communicator's concern about other problems); anticipation to other people's thoughts, alexithymia (emotional coldness), stereotyping, ambition; rejection - the incompetent invasion of the communicator into the personal space of the recipient; loss of confidence in the interlocutor.

Keywords: youth, communication, intermediaries, subjective communication, youth barriers

For citation: Ivchenkov S. G., Shakhmatova N. V. The specifics of Saratov youth communication practices in social and virtual space. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 124–137 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-124-137>, EDN: KLTCZG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Социология молодежи – одно из самых развитых направлений в социологической науке. И социология коммуникаций ненамного отстает от нее. В современном обществе происходит превращение коммуникации в глобальный процесс. В отечественной и зарубежной науке существуют мнения, что XXI век – это век коммуникаций, именно они определяют и динамику, и весь уклад жизни современного общества и его молодежной аудитории. Однако молодежной коммуникации уделяется гораздо меньше исследовательского внимания. Между тем в условиях глобализации и формирующегося цифрового общества актуальность исследования молодежных коммуникаций обусловлена ростом объемов и интенсивности информационных потоков, а также увеличением средств реализации коммуникационных взаимодействий, важнейшим потребителем которых является молодое поколение. Поэтому молодежные ком-

муникации непременно должны мониториться социологами, чтобы разрешать возникающие в этом поле проблемы.

Проблемы социальной коммуникации всегда находятся в фокусе исследователей (Т. З. Адамьянц [1]), особенно это касается проблем, связанных с пандемией (М. М. Назаров, В. Н. Иванов, Е. А. Кублицкая [2]), с идентичностью человека (В. А. Шилова [3], А. А. Яковлева [4]), конфликтным общением (Т. З. Адамьянц [5]). Много внимания сегодня уделяется интернет-коммуникациям (А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш [6], Ю. Г. Волков [7], В. Б. Гольбрайх [8], О. И. Карпунин [9], Г. А. Мальшева [10]). Влияние цифровизации на коммуникативные процессы рассматривают В. Л. Дубровин [11], О. А. Колосова, С. В. Ковалева [12].

Коммуникативные представления и практики молодежи рассматривают Ю. А. Зубок [13], Е. В. Чанкова [14], Н. А. Васильев, С. Н. Комис-

саров [15], акцентируя внимание на их социокультурной специфике. М. С. Ивченкова [16], С. Г. Ивченков [17], О. В. Сергеева, Н. А. Мизиряк [18] сосредоточены на влиянии цифровых игр, интернет-сетей и телефонов на характер общения молодого поколения.

Как известно, существует много видов коммуникации. В различных классификациях выделяют профессиональную, учебную, досуговую, повседневную, реальную и виртуальную и т.д. Существуют типологии по различным критериям – по субъектам коммуникации, содержанию трансакций, формам проявления (печатная, визуальная, вербальная), по целям, характеру их протекания (стабильные / стихийные / ситуационные) и т.п. Поэтому отметим, что в данном случае будем вести разговор о повседневной коммуникации молодежи, которая чаще всего проявляется на обыденном уровне в виде общения.

Под молодежной коммуникацией мы понимаем универсальный многоплановый процесс и результат взаимодействия, общения, обмена потоками информации (интеракции), отвечающий жизненным потребностям молодежи. Она отличается особым восприятием (перцепцией), системой кодирования (сленгом), динамичностью, противоречивой стабильностью, эмоциональностью, экспрессивностью, многообразием, взаимосвязью с конкретным поведением собеседников и часто – наличием посредников.

Это определение и стало исходным основанием для социологического исследования, проведенного Центром региональных социологических исследований социологического факультета СГУ им. Н. Г. Чернышевского в Саратове в 2022 г. По вероятностной квотно-территориальной выборке были опрошены 698

молодых саратовцев. Результаты обрабатывались в программе SPSS. В соответствии с выборочной совокупностью в исследовании приняли участие 51% юношей и 49% девушек. По результатам социологического опроса, 15,0% респондентов относятся к возрастной группе, включающей в себя людей до 19 лет; 35,5% – от 20 до 24 лет; 49,5% – от 25 лет и старше.

По уровню образования модальной группой среди опрошенных является саратовская молодежь, обладающая средним общим образованием, – 32,5% от общего числа, 19,0% имеют высшее образование, бакалавриат, 17,5% – магистратуру, 11,5% – среднее профессиональное образование (училище, колледж), 11,0% – неполное высшее образование, 6,0% – высшее образование – специалитет, 2,5% – аспирантуру. По роду деятельности доминирует учащаяся молодежь – 50,5%, 47,5% опрошенных являются работающей молодежью, 2,0% – служащей и 2,0% – неработающей.

Саратовская молодежь представляет собой мультикультурную и активно взаимодействующую среду. Ее коммуникативная практика осуществляется в условиях современной неустойчивости, рискогенности и характеризуется воспроизводством и конструированием социальных значений и смыслов, ценностных и нормативных образований (табл. 1). Ценности молодежи измерялись по пятибалльной шкале, где 1 – почти не имеет значения, 5 – имеет максимальное значение. Полученные данные затем переводились в средние показатели и коррелировались с выбором посредников для общения. Он показывает, что молодежь, больше других ориентированная на здоровье и семью (первое и второе место в рейтинге), чаще других использует для общения телефон.

Таблица 1

Влияние молодежных ценностей на выбор посредников для коммуникации, средние показатели

Рейтинг ценностей	Наиболее предпочитаемый способ общения			Средние показатели по выборке
	непосредственное общение (лицом к лицу)	при помощи социальных сетей / мессенджеров	по мобильному телефону	
1. Здоровье	4,60	4,66	4,89	4,65
2. Семья	4,59	4,59	4,78	4,61
3. Дружба	4,50	4,66	4,33	4,44
4. Свобода	4,41	4,49	4,56	4,42
5. Общение	4,36	4,44	4,44	4,32
6. Творчество	4,10	4,12	4,33	4,11
7. Труд	3,89	4,02	4,56	3,95
8. Любовь	3,94	3,88	4,44	3,92
9. Престиж	2,76	2,54	2,67	2,69

Те, кто ориентирован на дружбу (третье место) чаще других пользуется компьютером, интернетом, социальными сетями / мессенджерами, а также непосредственным общением (лицом к лицу). Те, кого больше волнуют свобода, общение как самооценочность и творчество, чаще других пользуются компьютером, интернетом и телефоном. Молодые люди, для которых важнее всего труд, чаще других пользуются интернетом с его социальными сетями. Молодые саратовцы, задумывающиеся о любви, чаще других используют интернет или непосредственное общение. Тех, кто особенно озабочен престижем, предпочитают непосредственное общение (лицом к лицу). Таким образом чаще лицом к лицу общаются те, кто больше ориентирован на дружбу, любовь и престиж. Остальные чаще пользуются компьютером или телефоном.

Опрос показал, что большинство молодых людей (57,5%), особенно девушек (62,0%), не могут обходиться без коммуникации. Это представление чаще других разделяют 19–24-летние саратовцы (соответственно 60,0 и 62,0%). Однако 24,0% юношей и 19,0% девушек полагают, что это возможно. Этому мнению придерживаются самые юные (до 19 лет) – 16,7%, 15,5% молодежи 20–24 лет и 27,3% – от 25 лет и старше. Ситуативно оценивают значимость обще-

ния 10,0% девушек и в два раза реже – юноши. Общение имеет ощутимое значение для 43,5% молодежи, больше – для девушек (44,0%).

Если говорить о возрастных различиях, то увидим, что среди тех, кто не придает значения коммуникации или оценивает ее как незначительную, доминируют самые юные саратовцы (6,7% при выборке 2,5%). Среди тех, кто оценивает общение ситуативно, доминируют 20–24-летние – 8,5% (при выборке 7,5%). Об ощущении влияния коммуникации на их повседневную жизнедеятельность чаще других говорили представители молодого поколения от 25 лет и старше и самые юные (соответственно 50,5 и 46,7%). Максимально высоко значение коммуникации чаще других оценивали 20–24-летние (56,3%).

Интересно, что лицом к лицу общаются чаще всего те, кто оценивает коммуникацию как достаточно значимое явление (44,7% при средневыборочном 43,5%). Но среди молодежи, максимально высоко оценивающих значение коммуникации, большинство предпочитают общаться с помощью сетей (53,5%) или телефона (55,6%) (табл. 2). Иными словами, чем выше ценится коммуникация, тем больше молодежь общается с помощью интернета, мобильного телефона.

Таблица 2

Взаимосвязь значения коммуникации в жизни молодежи и выбора посредников для общения, % по способу общения

Значимость общения	Наиболее предпочитаемый способ общения			По выборке
	непосредственное общение (лицом к лицу)	при помощи социальных сетей / мессенджеров	по мобильному телефону	
Совсем не имеет значения	0,8	–	–	0,5
Имеет небольшое значение	1,6	2,4	–	2,5
По ситуации	5,7	4,9	11,1	7,5
Имеет ощутимое значение	44,7	39,0	33,3	43,5
Имеет максимальное значение	47,2	53,7	55,6	46,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Круг постоянного повседневного общения молодежи, особенно девушек (36,0%), чаще всего включает 3–4 человек (35,0%). В два раза реже (17,0%) – 1–2 человек. Постоянно общаются с 7–8 реципиентами 14,0%. Среди юношей таковых больше – 18,0% (среди девушек – 10,0%). Больше 10 собеседников имеют 6,5%, среди юношей – немного больше (7,0%, 10,0% среди девушек). В самой юной группе чаще встречается от 3 до 6 коммуникаторов (60,0%), среди 20–24-летних – 1–4 собеседника (54,9%). В старшей категории и собеседников больше – от 7

до 10 и более (33,2%), среди них чаще встречаются ситуативные коммуниканты (7,1%). Иными словами, с возрастом расширяется круг коммуникаторов.

В ходе интервью представители молодежи говорили, что используют интернет и мобильный телефон для расширения круга знакомств с интересными людьми. Однако это свойственно преимущественно тем, для кого мобильный телефон выступает главным средством коммуникации. Среди них 22,2% имеют 5–6 собеседников, 44,4% – более 10 человек. Те, кто использует

интернет, чаще поддерживают коммуникацию с 1-4 собеседниками (68,3%). Среди общающихся непосредственно чаще самый большой круг собеседников. Видимо, это объясняется не столько способом коммуникации, сколько коммуникативными навыками молодежи.

Встречаются для общения ежедневно 16,0% молодых саратовцев. Причем среди девушек таковых намного больше – 21,0% против 12,0% среди юношей. Зато каждые выходные используют для общения чаще юноши, чем девушки (31,0 и 20,0% соответственно). Еще больше тех,

кто непосредственно видится реже, но поддерживают связь. Таковых 41,0% среди юношей и 43,0% среди девушек. Видятся с собеседниками в зависимости от ситуаций или два–три раза в месяц и реже 16,0% молодежи.

Мы предполагали, что чем моложе наши респонденты, тем чаще они будут встречаться со своими собеседниками для общения. Однако опрос показал, что чем старше представители молодого поколения, тем чаще они встречаются для общения и одновременно чаще других общаются по телефону и интернету (табл. 3).

Таблица 3

Влияние возраста молодежи на частоту общения, % по возрасту

Частота встреч с друзьями для общения	Возраст			По выборке
	до 19	20–24	25+	
Каждый день	10,0	14,1	20,2	16,5
Каждые выходные	26,7	23,9	26,3	25,5
Мало их вижу, но поддерживаю связь	46,7	47,9	36,4	42,0
Два–три раза в месяц и реже	3,3	4,2	5,1	4,5
По разному	13,3	9,9	12,1	11,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Из данных табл. 4 видно, что в представлениях опрошенной молодежи непосредственное общение является наиболее предпо-

читаемым способом коммуникации. Иными словами, ее больше привлекает реальное общение, чем виртуальное.

Таблица 4

Гендерные различия в предпочитаемом способе общения молодежи, % по полу

Наиболее предпочитаемый способ общения	Гендерная принадлежность		По выборке
	юноши	девушки	
Непосредственное общение (лицом к лицу)	62,0	61,0	61,5
При помощи социальных сетей и/или социальных мессенджеров	21,0	20,0	20,5
По ситуации	13,0	10,0	11,5
По мобильному телефону	4,0	5,0	4,5
Затрудняюсь ответить	–	4,0	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0

В ходе социологического опроса респондентам было предложено указать те социальные сети и/или социальные мессенджеры, которые они используют для общения (табл. 5). Так, например, модальной группой среди респондентов являются те, кто указал ВКонтакте в качестве используемой социальной сети (71,8%), 69,2% используют Instagram, 61,0% – Telegram, 56,9% – WhatsApp, 15,9% – Viber, 6,2% – Twitter, 6,2% – Одноклассники, 5,6% – Discord, 2,6% – TikTok и 2,1% – Facebook. Интересно,

что все эти сети и мессенджеры активнее используются теми, кто заявлял о предпочтении непосредственного общения. Это может свидетельствовать о существенном расхождении молодежных представлений и практик в сфере коммуникации.

Таким образом, подтверждена современная специфика молодежного общения – активизация виртуального общения, значительная роль телефона и интернет-сети как мощных инструментов, позволяющих поддерживать

Таблица 5

**Взаимосвязь рейтинга мессенджеров и выбора коммуникативных посредников,
% по способу общения (по положительным ответам)**

Рейтинг социальных сетей и мессенджеров	Наиболее предпочитаемый способ общения			По выборке
	непосредственное общение (лицом к лицу)	при помощи социальных сетей / мессенджеров	по мобильному телефону	
1. ВКонтакте	82,1	70,7	66,7	70,0
2. Instagram	77,2	73,2	77,8	67,5
3. Telegram	71,5	53,7	55,6	59,5
4. WhatsApp	61,0	75,6	44,4	55,5
5. Viber	17,1	19,5	22,2	15,5
6. Twitter	5,7	9,8	–	6,0
7. Одноклассники	6,5	9,8	–	6,0
8. Discord	5,7	7,3	–	5,5
9. TikTok	3,3	2,4	–	2,5
10. Facebook	1,6	4,9	–	2,0

коммуникацию молодежи в том формате, который наиболее комфортен для них. Но отсюда вытекает важное противоречие между увеличением интенсивности информационных потоков и развитием информационных технологий, с одной стороны, и невозможностью полноценной обработки и осмысления информационных массивов молодежной аудиторией, с другой стороны.

Предпочтением в выборе субъектов общения для большинства респондентов являются сверстники (табл. 6). Только примерно половине из них кажется интересным и полезным опыт старших поколений. Однако по мере взросления возникает потребность делиться опытом с младшими, т.е. возрастает стремление к самоорганизации и передаче информации подрастающему поколению.

Таблица 6

**Взаимосвязь предпочитаемых способов общения молодежи и предпочитаемого возраста собеседника,
% по способам общения (по положительным ответам)**

Возраст собеседника	Наиболее предпочитаемый способ общения			По выборке
	непосредственное общение (лицом к лицу)	при помощи социальных сетей / мессенджеров	по мобильному телефону	
Своего возраста (сверстник)	93,5	85,4	100,0	90,5
Старше себя	54,5	51,2	33,3	49,5
Младше себя	27,6	19,5	11,1	23,0

Коммуникационный процесс молодежи в современном обществе – это, прежде всего, трансляция и обмен символами как способ самопрезентации. Исходя из этого, мы выясняли социальные основы для возникновения стабильных коммуникаций. Ими оказались взаимопонимание (73,5% опрошенных), взаимное доверие (70,7%), духовная эмоциональная близость (68,0%), общие интересы, ценности, взгляды (60,0%), взаимная симпатия (45,5%). При этом заметим, что на взаимопонимание больше ориентирована самая юная часть молодежи (до 19 лет) – 83,3% опрошенных. На общие интересы, ценности, взгляды больше

других настроены 20–24-летние саратовцы (62,0%). У старшей категории молодого поколения приоритетные основания общения более разнообразны – взаимное доверие, духовная, эмоциональная близость (по 71,7%), взаимная симпатия (48,5%). Иными словами, чем старше молодежь, тем меньше она полагается на взаимопонимание, но больше на указанные характеристики.

Таким образом, основой для возникновения стабильных коммуникативных процессов в молодежной среде выступают: взаимная эмпатия как способность чувствовать эмоциональное состояние другого человека, точно восприни-

мать смысловые оттенки его общения; способность взглянуть на обстоятельства глазами собеседника, безоценочное принятие чувств другого человека. При этом на непосредственное общение ориентированы в первую очередь те, для кого важна духовная, эмоциональная близость (табл. 7). По мобильному телефону

чаще других общаются молодые люди, ориентированные на взаимопонимание и общие интересы, ценности, взгляды. К интернет-технологиям чаще прибегают при общении те, кто ориентирован на взаимное доверие, взаимопонимание, общие интересы, ценности, взгляды взаимную симпатию.

Таблица 7

Влияние предпочитаемых способов общения на представления молодежи об основах возникновения стабильного общения, % по способам общения (по положительным ответам)

Основы возникновения стабильного общения	Наиболее предпочитаемый способ общения			По выборке
	непосредственное общение (лицом к лицу)	при помощи социальных сетей / мессенджеров	по мобильному телефону	
Взаимопонимание	71,5	75,6	77,8	73,5
Взаимное доверие	66,7	80,5	66,7	70,0
Духовная, эмоциональная близость	69,9	65,9	66,7	68,0
Общие интересы, ценности, взгляды	57,7	61,0	66,7	59,5
Взаимная симпатия	43,9	51,2	44,4	45,5

В ходе социологического опроса респондентам было предложено ответить на вопрос о мотивах повседневных коммуникаций молодежи (табл. 8). Так, например, модальной группой среди участников опроса являются те, кто ориентирован на существование схожих взглядов и интересов – 64,0%. Среди самых юных таковых

больше – 76,0%, среди 20–24-летних – 66,2%. По 57,0% опрошенных стимулированы возникновением взаимной заинтересованности друг в друге или совместной учебной/работой. На взаимную симпатию ориентированы 54,5%. Таковых больше среди самых юных (60,0%) и 20–24-летних (63,4%).

Таблица 8

Влияние возраста на мотивы коммуникации молодежи, % по возрасту (по положительным ответам)

Мотивы возникновения коммуникаций	Возраст			По выборке
	до 19	20–24	25+	
Существование схожих взглядов и интересов	76,7	66,2	58,6	64,0
Возникновение взаимной заинтересованности друг в друге	60,0	63,4	51,5	57,0
Совместная учеба/работа	60,0	56,3	56,6	57,0
Взаимная симпатия людей	70,0	50,7	52,5	54,5
Оказание помощи друг другу	30,0	43,7	47,5	43,5
Поддержка друг друга	20,0	52,1	43,4	43,0
Стремление избежать одиночества	43,3	45,1	36,4	40,5
Осуществление общих целей	40,0	28,2	45,5	38,5
С целью борьбы против кого-то/чего-то	13,3	7,0	18,2	13,5

Мотивированы возникшей взаимной симпатией 54,5% опрошенных. Этим отличаются самые юные саратовцы (70,0%). На оказание помощи друг другу ориентированы 43,5%, особенно это отличает самую старшую категорию молодежи (47,5%). Стремятся поддержать друг друга 43,0%, избежать одиночества – 40,5%, особенно это проявилось среди 20–24-летних

молодых людей (соответственно 52,1 и 45,1%). Для осуществления конкретных общих целей общаются 38,5% (среди самых юных – 40,0%), с целью борьбы против кого-то/чего-то – 13,5% (среди самой старшей категории молодежи – 18,2%). Таким образом, мотивы коммуникаций молодежи заключаются в интересе, проявляемом с обеих сторон, и совместной деятельности,

в ходе которой люди сближаются друг с другом. Это подтверждает, что важным стимулом молодежной коммуникации выступает совместная практическая деятельность. Следовательно, общение в молодежной среде характеризуется не только динамичностью, но и практицизмом, нестабильностью, ситуативностью и эмоциональностью межличностных коммуникаций.

Анализ коммуникативного содержания (табл. 9) показал, что 59,0% молодежи утверждают, что в процессе общения с ними часто советуются. Как правило, это происходит с девушками (61,0%) и 20–24-летними (64,8%) при непосредственном общении (68,3%) или по интернету (65,9%). Второе место по популярности разделили стремление давать и получать советы (по 51,5%). Давать советы больше нравится юношам (57,0%), особенно в возрасте 25 лет и старше (54,5%), чаще по телефону (66,7%), реже по интернету (61%) или при непосредствен-

ном контакте (57,7%). Получать советы больше нравится девушкам (57,0%), особенно в самом юном возрасте (63,3%), чаще – по интернету (58,5%) или «вживую» (56,9%). Не могут принять важное решение без совета со стороны 20,5% опрошенных, особенно юноши (22,0%) от 20 лет и старше, которые чаще общаются непосредственно (24,4%) или по телефону (22,2%).

Однако каждому третьему представителю молодежи, особенно юношам (43,0%), легче принять решение самому и поставить всех в известность. Это чаще касается тех, кто ориентирован на реальное общение (39,8%) или по телефону (36,6%). Пожаловались, что в процессе общения никто их не понимает по-настоящему, 3,0%. Чаще об этом говорили девушки (4,0%), 20–24-летние (4,2%) и те, кто больше других предпочитает общаться по телефону (11,1%). Чем старше молодые люди, тем реже им нравится советоваться с друзьями.

Таблица 9

Влияние возраста на содержание коммуникации молодежи, % по возрасту (по положительным ответам)

Содержание общения	Возраст			По выборке
	до 19	20–24	25+	
Со мною часто советуются	46,7	64,8	58,6	59,0
Даю друзьям советы для их же пользы	50,0	47,9	54,5	51,5
Мне нравится советоваться с друзьями	63,3	53,5	46,5	51,5
Мне легче принять решение самому и поставить всех в известность	33,3	32,4	34,3	33,5
Не могу принять важное решение без совета со стороны	10,0	22,5	22,2	20,5
Никто не понимает меня по-настоящему	3,3	4,2	2,0	3,0

Для стабильной коммуникации нужен постоянный хороший собеседник, обладающий рядом характеристик. Среди них на первом месте – искренность (91,0% опрошенных). Это особенно важно для самой юной молодежи (93,3%) и тех, кто чаще беседует лицом к лицу. Почти таким же важным качеством является взаимоуважение (90,5%), особенно для 20–24-летних молодых саратовцев, активно пользующихся социальными сетями (90,8%). Далее (по нисходящей) следуют такие качества, как бескорыстие (76,5%), доверительность (62,0%), открытость (50,0%), привязанность (36,0%), внимательность (33,0%), устойчивость (25,5%), общность интересов и увлечений 24,0%, верность и преданность, надежность и честность близкого человека (21,0%), который всегда придет на помощь, душевность беседы, возможность получить совет, опору, которая всегда поддержит в трудное время (16,5%), общий опыт (12,0%), товарищ, соратник (5,0%). При этом искренность особенно важна для тех, кто

общается непосредственно. Для общающихся по телефону наибольшую ценность представляют открытость, стабильность и общность интересов, увлечений. Все остальные качества важнее для интернет-общения.

Интересно, что с возрастом в среде молодежи растет значимость таких качеств, как бескорыстие, стабильность и общий опыт пережитых событий, но уменьшается роль искренности, близости и принятия собеседника таким, какой он есть, внимательности, общности интересов и увлечений, душевности беседы, возможности получить совет или опору, которая всегда поддержит в трудное время (табл. 10). Все это подтверждает важнейшую роль эмпатии в молодежных коммуникациях.

Логика анализа заставила обратить внимание на уточнение степени доверия, которое испытывает молодежь к своим собеседникам (табл. 11). Выяснилось, что 51,0% опрошенных, особенно юноши (52,0%), полностью им доверяют. Чаще других такие ответы давали

Таблица 10

Влияние возраста на качества постоянного собеседника молодежи, % по возрасту (по положительным ответам)

Качества постоянного собеседника	Возраст			По выборке
	до 19	20–24	25+	
Искренность	93,3	91,5	89,9	91,0
Взаимоуважение	80,0	93,0	91,9	90,5
Бескорыстие	63,3	70,4	84,8	76,5
Доверительность	63,3	67,6	57,6	62,0
Открытость	53,3	62,0	40,4	50,0
Близость и принятие тебя таким, какой ты есть	53,3	43,7	44,4	45,5
Привязанность	40,0	31,0	38,4	36,0
Внимательность	40,0	36,6	28,3	33,0
Стабильность	23,3	15,5	33,3	25,5
Общность интересов и увлечений	43,3	23,9	18,2	24,0
Верность и преданность, надежность и честность близкого человека, который всегда придет на помощь	23,3	18,3	22,2	21,0
Душевность беседы, возможность получить совет, опору, которая всегда поддержит в трудное время	20,0	18,3	14,1	16,5
Общий опыт	3,3	11,3	15,2	12,0
Товарищ, соратник	–	8,5	4,0	5,0

Таблица 11

Влияние предпочитаемых способов общения на оценку степени доверия молодежи к собеседникам, % по способам общения (по положительным ответам)

Оценка степени доверия собеседнику	Наиболее предпочитаемый способ общения			По выборке
	непосредственное общение (лицом к лицу)	при помощи социальных сетей / мессенджеров	по мобильному телефону	
Полностью доверяю	58,5	45,5	22,2	51,0
В основном доверяю	38,2	34,1	77,8	34,5
По ситуации	3,3	4,9	–	3,0
Не доверяю	–	11,5	–	11,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

20–24-летние респонденты, общающиеся непосредственно. В основном доверяют 34,5% (чаще юноши – 35,0%). Подобная осторожная доверчивость больше свойственна старшей категории молодежи, чаще других общающейся по телефону. Девушки (6,0%), преимущественно 20–24 лет и чаще других общающихся в сетях, заявили, что их доверие проявляется в зависимости от ситуации. Общающиеся только в интернет-сетях (11,5% опрошенных), преимущественно самые молодые (13,3%) и самые старшие (12,1%), чаще юноши (13,0%) не испытывают доверия к собеседникам. Таким образом, способ общения значительно влияет на степень доверия в молодежных коммуникаци-

ях. Больше всего доверия вызывает реальное общение, недоверия – интернет-коммуникации.

Это вызвало необходимость обратиться к степени удовлетворенности молодежью своими коммуникациями в свободное время (табл. 12). Замеры производились с помощью трех индикаторов: удовлетворенность временем общения, способом общения и общением в целом. По поводу времени, затраченного на коммуникацию, выяснилось, что 32,0% юношей и девушек, преимущественно 20 лет и старше (соответственно 33,8 и 34,3%), полностью удовлетворены временем своего общения; 23,5% опрошенных, преимущественно юношей (24,0%), старше 25 лет (26,5%), говорили, что в

основном удовлетворены количеством времени своего общения; 17,0% респондентов, особенно девушки (20,0%) и молодежь в возрасте 20–24 лет (18,3%), скорее не удовлетворены длительностью коммуникативных процессов; 11,5%, преимущественно юноши (13%), говорили, что это бывает по-разному; 9,0% молодежи, особенно юноши (13%) и участники опроса в возрасте до 19 лет (10,0%), категорично

не удовлетворены временем своего общения; 5,5% опрошенных, преимущественно девушки (9,0%), особенно самые юные (13,3%), настаивали на том, что степень их удовлетворенности временем общения носит ситуационный характер. Тем не менее можно констатировать, что большинство молодых людей (55,5%) удовлетворены временем своих коммуникативных процессов.

Таблица 12

Влияние возраста на оценку степени удовлетворенности количеством времени общения молодежи, % по возрасту (по положительным ответам)

Оценка степени удовлетворенности количеством времени общения	Возраст			По выборке
	до 19	20–24	25+	
Полностью удовлетворен	20,0	33,8	34,3	32,0
В основном удовлетворен	23,3	19,7	26,3	23,5
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен	16,7	18,3	16,2	17,0
Не удовлетворен	10,0	8,5	9,1	9,0
По ситуации	13,3	7,0	2,0	5,5
Затрудняюсь ответить	16,6	12,7	12,1	13,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Полностью удовлетворены своим способом общения 49,0% опрошенных, особенно девушки (53,0%). Немного чаще других об этом говорили молодые люди 20–24 лет (50,7%) и 25 лет и старше (50,5%). Более осторожно говорили, что удовлетворены, в основном 27,0%, преимущественно юноши (32,0%). Эти оценки немного чаще других давала молодежь 20–24 лет (31,0%). Настаивали на ситуационных характеристиках степени удовлетворенности своим способом общения 3,0%, особенно девушки (4,0%). Однако самые юные заявляли об этом в четыре раза чаще (13,3%). Скорее не удовлетворены способом общения 6,5% опрошенных, чаще девушки (8,0%) и молодежь преимущественно самого старшего возраста (9,1%). Категорично высказались по поводу неудовлетворенности своим способом общения 2,5% респондентов, чаще юноши (3%), особенно самого младшего (3,3%) и старшего возраста (3,0%). Затруднились с ответом 12,0%, преимущественно самые молодые (16,6%).

Интересно, что те, кто общается непосредственно, чаще других говорили о полной удовлетворенности своим способом коммуникации (37,4%) или высказывали осторожную неудовлетворенность (22,8%). Молодежь, чаще других общающаяся с помощью интернет-сетей, больше затруднялась с ответом (2,4%). Среди общающихся по телефону было больше тех,

кто выказывал частичную удовлетворенность (44,4%), ситуационный характер оценок или категоричную неудовлетворенность (по 11,1%). Можно предположить, что эффективное живое общение доминирует среди молодежи и относительно успешно дополняется телефонным общением, но успешность интернет-коммуникаций оценивается ею неоднозначно.

Одной из главных идей социологического изучения коммуникаций является то, что коммуникация рассматривается не просто как некая данность, изначально присущая человеку, но как инструмент, формирующий из молодой личности социально активного субъекта. В связи с тем, что современная молодежь сталкивается с большим количеством проблем в повседневной жизни, из-за чего замыкается в себе, наиболее остро возникает проблема социального одиночества, которое считается эффектом недостаточной социальной приспособленности, адаптации молодых людей в современном обществе. Исходя из этого, коммуникативные барьеры молодежи оценивались среди тех, кто имел негативный опыт, и по нескольким индикаторам. Во-первых, по тому, что может служить основанием для прекращения общения, во-вторых, по тому, что выступает помехой для общения и что становится значимым субъективным барьером для коммуникаций.

По ходу анализа выяснилось (табл. 13), что юноши чаще прекращают общение при потере заинтересованности (10,0% при 9,0% по выборке), столкновении с обманом (6,0% при 3,5% по выборке) и нарушении личных границ (5,0% при 4,5% по выборке), а также в ситуациях распространения слухов (1,0%, при 0,5% по выборке). Девушки чаще прекращают общение

в ситуациях негативного опыта предательства близкого человека (8,0% при 7,0% по выборке), обсуждения «за спиной» (3,0% при 2,5% по выборке), когда сталкиваются с завистью (2,0% при 1,0% по выборке) и мелочностью (1,0%, при 0,5% по выборке), что, видимо, интерпретируется как некомпетентное вторжение в личное пространство.

Таблица 13

Гендерные различия в основаниях прекращения общения, % по полу (по положительным ответам)

Основания прекращения общения	Гендерная принадлежность		По выборке
	юноши	девушки	
Отсутствие заинтересованности	10,0	8,0	9,0
Плачевный опыт, предательство близкого человека	6,0	8,0	7,0
Нарушение личностных границ	5,0	4,0	4,5
Ложь, обман	6,0	1,0	3,5
Обсуждение другими людьми «за спиной»	2,0	3,0	2,5
Зависть	–	2,0	1,0
Вера в слухи	1,0	–	0,5
Мелочность	–	1,0	0,5

Ответы на контрольный вопрос о том, почему прекращается общение (табл. 14), показали, что чаще других прекращают коммуникацию в связи с предательством самые юные саратовцы (93,3% при 89,0% в среднем по выборке). Они же чаще перестают общаться в силу длительного отсутствия контактов из-за занятости, отъезда или других причин (40,0% при 36,0% по выборке) а также при появлении у партнера по общению семьи, детей (27,3% при 15,5% по выборке). Молодые люди 20–24 лет чаще других прекращают коммуникацию из-за потери инте-

реса (73,2% при 67,0% по выборке), перерастания отношений в ненависть (45,1% при 43,0% по выборке). Самая старшая категория молодежи чаще других (хотя чуть реже самых юных) прекращает коммуникацию из-за предательства (92,9% при 89,0% по выборке), а также из-за утраты доверия (63,6% при 59,5% по выборке), появления новых интересов, увлечений, работы, изменения образа жизни (54,5% при 48,5% в среднем по выборке), разногласий в религиозных, политических и других взглядах (27,3% при 27,0% по выборке).

Таблица 14

Влияние возраста на основания прекращения общения молодежи, % по возрасту (по положительным ответам)

Основания прекращения общения	Возраст			По выборке
	до 19	20–24	25+	
Предательство	93,3	81,7	92,9	89,0
Потеря интереса	63,3	73,2	63,6	67,0
Утрата доверия	50,0	57,7	63,6	59,5
Появление новых интересов, увлечений, работы, изменение образа жизни	43,3	42,3	54,5	48,5
Перерастание отношений в ненависть	43,3	45,1	41,4	43,0
Длительное отсутствие контактов (из-за занятости, отъезда или других причин)	40,0	35,2	35,4	36,0
Противоречия во взглядах (религиозных, политических и др.)	26,7	26,8	27,3	27,0
Появление у партнера по общению семьи, детей	23,3	14,1	14,1	15,5

Давая оценку себе как субъекту проблемной коммуникации (табл. 15), юноши и девушки в равной степени говорили о заикленности на себе (6,0%), о том, что они слишком мало времени отводят общению, выплескивают на окружающих свой негатив (по 4,0%). Юноши в три раза чаще девушек говорили о своей подозрительности (10,0%), что они не ценят дру-

жескую коммуникацию (6,0%), объясняя это собственным сложным характером (5,0%). Девушки чаще сокрушались, что не дают окружающим людям проявить себя (2,0%). Только они говорили, что отодвигают общение на задний план, когда появляются отношения (3,0%), и что им хочется быть правыми в любой ситуации (1,0%).

Таблица 15

Гендерные различия в коммуникативных барьерах, % по полу (по положительным ответам)

Коммуникативные барьеры	Гендерная принадлежность		По выборке
	юноши	девушки	
Отсутствие способности поддерживать отношения с другими людьми	8,0	8,0	8,0
Депрессивное состояние	6,0	6,0	6,0
Замкнутость	6,0	5,0	5,5
Эмоциональная холодность	4,0	4,0	4,0
Пассивность в отношениях	4,0	3,0	3,5
Низкая самооценка (неуверенность в себе, наличие комплексов)	3,0	3,0	3,0
Переезд на новое место жительства	4,0	2,0	3,0
Наличие слишком высоких ожиданий	1,0	3,0	2,0
Сложный характер (эгоизм, зависть и др.)	3,0	1,0	2,0
Отсутствие доверия к окружающим людям	1,0	–	0,5

На отрицательные самохарактеристики молодежи как субъекта коммуникации значимо влияет возраст. Так, самые молодые чаще других говорили о неумении отдыхать и веселиться (10,0% против 6,0% в среднем по выборке), о том, что слишком мало времени отводят на общение и встречи, о своем сложном характере (по 6,7% при 4,0% по выборке). Молодежь 20–24 лет немного чаще других жаловалась на излишнюю подозрительность и заикленность на себе (по 7,0% при 6,0% по выборке). Именно они преимущественно говорили о том, что не ценят дружеское общение и выплескивают на окружающих свой негатив (по 5,6% при 4,0% по выборке), не дают окружающим проявить себя (2,8% при 1,5% по выборке). Только они говорили о своем стремлении быть правым в любой ситуации.

Среди тех немногих, кто испытывает проблемы с общением (у 88,5% таких проблем нет), 8,0% ответили, что барьером выступает отсутствие способности поддерживать отношения с другими, 6,0% – депрессивное состояние, 5,5% – замкнутость, 4,0% – эмоциональная холодность, 3,5% – пассивность в отношениях, 3,0% – низкая самооценка (неуверенность в себе, наличие комплексов), 3,0% – переезд на новое место жительства, 2,0% – наличие слиш-

ком высоких ожиданий, 2,0% – сложный характер (эгоизм, зависть и др.) и 0,5% – отсутствие доверия к окружающим людям. Таким образом, основные коммуникативные барьеры молодежи связаны с субъективными личностными комплексами, невозможностью эмпатии.

Для самых юных саратовцев коммуникативными барьерами чаще всего выступают неумение общаться (10,0%), низкая самооценка (6,7%) и недоверие к окружающим. Среди 20–24-летних такими барьерами выступают преимущественно наличие слишком высоких ожиданий или сложный характер (эгоизм, зависть) – по 2,8%. Среди самой старшей категории молодежи общению чаще других препятствует алекситимия – эмоциональная холодность (5,0%) и пассивность (4,0%).

Таким образом, нами выделено несколько основных явных барьеров коммуникации молодежи: проблемы социально-территориального пространства; инерция включенности (озабоченность коммуникатора другими проблемами); антиципация к чужим мыслям, алекситимия (эмоциональная холодность); стереотипизированность сознания, амбициозность; неприятие некомпетентного вторжения коммуникатора в личное пространство реципиента; утрата доверия к собеседнику. Таких барьеров,

как неприятие имиджа коммуникатора или языкового барьера, выделенных в свое время В. Шепелем [19], выявлено не было.

Как субъекты коммуникации, молодые люди осознают, переживают различие собственных и чужих правил и норм повседневного общения как социальную проблему и пытаются преодолеть ее тем или иным способом. Несмотря на способность определять основные коммуникативные барьеры, молодые саратовцы затрудняются в выборе средств их преодоления. Такими способами формирования коммуникативных компетенций молодежи могут стать закрепление традиций адекватного толерантного общения, управляемая коммуникативная адаптация, коммуникативный тренинг, социологический мониторинг.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что молодые люди отличаются динамизмом, стихийностью, противоречивостью, многовариантностью, практицизмом и сиюминутностью, существенным расхождением молодежных представлений и практик в сфере коммуникации. Это проявляется в том, что в представлениях молодежи наиболее эффективный канал коммуникации – реальное, «живое», непосредственное общение. Ему они доверяют больше всего. Однако на практике доминирует электронно опосредованный, виртуальный тип коммуникаций, отличающийся значительным расширением каналов получения информации. Более того, как показал анализ, чем выше ценится коммуникация, тем больше молодежь общается с помощью интернета, мобильного телефона. Иными словами, современная специфика молодежного общения – активизация виртуального общения, значительная роль телефона и интернет-сети как мощных инструментов, позволяющих поддерживать коммуникацию молодежи в наиболее комфортном формате.

Можно констатировать, что большинство молодых (55,5%) удовлетворены временем своих коммуникативных процессов, носящих синтетический характер, где эффективное «живое» общение молодежи относительно успешно дополняется телефонным общением, но эффективность интернет-коммуникаций оценивается молодежью неоднозначно.

Основным предпочтением в выборе субъектов общения для большинства молодежи являются сверстники. Однако по мере взросления возникает потребность делиться опытом с младшими, т.е. возрастает стремление к самоорганизации и передаче информации подрастающему поколению. С возрастом увеличивается

круг коммуникаторов, они чаще встречаются для общения и одновременно чаще других общаются по телефону и интернету.

Основой для возникновения стабильных коммуникативных процессов в молодежной среде выступает взаимная эмпатия. При этом искренность особенно важна для тех, у кого общение происходит непосредственно. Для тех, кто общается по телефону, важнее открытость, стабильность и общность интересов, увлечений. Все остальные качества важнее для интернет-общения. Интересно, что с возрастом среди молодежи растет значимость таких качеств, как бескорыстность, стабильность и общий опыт пережитых событий, но уменьшается роль искренности, близости и принятия собеседника таким, какой он есть, внимательности, общности интересов и увлечений, душевности беседы, возможности получить совет или опору, которая всегда поддержит в трудное время.

Список литературы

1. *Адамьянц Т. З.* Современная наука о социальной коммуникации: социологический аспект // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 1810–1815. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.219>
2. *Назаров М. М., Иванов В. Н., Кублицкая Е. А.* Социальные представления о covid-19 в условиях нестабильной информационной среды (исследование середины 2021 года) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2022. Т. 22, № 2. С. 275–290. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-2-275-290>
3. *Шилова В. А.* Связь включённости человека в коммуникативные процессы с оценкой собственного социального благополучия // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 13–15 мая 2021 г.) / Белорус. гос. ун-т ; гл. ред. В. Ф. Гигин [и др.]. Минск : БГУ, 2021. С. 67–71.
4. *Шилова В. А., Яковлева А. А.* Потребление информации как форма проявления идентичности (Часть 2) // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Т. 6, № 3. С. 130–149.
5. *Адамьянц Т. З.* Смысловые барьеры в современных смысловых противостояниях // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке : XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020» : сб. материалов. М. : МАКС Пресс, 2020. С. 193–196. (Электронное издание комплексного распространения). <https://doi.org/10.29003/m1402.978-5317-06450-1>

6. Бараш Р. Э., Антоновский А. Ю. Новые социальные движения и их эволюция в сетевую эпоху // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 99–110. <https://doi.org/10.31857/S004287440005731-9>
7. Волков Ю. Г. Субъекты сетевого сообщества: социальные позиции и установки // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докладов VI Всерос. социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3097–3105. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM). <https://doi.org/10.19181/kongress.2020.369>
8. Гольбрайх В. Б. Исследования социальных сетей в России: попытка библиометрического анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 62–83. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2140>
9. Васильев Н. А., Карпунин О. И. Социальные сети: превращение поля свободы в оружие антироссийской информационной войны // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 4 (93). С. 18–32.
10. Мальшева Г. А. Цифровые сети как ресурс социальной коммуникации в условиях пандемии // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития : материалы Всерос. науч. конф. XIV Ковалевские чтения, 12–14 ноября 2020 г. / отв. ред. : Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. : Скифия-принт, 2020. С. 418–419.
11. Дубровин В. Л. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и некоторые особенности их отображения в аудиовизуальном контенте // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 204–215. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.1.51762>
12. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 1. С. 31–41. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41>
13. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Общение в молодежной среде: социокультурные особенности ожиданий // Социальные и гуманитарные знания. 2022. № 2 (30). С. 178–189. <https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-178-189>
14. Селиверстова Н. А., Чанкова Е. В. Социокультурное воспроизводство коммуникативных компетенций в молодежной среде // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 31–46. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-3>
15. Васильев Н. А., Комиссаров С. Н. Культурный код. Новые поколения российской молодежи // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 5. С. 38–62.
16. Ивченкова М. С. Роль мобильных телефонов в повседневной жизни молодежи (по результатам социологического исследования) // Социальные инновации в жизни россиян: тенденции и парадоксы : материалы науч.-практ. конф. Дыльновские чтения. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 310–314. EDN: USYGEC
17. Ивченкова М. С., Ивченков С. Г. Сетевой сленг в молодежной среде г. Саратова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 190–199. EDN: YQQPGR
18. Сергеева О. В., Мизиряк Н. А. Игровые компьютерные среды и меняющийся опыт городских коммуникаций // Logos et Praxis. 2020. Т. 19, № 4. С. 51–60. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.4.5>
19. Шепель В. М. Настольная книга бизнесмена и менеджера: управленческая гуманитарология. М. : Финансы и статистика, 1992. 238 с.

Поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 138–142

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politics, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 138–142

<https://soziopolit.sgu.ru>

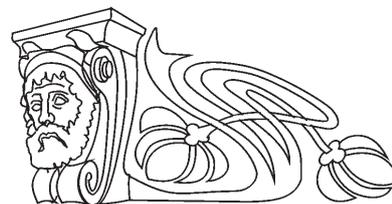
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>, EDN: JEVTPY

Научная статья

УДК 316.752

Семейные ценности современной молодежи

Л. В. Рожкова , А. Ш. Дубина

Пензенский государственный университет, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений, mamaeva_lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Дубина Альбина Шагидулловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и международных отношений, misurin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8797-0453>

Аннотация. Проблема ценностных ориентаций молодого поколения, в том числе и семейных ценностей, привлекает значительное внимание исследователей, поскольку они составляют ядро ценностей молодых людей, занимая лидирующие позиции в структуре базовых ценностных ориентаций. В семье выстраивается определенный тип взаимоотношений и воспитания, передаются традиции и жизненный опыт. Изучение семейных ценностей молодежи представляется актуальной задачей в условиях происходящих социально-экономических и политических изменений в российском обществе, трансформации семейных ценностей современной молодежи. В статье по результатам авторских социологических исследований (2018–2019 гг., 2020, 2020, 2023 гг.) среди молодежи российских регионов раскрывается динамика базовых семейных ценностей, рассматриваются семейные традиции, отношение к браку, к рождению детей, мотивы создания семьи. Материалы исследований свидетельствуют о важности семьи в структуре базовых ценностей молодых респондентов. Несмотря на опасения кризиса брака и семьи, состоящего в отсутствии необходимости официальной регистрации отношений, откладывании появления первенца либо вовсе нежелание иметь детей, в изменении семейных ценностей с традиционных на модернизационные, респонденты все же демонстрируют желание к официальному оформлению отношений в будущем и нацелены завести первого ребенка. При этом молодые респонденты в будущем спутнике жизни ищут прежде всего эмоциональную связь, комфорт, поддержку и любовь. Молодые люди, прежде чем стать родителями, планируют достичь материальной стабильности и быть уверенными в завтрашнем дне. Современное социально-экономическое состояние российского общества нуждается в сохранении института семьи и брака с традиционными семейными ценностями.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, семья, брак, репродуктивные установки, молодежь, студенты

Для цитирования: Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 138–142. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>, EDN: JEVTPY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Contemporary youth family values

L. V. Rozhkova , A. Sh. Dubina

Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Lilia V. Rozhkova, mamaeva_lv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Albina Sh. Dubina, misurin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8797-0453>

Abstract. The problem of value orientations of the younger generation, including family values, attracts considerable attention of researchers, since they form the core of values of young people, occupying leading positions in the structure of basic value orientations. A certain type of relationship and upbringing is built within the family circle where traditions and life experience are passed on. The study of family values of young people seems to be an urgent task in the context of ongoing socio-economic and political changes in Russian society and the transformation of family values of contemporary youth. The article, on basis of the results of the author's sociological research (2018–2019, 2020, 2020, 2023), reveals the dynamics of basic family values among the youth of Russian regions and considers family traditions, attitudes to marriage, the birth of children and the motives for creating a family. The research materials indicate the importance of the family in the structure of the basic values of young respondents. Despite the fears of a crisis of marriage and family, expressed in the absence of the need for official registration of relations, postponement of the appearance of the firstborn, changing the traditions of the family from basic to modern ones, the respondents still demonstrate a desire to formalize the relationship in future and aim having the firstborn. At the same time, young respondents are primarily looking for emotional connection, comfort, support and love in their future life partner. Young people plan to achieve financial stability and be confident in the future before becoming parents. The current socio-economic state of Russian society needs to preserve the institution of family and marriage with traditional family values.

Keywords: values, value orientations, family, marriage, reproductive attitudes, youth, students

For citation: Rozhkova L. V., Dubina A. Sh. Contemporary youth family values. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 138–142 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-138-142>, EDN: JEVTPY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Непростая политическая ситуация в стране вызывает ощутимые изменения социально-экономического положения различных слоев населения, в том числе затрагивает и особую социально-демографическую группу, переживающую период становления социальной зрелости, наиболее мобильную, эмоциональную, аккумулирующую передовые идеи, – молодежь. Особое внимание сегодня сосредоточено на исследовании семейных ценностных ориентаций современной молодежи в условиях происходящих трансформаций, которые затронули жизнь семьи, ее устои, глубинные основания и семейные ценности. Произошло обесценивание традиционных устоев и обычаев, которые касаются образа семьи, что повлекло за собой ослабление некоторых семейных ценностей [1, с. 53].

В современном российском обществе наблюдается ряд тенденций в развитии семейных ценностей россиян и молодежи, в том числе изменение отношения к институту семьи, родительству, процессу воспитания детей, увеличение возраста вступления в брак, снижение популярности заключения брака, рост числа разводов и др. Среди молодежи преобладают следующие тенденции: откладывание деторождения, нормализация сожительства [2, с. 75], планирование рождения детей, партнерский бюджет в паре. Вместе с тем отмечается положительное отношение к семье и браку, а идеи «чайлдфри» как осознанный выбор практически не распространены среди молодежи [2, с. 75]. В числе главных жизненных ценностей современной молодежи – любовь, счастливая семейная жизнь, крепкая семья [3, с. 240; 4, с. 73].

Цель исследования – анализ динамики изменения семейных ценностей молодежи в современных условиях. В числе основных задач следующие: выявление ценности семьи в системе базовых ценностей, анализ основных ценностей семьи и семейных традиций, отношение к семье и браку, репродуктивные планы молодежи.

Для анализа семейных ценностей, обычаев, традиций, жизненных ориентиров, а также их динамики использовались материалы ряда авторских исследований: опросы методом анкетирования среди молодежи российских регионов (2018–2019 гг., $n = 2383$, в том числе г. Пенза, $n = 344$) и молодежи г. Пензы (2020 г., $n = 660$; 2023 г., $n = 204$), а также материалы других исследований ценностей молодого поколения.

Данные проведенных исследований позволили выявить структуру базовых ценностей современной молодежи. Семья в этой системе занимает приоритетные позиции: 65,3% молодежи Поволжья (70,2% – Пензенской области), 73,94% – Крыма, 67,84% – г. Москвы и 64,3% – молодежи г. Санкт-Петербурга [5, с. 39]. По данным исследования 2020 г., в ряду базовых жизненных ценностей молодежи Пензенской области семья составляет 50,7%. Исследование 2023 г. также подтвердило значимость семейных ценностей для 72,1% молодых респондентов.

Среди семейных ценностей для молодых людей г. Пензы важны эмоциональный и психологический комфорт, понимание, забота, доверие (85,3%), любовь (67,4%) (табл. 1). Согласно исследованию 2018 г., молодежь также выбирала эмоционально-психологический комфорт и любовь в качестве приоритетных семейных ценностей.

Таблица 1

Семейные ценности молодежи, % по каждому исследованию (многовариантные ответы)

Семейные ценности	Пенза (2018 г.), $n = 344$	Пенза (2023 г.), $n = 204$
Любовь	57,7	67,4
Дети	53,7	29,4
Эмоциональный и психологический комфорт в семье	58,9	85,3
Материальное благополучие	22,5	57,4
Совместный досуг	14,4	39,7
Помощь родителям	23,4	50,0
Преемственность поколений	9,6	13,2
Сексуальные отношения	14,1	11,8
Общение с родственниками	21,3	44,1

По сравнению с данными исследования 2018 г. в 2023 г. отмечается увеличение значимости для молодежи Пензенской области таких семейных ценностей, как эмоциональный и психологический комфорт, материальное благополучие, совместный досуг, помощь родителям и общение с родственниками. Менее значимым стало родительство как важная семейная ценность. Необходимо отметить, что исследование 2018 г. показывает динамику роста значимости ценности семейного материального благополучия для

молодежи более старшего возраста и молодых людей, характеризующих свою материальную обеспеченность как низкую.

Ведущие семейные традиции для молодежи г. Пензы – семейные праздники (табл. 2), на втором месте – празднование государственных праздников, на третьем – встречи с родными. Данные опроса 2023 г. отмечают рост празднования государственных праздников и снижение важности соблюдения религиозных обрядов как семейных традиций и семейного отдыха.

Таблица 2

**Семейные традиции, распространенные среди молодежи,
% по каждому исследованию (многовариантные ответы)**

Семейные традиции	Пенза (2018 г.), $n = 344$	Пенза (2023 г.), $n = 204$
Семейные праздники, дни рождения	73,0	85,3
Семейные увлечения, отдых	27,8	19,1
Религиозные обряды и праздники	17,3	2,9
Празднование государственных праздников	37,1	61,8
Регулярные встречи с родственниками	37,4	38,2
Воскресные семейные обеды, ужины	17,9	13,2
Проведение семейных советов	11,1	1,5

Отношение пензенских молодых респондентов к традиционным семейным ценностям близко к позициям молодежи других регионов (Оренбург, $n = 300$), которые также выделяют в числе важных ценностей поддержку. При этом ценность деторождения имеет низкие позиции. Молодые люди не ориентированы на многодетность, ограничиваясь мнением о достаточности рождения одного ребенка [6].

Интересны данные об отношении к существующим формам семейной жизни, представленным С. А. Ильных (Новосибирск, $n = 561$, Минск, $n = 507$). Ценность брака, хотя и продолжает быть значимой, все же уменьшается его незарегистрированной формой. В числе основных мотивов вступления в брак – желание быть вместе с любимым человеком и иметь детей [1].

Исследователем К. Р. Семенцовым был проведен контент-анализ для изучения мнений пользователей Интернета по вопросам семейно-брачных отношений, рассмотрены посты за период 2020–2022 гг. Так, у респондентов в возрасте 18–35 лет преимущественно складывается мнение об отсутствии необходимости в браке. Особо остро вопрос о совместном проживании стоял во время изоляции в период COVID-19 в 2020–2021 гг. – многие пары на тот момент распались, такое проживание стало источником конфликтов. Сами молодые люди от-

мечают влияние общества и СМИ на изменение их установок и ценностей. Распространено мнение о коммерческой стороне отношений и выгоде от брака [7, с. 111–112].

По исследованию среди молодежи Пензенской области, проведенному А. М. Иванишко, в ответах молодежи явно прослеживается тенденция распространения сожительства в качестве этапа до брака, а иногда и в качестве альтернативы браку [2, с. 79]. Подобные тенденции отмечает и С. П. Акутина. Так, 64,6% опрошенных устраивает незарегистрированный брак, который способствует получению опыта совместного ведения хозяйства и проживания [8]. Материалы исследования Е. С. Щетининой свидетельствуют, что молодежь более ориентирована на сожительство, чем на официальный брак (65,0%). При этом современные молодые люди – сторонники равноправия в организации семьи (72,0%) [6, с. 395].

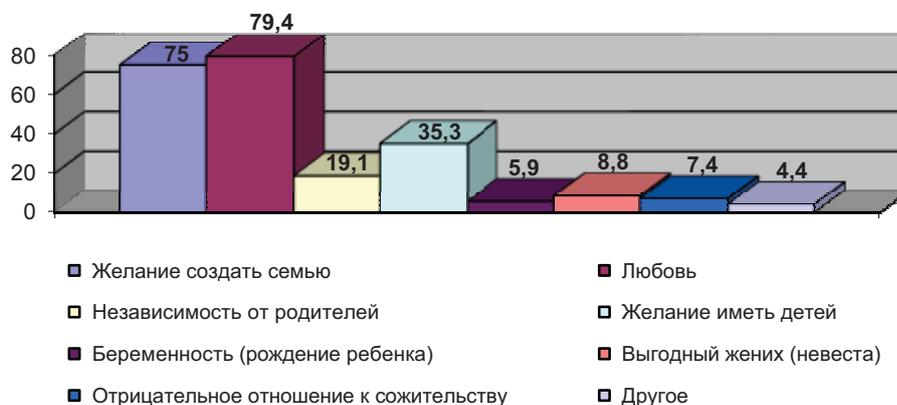
В контексте проведенного авторского исследования среди молодежи г. Пензы было выявлено, что большая часть опрошенных собираются обзавестись семьей и оформить отношения официально (61,8%). Доля таких респондентов в 2018–2019 гг. составила 53,4% молодежи Поволжья (51,0% – Пензенской области), 69,7% – Крыма, 58,5% – г. Москвы и 59,3% – молодежи г. Санкт-Петербурга [9]. Дан-

ные исследования показали, что среди столичной молодежи больше, чем среди молодежи Поволжья и Крыма, доля лиц, которые затруднились ответить на вопрос о создании семьи и вступлении в брак (19,3 и 20,8% соответственно). Необходимо подчеркнуть, что молодежь

старшего возраста чаще демонстрирует тенденции к сожительству. Девушки мечтают о семье и браке чаще, чем юноши.

В числе основных целей для вступления в брак молодежь называет желание создать семью и рождение детей (рисунок).

Основные причины вступления в брак, %, n = 204 (цвет онлайн)

Четверть опрошенных молодых людей г. Пензы (26,5%) планируют рождение детей при любых условиях. Что касается более ранних исследований, то цифра достигала 38,7% молодых людей Поволжья (39,9% по Пензенской области). Не собираются ни при каких обстоятельствах заводить детей 22,1% опрошенных. Такие негативные тенденции могут свидетельствовать о том, что сейчас происходит трансформация жизненных векторов молодежи, изменения также коснулись института семьи и брака. Часть ученых прогнозируют необратимые изменения, некоторые констатируют крах и утрату семейных ценностей. Семья адаптируется к современным реалиям, и этот процесс сложный, обостряющий различия семейных и внесемейными ценностей современной молодежи. Ученые все чаще в своих исследованиях раскрывают одну из острых проблем семьи, такую как нежелание и неготовность к деторождению. Рождение ребенка больше не считается важнейшим и приоритетным событием в жизни молодой семьи [9, с. 164]. Сегодня для молодого поколения в приоритете независимость, достижение успеха, карьерный рост, социальный статус. Дети отходят на второй план, и появление первенца откладывается до «лучших времен», после достижения поставленных целей. Поэтому, отвечая на вопрос об оптимальном возрасте для создания семьи, 48,5% молодых респондентов выбирают от 26 до 30 лет, 13,2% – после 30 лет. Примечательно, что с годами молодые люди все чаще хотят иметь детей.

Таким образом, анализ данных исследований позволяет сделать ряд основных выводов. Во-первых, семья в системе жизненных ценностей современной молодежи по-прежнему занимает приоритетные позиции. Во-вторых, молодежь все чаще предпочитает эмоционально-психологический комфорт и любовь в качестве приоритетных семейных ценностей, заменяя его желанием стать родителями. В-третьих, респонденты не имеют ориентаций на многодетность, большая часть считает, что достаточно иметь лишь одного ребенка в семье и при условии материальной стабильности и достижения карьерного роста. Сегодня можно говорить о процессе трансформации семейных ценностей среди молодежи. Основная особенность заключается в отсутствии необходимости официальной регистрации отношений, откладывании появления первенца или вообще нежелании иметь детей, в изменении традиций семьи с базовых на модернизационные. Современные молодые люди в будущем спутнике/спутнице жизни ищут эмоциональную связь, комфорт и поддержку, любовь. Исследования семейных ценностей молодежи свидетельствуют о важности семьи в структуре базовых жизненных ценностей, несмотря на лояльное отношение к сожительству. Сегодня современные условия все острее ставят на повестку дня потребность сохранения у молодых людей направленности на традиционные семейные ценности.

Список литературы

1. Ильиных С. А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // *Caucasian Science Bridge*. 2022. Т. 5, вып. 2 (16). С. 52–59. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4>
2. Иванишко А. М. Семейные ценности молодежи Пензенской области: супружество и родительство // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2022. № 3. С. 75–84. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-3-6>
3. Долгова В. И., Богданова В. О. Жизненные смыслы и ценностные ориентации современной молодежи // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2022. № 6 (172). С. 239–259. <https://doi.org/10.25588/8303.2022.63.53.012>
4. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020>
5. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Семья и образование в структуре жизненных ценностей молодежи Республики Крым // *Logos et Praxis*. 2020. Т. 19, № 2. С. 38–47. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.2.4>
6. Щетинина Е. С. Представления о семье у современной молодежи // *Молодой ученый*. 2022. № 3 (398). С. 392–395. URL: <https://moluch.ru/archive/398/88190/> (дата обращения: 30.01.2023).
7. Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022. Т. 12, № 4. С. 109–113. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113>
8. Акутина С. П. Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии // *Социодинамика*. 2020. № 8. С. 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.8.31890>
9. Рожкова Л. В. Семья и семейные ценности во взглядах российской молодежи // *Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики* : сб. науч. тр. (Курск, 13–14 мая 2019 г.). Курск : Курский государственный ун-т, 2019. С. 164–168.

Поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 20.02.2023
The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 20.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 143–150
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 143–150
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-143-150>, EDN: CNDVKH

Научная статья
УДК 316.33:361.35

Этническая идентичность студенческой молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ

А. Ю. Гайфуллин

Уфимский университет науки и технологий, Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32

Гайфуллин Андрей Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, gayfullin_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1583-6009>

Аннотация. Статья посвящена исследованию этнической идентичности студенческой молодежи Республики Башкортостан с целью выявить особенности этнической идентичности. Эмпирический материал базируется на результатах социологического опроса студенческой молодежи, проведенного в 2022 г. Российским обществом социологов на территории разных регионов России, в том числе на территории Башкортостана. Определены этнодемографические особенности Республики Башкортостан и установлен полинациональный характер межэтнических отношений в регионе. Рассмотрено проявление аффективного аспекта и когнитивного аспекта этнической идентичности у студенческой молодежи. По результатам исследования выявлено, как студенческая молодежь Республики Башкортостан определяет свою этническую идентичность, насколько сильно национальность матери и отца влияет на ее этническую идентичность. Проанализировано, насколько структура студенческой молодежи Республики Башкортостан по национальности, установленная по результатам самоидентификации молодежи в социологическом опросе, отличается от результатов Всероссийской переписи населения 2020 г. с данными о национальном составе населения Республики Башкортостан в целом. Установлен уровень толерантности студенческой молодежи к представителям других национальностей, определено влияние фактора национальности на общение. Частично затронуты языковые и конфессиональные аспекты изучаемого вопроса как этнодифференцирующие признаки когнитивного аспекта этнической идентичности. В качестве доминирующего типа выявлена позитивная этническая идентичность студенческой молодежи Республики Башкортостан; установлено, что она демонстрирует высокий уровень толерантности к представителям других национальностей и не рассматривает фактор национальности в качестве определяющего при выборе предпочтений в межличностном общении. **Ключевые слова:** молодежь, студенческая молодежь, национальность, национальная идентичность, социологический опрос, Республика Башкортостан

Для цитирования: Гайфуллин А. Ю. Этническая идентичность студенческой молодежи Республики Башкортостан: социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 143–150. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-143-150>, EDN: CNDVKH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethnic identity of the student youth of the Republic of Bashkortostan: A sociological analysis

A. Yu. Gayfullin

Ufa University of Science and Technology, 32 Zaki Validy St., Ufa 450076, Russia

Andrey Yu. Gayfullin, gayfullin_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1583-6009>

Abstract. The article is devoted to the study of the ethnic identity of the student youth of the Republic of Bashkortostan. The purpose of the study is to identify the features of ethnic identity among modern students of the Republic of Bashkortostan. The empirical material of the study is based on the results of the sociological survey of students conducted in 2022 by the Russian Society of Sociologists in different regions of Russia, including the Republic of Bashkortostan. The ethnic demographic features of the Republic of Bashkortostan are determined and the polyethnic nature of interethnic relations in the region is established. The manifestation of the affective aspect and the cognitive aspect of ethnic identity in the student youth of the Republic of Bashkortostan are considered. According to the results of the study, it was revealed how the student youth of the Republic of Bashkortostan determines their ethnic identity, how much the nationality of the mother and father affects the ethnic identity of the student youth of the Republic of Bashkortostan. The article analyzes how the structure of the student youth of the Republic of Bashkortostan by nationality, established by the results of self-identification of youth in a sociological survey, differs from the results of the All-Russian Population Census of 2020 with data on the national composition of the population of the Republic of Bashkortostan as a whole. The level of tolerance of students to the representatives of other nationalities was established, and the influence of the nationality factor on the communication of young people with other people was determined. The linguistic and confessional aspects of the studied issue are partially touched upon as ethnic differentiating signs of the cognitive aspect of ethnic identity. The positive ethnic identity of the student youth of the Republic of Bashkortostan

was revealed as the dominant type. It is established that the student youth of the Republic of Bashkortostan demonstrates a high level of tolerance to representatives of other nationalities and does not consider the factor of nationality as a determining factor when choosing preferences in interpersonal communication.

Keywords: youth, student youth, nationality, national identity, sociological survey, Republic of Bashkortostan

For citation: Gayfullin A. Yu. Ethnic identity of the student youth of the Republic of Bashkortostan: A sociological analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 143–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-143-150>, EDN: CNDVKH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для оптимизации межкультурного взаимодействия, снижения межнациональной напряженности и предотвращения межнациональных конфликтов необходимо более тщательно изучать вопросы этнической идентичности. Особую актуальность приобретает изучение этнической идентичности молодежи, поскольку этническое самоопределение является важным этапом становления молодого человека как личности и в значительной степени связано с тем социумом, в котором человек находится. Именно в период молодости в наибольшей степени проявляется стремление к самовыражению и самоопределению в разных аспектах, происходит включение во все виды социальной жизни и овладение различными социальными ролями, выстраивается система ценностей, осуществляется самопроявление личности в разных сферах, в том числе в этнической сфере [1].

Этническая идентичность выступает как результат определения человеком себя в этническом пространстве и является значимым фактором развития личности в условиях многонационального мира. Осмысливая личный опыт и опыт других людей, человек актуализирует для себя ту или иную этническую идентичность.

Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи в значительной степени обусловлено этническим составом территории, на которой она проживает. В рамках статьи исследуется этническая идентичность молодежи Республики Башкортостан – региона, который был и продолжает оставаться ведущим субъектом Российской Федерации как по уровню социально-экономического развития, так и по уровню проявления гражданской активности и этнического самосознания, что является немаловажным фактором общественной стабильности в стране.

Этнодемографические особенности Республики Башкортостан проявляются в том, что по своему этнонациональному составу она является регионом с титульным этносом. При этом 95,2% населения республики формируют в основном три наиболее многочисленных этнические группы – башкиры, русские, татары – с преобладанием доли русских (37,49%). Также

на территории Башкортостана проживает множество других славянских, тюркских и финно-угорских народностей. Таким образом, в республике межэтнические отношения имеют ярко выраженный полинациональный характер.

В рамках данной статьи исследуется специфика этнической идентичности у современной студенческой молодежи Республики Башкортостан.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют теория социальной категоризации Г. Тэджвела и теории социальных представлений С. Московиси. Г. Тэджвел определяет этническую идентичность как «когнитивно-эмоциональное осознание своей принадлежности к определенному этносу» [2, с. 22]. У С. Московиси этническая идентичность является составляющей идентификационной матрицы. Распределением информации в идентификационной матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей. Та идентичность, которая становится ведущей в данный момент, организует свою иерархию и свой порядок [2].

Среди отечественных исследователей методологические аспекты изучения этничности и этносоциальных процессов, в том числе терминологический аппарат, количественные измерения, варианты проявления, динамика развития и т.д., рассмотрены в работах Л. М. Дробижевой [3, 4], В. А. Тишкова [5] и др.

Исследователями накоплен также определенный опыт в изучении многомерных аспектов этнической идентичности студенческой молодежи в различных национальных республиках Российской Федерации с учетом региональных специфик, в частности в республиках Татарстан [6], Бурятия [7, с. 97, 100], Северная Осетия, Чеченской [8], Мордовия [9], Тува и Хакасия [10], Марий Эл [11] и др.

Особенности этносоциальных процессов в Республике Башкортостан рассматриваются в работах Г. Т. Галиева, Дж. М. Гилязетдинова, Ф. Б. Латыповой (Бурхановой) [12], Р. И. Ирназарова [13], Ф. С. Файзуллина [14] и других, а также в собственных исследованиях автора [15].

Несмотря на имеющиеся публикации по исследуемой проблематике по Республике Башкортостан, вопросы изучения национальной идентичности отдельных групп молодежи, в частности студенческой молодежи, в том числе с использованием социологических методов, остаются недостаточно изученными.

Кроме того, этническая идентичность является не статичным, а динамичным образованием, необходимы актуальные исследования с целью выявления изменений в этнической идентичности современной студенческой молодежи, в межнациональном общении для выработки своевременных управленческих решений в области государственной молодежной политики в части снижения межнациональной напряженности и предотвращения межнациональных конфликтов. Отмеченные обстоятельства определяют актуальность и новизну данной работы.

Цель настоящей статьи – выявить специфику этнической идентичности у современной студенческой молодежи Республики Башкортостан.

В числе задач исследования – выяснить, испытывает ли молодежь неприязнь к представителям других национальностей, каков уровень толерантности к представителям других национальностей, дружит ли студенческая молодежь с представителями других национальностей и считает ли принадлежность к той или иной национальности определяющим фактором в общении.

Основным источником информации о национальном составе являются данные Всероссийских переписей населения. В рамках нашей статьи анализируются данные переписей 2010 и 2020 гг.

Также материалами для исследования выступили данные социологического опроса студенческой молодежи, проведенного в 2022 г. Российским обществом социологов на территории разных регионов России, в том числе в Республике Башкортостан. При организации и проведении социологического исследования на территории Республики Башкортостан в Уфимском университете науки и технологий (ранее – Башкирском государственном университете) принимал непосредственное участие автор данной статьи. В рамках опроса оценивалось отношение молодежи к народной культуре, а также различные аспекты национальной идентичности.

Объем выборки в целом по Российской Федерации составил 11 851 чел., объем выборки в Республике Башкортостан – 1388 чел., или 11,2% от общего числа опрошенных по России.

Структура опрошенных выглядит следующим образом:

- по полу: 60,4% женщины, 39,6% мужчины;

- по возрасту: до 18 лет – 14,2%, 18–20 лет – 63,9%, 21–22 года – 16,3%, 23–30 лет – 4,7%, 31–35 лет – 0,9%;

- по форме обучения: 95,2% студенты очной формы обучения, 1,9% – очно-заочной, 2,9% – заочной формы обучения;

- по форме оплаты за обучение: 72,1% студенты, обучающиеся по бюджету и 27,9% студенты, за обучение которых оплачивают родители;

- по месту проживания: 41,7% проживают с родителями (с семьей), 26,5% – в общежитии, 19,0% – на съемной квартире, 11,1% – в своей квартире, 1,8% – в своей комнате (подселение, с соседями);

- по специализации (профилю обучения): 35,9% гуманитарная, 27,2% техническая, 15,2% социально-экономическая, 8,5% естественно-научная, 6,2% медицина, 9,3% прочее;

- по уровню подготовки: 85,3% первый–третий курсы, 11,3% четвертый–пятый курсы, 2,7% магистратура, интернатура, ординатура, 0,4% аспирантура, 0,3% другое.

Опрос проводился методом самозаполнения студентами анкеты по гугл-ссылке.

В структуре этнической идентичности выделяют три основных компонента:

- 1) аффективный, выражающий чувство принадлежности к группе, оценку ее качеств и отношение к членству в ней;

- 2) когнитивный, предполагающий знание особенностей той или иной социальной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков;

- 3) поведенческий, выражающийся в активном проявлении себя как члена группы [16].

Аффективный аспект этнической идентичности проявляется в осознании своей тождественности с определенным этносом. Согласно данным переписи населения России в 2010 г., в Республике Башкортостан на три наиболее многочисленных этноса приходится 90,9% населения (русские – 36,1%, башкиры – 29,5%, татары – 25,4%) [17]; согласно переписи 2020 г. – 95,2% населения (русские – 37,49%, башкиры – 31,5%, татары – 24,2%) [18]. Таким образом, за 10 лет в структуре населения по национальному составу увеличилась доля трех наиболее значимых для республики этносов. При этом, согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., среди жителей Республики Башкортостан за 2010–2020 гг. увеличилась доля тех, кто

идентифицирует свою национальность как русские и башкиры, а доля идентифицирующих себя как татар снизилась.

Согласно результатам проведенного социологического опроса, 35,7% студенческой молодежи Республики Башкортостан определяют свою национальность как русские, 27,6% как татары, 26,2% как башкиры. На другие национальности приходится 10,5%.

При этом при ответе на вопрос о национальности матери 32,3% опрошенных указали на национальность русская, 32,3% – татарка, 27,5% – башкирка. При ответе на вопрос о национальности отца 30,2% респондентов указали, что отец по национальности русский, 30,1% – татарин, 26,8% – башкир (табл. 1).

Таблица 1

Ответы на вопрос «Какова Ваша национальность, национальность Вашей матери и Вашего отца?», % опрошенных

Национальность	Студент	Мать	Отец
Русский/ая	35,7	32,3	30,2
Башкир/ка	26,2	27,5	26,8
Татарин/ка	27,6	32,3	30,1
Другая	10,5	7,9	12,9

Полученные результаты свидетельствуют, что молодежь Республики Башкортостан первостепенное значение в своем этническом самоопределении придает этничности родителей. Этничность представляется подавляющему большинству молодых людей как предписанный (аскриптивный) статус. Но в то же время различия в самоидентичности молодежи и национальностях у родителей не позволяют рассматривать национальность как исключи-

тельно унаследованный социальный признак. Это подтверждают также результаты других исследователей. В частности, в работе Р. Б. Шайхисламова отмечается, что «этническая идентичность становится многомерным сочетанием социальных и культурных факторов» [19, с. 11].

Также аффективный аспект этнической идентичности проявляется через отношение к членству в ней и в том, насколько часто человек вспоминает о своей национальности. По данным результатов опроса, большая часть студенческой молодежи Республики Башкортостан (62,7%) всегда помнит о своей национальной принадлежности, 12,8% вспоминают о ней только тогда, когда происходят какие-то события, так или иначе связанные с национальным вопросом, 12,5% вспоминают о ней довольно часто, только 12,0% опрошенных практически никогда или очень редко вспоминают о своей национальной принадлежности (рис. 1).

Когнитивный аспект этнической идентичности можно охарактеризовать через такие этнодифференцирующие признаки как отношение к национальной культуре, используемый язык общения, который определяется как родной, вероисповедание и др.

При ответе на вопрос «Какой язык (языки) считаете для себя родным (родными)?» 68,7% респондентов ответили, что русский, 24,8% – башкирский, 23,8% – татарский, другие языки – 7,0%. В числе других языков студенческая молодежь Республики Башкортостан отмечала чувашский (1,5%), марийский (1,0%), украинский (0,7%), казахский (0,6%), армянский (0,4%), таджикский (0,4%), узбекский (0,4%), немецкий (0,3%), удмуртский (0,2%), мордовский (0,2%) и др.

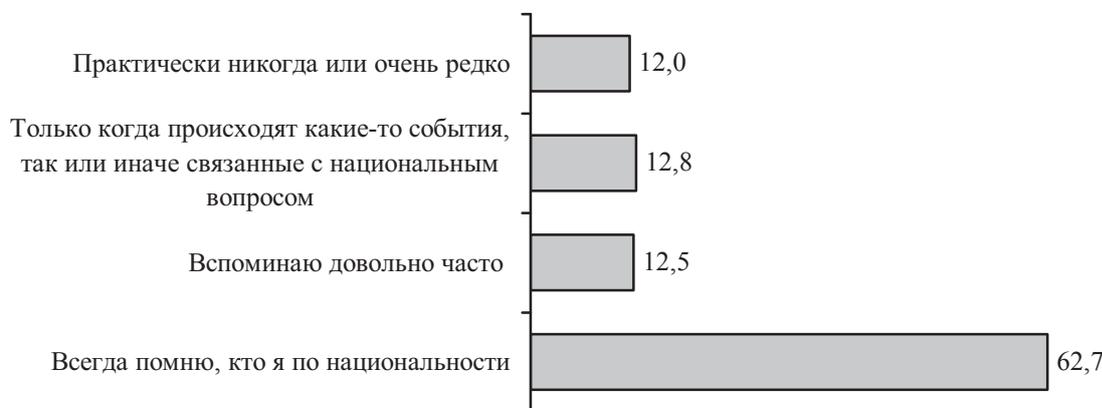

Рис. 1. Ответы на вопрос «Как часто Вы вспоминаете о своей национальной принадлежности?», % от числа опрошенных

Дома на русском языке общаются 57,0% студенческой молодежи Республики Башкортостан, 36,8% – на языке общей для членов семьи

национальности, 2,5% – на языке национальности матери и 1,9% – на языке национальности отца (рис. 2).

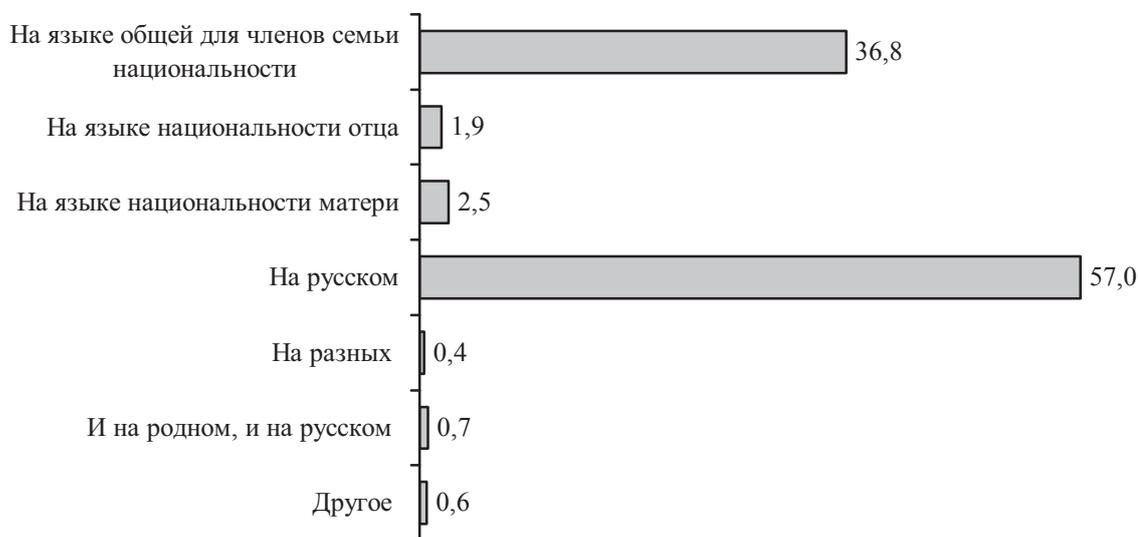

Рис. 2. Ответы на вопрос «На каком языке Вы общаетесь дома?», % от числа опрошенных

Использование более чем половиной опрошенных русского языка в качестве языка общения дома свидетельствует, что в Республике Башкортостан он является языком межнационального общения и важным объединяющим фактором жителей. Полученные результаты подтверждают тот факт, что в полиэтничных регионах именно один общий язык берет на себя объединяющую, консолидирующую функцию. При этом «родные языки, служащие важным маркером этнической идентичности, постепен-

но сдают свои позиции, особенно в городах, повсеместно сокращаются сферы их применения» [20, с. 753].

Подавляющим большинством молодежи Республики Башкортостан исповедуются две религии: ислам (59,1%) и православие (31,3%). Также 3,1% опрошенных ответили, что они исповедуют язычество, 1,6% – буддизм, по 0,8% – католицизм и протестантизм, 0,6% – индуизм, 0,2% – иудаизм, затруднились с ответом 2,5% опрошенных (рис. 3).

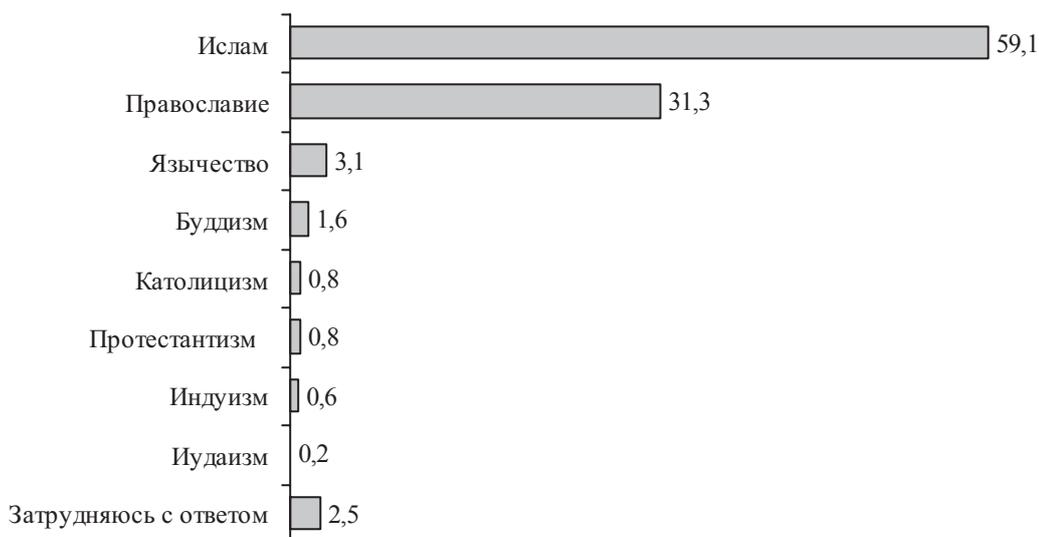

Рис. 3. Ответы на вопрос «К какому вероисповеданию Вы себя относите?», % от числа опрошенных

Также в рамках исследования оценивался уровень толерантности студенческой молодежи к представителям других национальностей. При ответе на вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к людям другой национальности?» 77,6% опрошенной студенческой молодежи Рес-

спублики Башкортостан дали отрицательный ответ. При этом 3,7% испытывают неприязнь к людям другой национальности, а почти каждый пятый респондент (18,7%) неприязненно относится к людям другой национальности «когда как, от случая к случаю» (рис. 4).

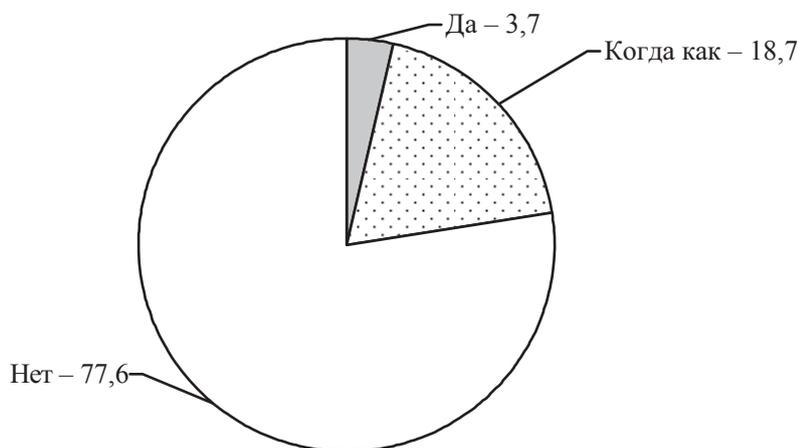

Рис. 4. Ответы на вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к людям другой национальности?», % от числа опрошенных

При ответе на вопрос «Испытываете ли Вы неприязнь к людям другой веры?» 77,2% опрошенных ответили, что определенно, нет, а 12,4% – скорее нет. Испытывают неприязнь к людям другой веры 6,9% респондентов (по сумме ответов «определенно да» – 4,0% и «скорее да» – 2,9%). Затруднились с ответом 3,5% опрошенных.

Таким образом, студенческая молодежь Республики Башкортостан в целом демонстрирует умеренно толерантное отношение к представителям других национальностей, а также к людям другой веры.

Одной из задач исследования являлось выявить, насколько дружна студенческая молодежь Башкортостана с представителями других национальностей и важна ли национальность при выборе того, с кем общаться.

Согласно полученным результатам, студенческая молодежь Республики Башкортостан не ставит принадлежность к той или иной национальности в качестве определяющего фактора при общении с друзьями, у 94,7% опрошенных сейчас есть среди друзей представители других национальностей. Также студенты не определяют национальность в числе значимого фактора, по которому предпочитают общаться с другими людьми. При ответе на вопрос «С кем Вы предпочитаете общаться?» подавляющее боль-

шинство опрошенных отмечают, что с людьми, разделяющими их взгляды на жизнь (81,1%), с проводящими досуг так же, как они (58,5%), с жителями своего города (села) (35,6%), с людьми той же профессии (32,1%), того же уровня образования (30,6%), с жителями своего района (28,5%), с людьми такого же материального достатка (27,6%). Только 17,2% опрошенных предпочитают общаться с людьми своей национальности (рис. 5).

Полученные данные свидетельствуют о том, что значимость этнической идентификации в системе мотивирующего фактора общения студенческой молодежи Республики Башкортостан с другими людьми намного меньше значимости единых взглядов на жизнь, значимости профессии, образования, материального достатка.

Этническая идентичность представляет собой сложный, многомерный социокультурный процесс. По результатам проведенного исследования следует, с одной стороны, что «унаследованная» от родителей этническая идентичность выступает результатом отождествления молодым человеком себя с семьей как с социальной группой, а с другой стороны – молодой человек как индивид самостоятельно может конструировать свою этническую идентичность под воздействием социокультурных

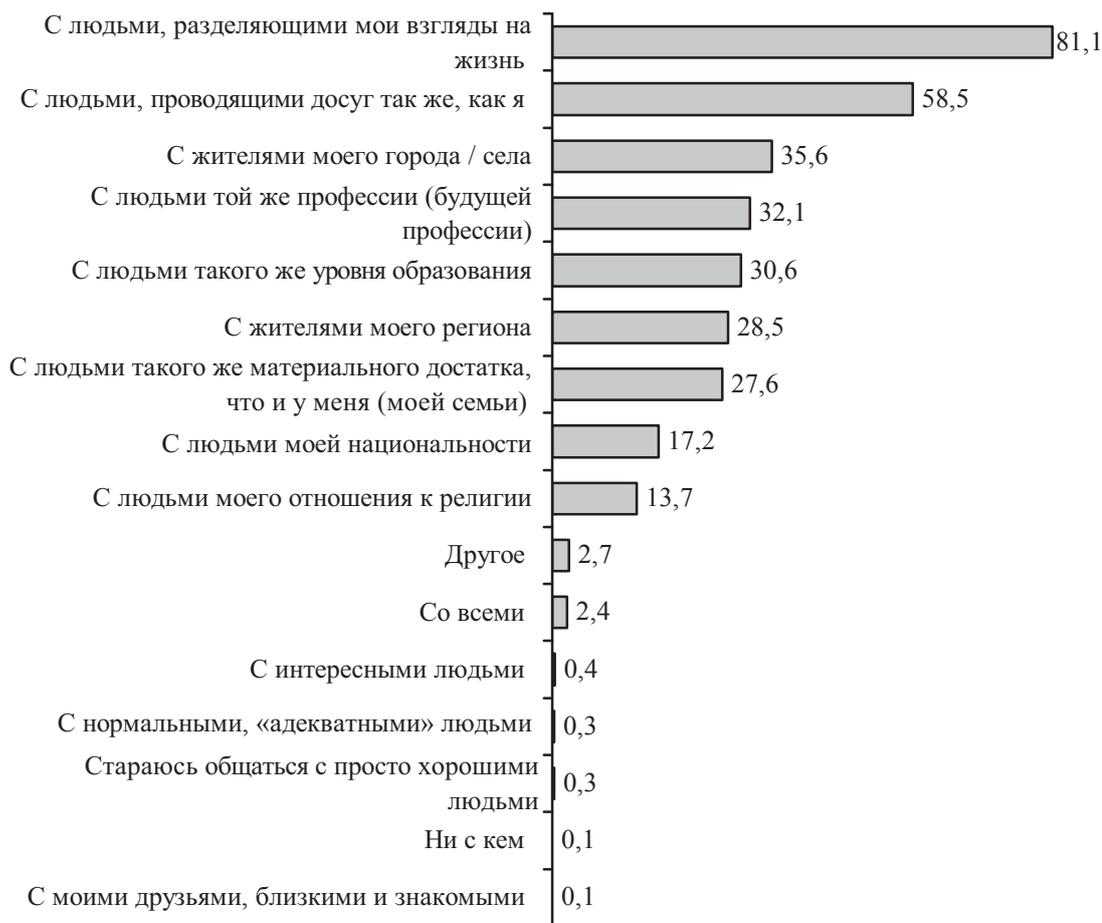

Рис. 5. Ответы на вопрос «С кем Вы предпочитаете общаться?», % от числа опрошенных

факторов, с которыми сталкивается в процессе социализации и взросления как личности. При этом, учитывая рост в молодежной среде интенсивности межкультурных контактов, числа межэтнических браков, то взаимосвязь этносоциальной и этноиндивидуальной идентификации молодежи в перспективе будет усложняться.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что в сознании студенческой молодежи Республики Башкортостан, несмотря на наличие неприязни к людям другой национальности у определенной ее части (3,7% опрошенных точно испытывают неприязнь к людям другой национальности, а 18,7% испытывает неприязнь «когда как, от случая к случаю»), в целом преобладает позитивный настрой в отношении других национальностей, что является положительным фактором, определяющим высокий уровень межнационального согласия в перспективном периоде и создает основу для формирования общегражданской идентичности молодежи.

Изучение вопросов этнической идентичности, межнационального общения, отношения к представителям других национальностей позволяет в некоторой степени выявить тенденции формирования новых траекторий общественного развития, а также важно с позиции своевременной диагностики межнациональных конфликтов в молодежной среде. При этом сохранение традиций, культуры, обрядов, религий, родных языков разных национальностей способно сохранить баланс в отношениях между федеральным центром и регионами России, между этническими обществами, что в целом будет способствовать развитию гражданского общества в России.

Практическая значимость материалов исследования состоит в возможности использования его результатов в части совершенствования межнационального общения и развития толерантности по отношению к представителям других национальностей в молодежной среде Республики Башкортостан.

Список литературы

1. Фомина Ю. И. Специфика этнической идентичности у современной российской молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 103–110. EDN: XHPYUZ
2. Чеботарева Е. Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22–28. EDN: OUHIAF
3. Дробижеева Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119–129.
4. Дробижеева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
5. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
6. Титова Т. А., Фролова Е. В., Гуцина Е. Г. Этническая идентичность и установки на межэтническое взаимодействие в среде молодежи Республики Татарстан // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2 (139). С. 285–291. EDN: YXCARX
7. Будаева Д. Ц., Васильева С. В., Федирко О. П. Гражданская и этническая идентичность студенческой молодежи Республики Бурятия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 10 (91). С. 3784–3794. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.91.10.020>
8. Дреева С. В., Старченко В. В. Особенности этнической идентичности и самоотношения студенческой молодежи Северной Осетии и Чеченской Республики // Современные технологии в образовании. 2019. № 19. С. 72–77. EDN: EBIFDA
9. Шумкова Н. В., Зубов О. Е. Региональная идентичность в структуре коллективных идентичностей студенческой молодежи Республики Мордовия // Siberian Socium. 2021. Т. 5, № 1 (15). С. 68–80. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2021-5-1-68-80>
10. Анайбан З. В. Современные этнодемографические характеристики молодежных групп Тувы и Хакасии // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 90–104. EDN: VZGUPH
11. Шабьков В. И., Кудрявцева Р. А. Факторы этнической самоидентификации современной молодежи Республики Марий Эл // Социодинамика. 2020. № 8. С. 26–43. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.8.33740>
12. Галиев Г. Т., Гилязитдинов Дж. М., Латыпова Ф. Б. Этническая стратификация и ее влияние на межнациональные отношения. Уфа : Салаватская городская типография Минпечати Республики Башкортостан, 1994. 40 с.
13. Ирнараров Р. И. К вопросу о дифференциации этносов в Башкортостане // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 56–60. EDN: UFZIVF
14. Файзуллин Ф. С., Файзуллин Т. Ф. Региональные особенности социального развития этнических общностей // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2014. Т. 19, № 3. С. 67–75. EDN: SMCCLT
15. Гайфуллин А. Ю. Этнодемографические характеристики молодежи в республиках Тыва и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 128–142. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.2.9>
16. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. : Институт психологии РАН ; Академический проект, 1999. 320 с.
17. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М. : ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (дата обращения: 10.02.2023).
18. Национальный состав населения по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 10.02.2023).
19. Шайхисламов Р. Б. Этнокультурное многообразие общества и сложная этнокультурная идентичность молодежи // Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве / под общ. ред. Р. Б. Шайхисламова. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 6–29. <https://doi.org/10.14258/e.cd.2021>
20. Псянчин А. В., Мигранова Э. В., Зарипов А. Я. К вопросу об этнической и общероссийской идентичности в республиках Башкортостан и Татарстан // Oriental Studies. 2021. Т. 14, № 4. С. 743–757. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-56-4-743-757>

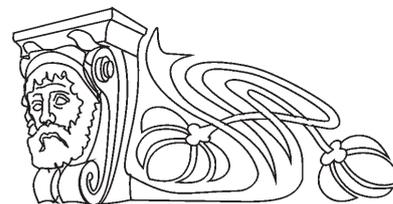
Поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 20.02.2023
The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication 20.02.2023

Научная статья

УДК 37.062.3

Образовательные стратегии студентов СГУ имени Н. Г. Чернышевского: гендерный срез

Т. А. Калугина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Калугина Татьяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, takaluginasar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8237-3833>

Аннотация. В статье по результатам социологического исследования (N = 400 респондентов), проведенного методом анкетирования, показано, что гендерная принадлежность студента значительно определяет его образовательную стратегию поведения и учебы. Наблюдается сильная гендерная асимметрия на гуманитарных и технических специальностях. Однако стратегические цели получения образования зависят от половой принадлежности. Юноши более обеспокоены получением престижной высокооплачиваемой работы, соответствием требованиям родителей. Среди юношей чаще встречается осторожное признание в том, что учеба им нравится только в общем или скорее не нравится. Девушки более зависимы от мнения окружающих, больше нацелены на получение диплома и саморазвитие. Учебная успеваемость также выше среди студенток, чем среди студентов-юношей. Девушки чаще стремятся быть лучшими в группе, а юноши предпочитают учебе свои интересы. Девушки категоричнее в своих как позитивных, так и негативных оценках учебы, среди них самая высокая доля тех, кому нравится учиться. Отношение к учебе во многом зависит от личных образовательных стратегий студентов. У поступивших в вуз ради саморазвития самый высокий интерес к учебе. На втором месте (хотя не столь категорично) те, кто учится ради престижной работы в будущем. Среди студентов, обучающихся для оправдания ожиданий общества и близких, интереса к учебе практически почти не наблюдается. Доля девушек, ориентированных на магистратуру, выше, чем среди юношей. Юноши поступают в магистратуру в основном для получения полного высшего образования, ради будущей работы и в силу разочарования в системе образования, девушки – для получения дополнительного образования и в силу неуверенности в будущем трудоустройстве.

Ключевые слова: студенты, образовательные стратегии студентов, учебная деятельность студентов, учебные планы студентов

Для цитирования: Калугина Т. А. Образовательные стратегии студентов СГУ имени Н. Г. Чернышевского: гендерный срез // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 151–157. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-151-157>, EDN: ESFSRN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Educational strategies of Saratov State University students: Gender cross-section

T. A. Kalugina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Tatyana A. Kalugina, takaluginasar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8237-3833>

Abstract. The article is based on the results of the sociological study (N = 400 respondents), conducted by the questionnaire method and shows that the gender identity of the students significantly determines their educational strategy of behavior and study. There is a strong gender asymmetry between humanitarian and technical specialties. However, the strategic goals of education depend on gender. Young men are more concerned with getting a prestigious high-paying job and meeting the requirements of their parents. Among young men, it is more common to find a cautious admission that they like learning only in general, or rather do not like it. The girls are more dependent on the opinions of others and more focused on obtaining a diploma and self-development. Academic performance is also higher among female students than among male ones. The girls are more likely to strive to be the best in the group, and the boys prefer their interests to study more often. The girls are more categorical in their both positive and negative assessments of their studies. The proportion of those who like to learn is the highest among the girls. The attitudes toward learning largely depend on students' personal educational strategies. Students who entered the university for the sake of self-development have the highest interest in studying. Those who study for the sake of a prestigious job in future take the second place (although not so categorically). The interest in learning is almost non-existent among those who study to meet the expectations of society and relatives. The proportion of girls enrolled in the master's degree is higher than among boys. The young

men take the master's degree mainly for a full higher education, for the sake of future work and because of disappointment in the education system, while the girls do it for additional education and because of uncertainty about future employment.

Keywords: students, educational strategies, educational activities, students' curriculum

For citation: Kalugina T. A. Educational strategies of Saratov State University students: Gender cross-section. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 151–157 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-151-157>, EDN: ESFSRN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Состояние высшей школы и образования в целом во многом определяют перспективы развития нашей страны и ее место в мировом сообществе. Современные социологические исследования касаются многих социальных проблем, среди которых особое место занимают жизненные и образовательные стратегии студентов. Стратегия представляет собой устойчивый рефлексивный вектор поведения студента по достижению его образовательных целей. При этом важную роль играет гендерный аспект, обозначающий различную степень ресурсов, используемых для обучения и социализации студентов. Это влияет и на мировоззрение студентов и их профессиональный выбор. В России традиционно характерна гендерная асимметрия среди научных направлений и в сферах образования из-за сосуществования в одном социальном пространстве гендерных стереотипов различной природы, противоречащих друг другу. Гендерное неравенство мешает самоактуализации и проявлению индивидуальности студента.

Проблемы образования в социологии рассматривались множеством ученых. Это касается доступности вузовского образования, векторов профессиональной ориентации студенчества, взаимодействия высшего образования с рынком труда. Основы социологии образования в своих трудах заложил еще Э. Дюркгейм [1]. В последнее время социология образования особенно активно разрабатывает социальное поведение студентов. Д. Л. Константиновский отмечает, что их стратегия зависит от способности мобилизовать свои социальные ресурсы [2]. Сегодня исследователи сосредоточены на неравенстве образовательных шансов молодежи (Е. С. Попова [3]), на образовательных и профессиональных траекториях молодежи (Д. Л. Константиновский [4]), на социальной мобильности студенчества (А. А. Зайцева [5]), на отношении студенчества к народной культуре (Н. В. Дулина, В. А. Мансуров [6]), самоидентификации студентов (Е. И. Пронина, Г. С. Широкалова, П. С. Юрьев [7]).

Гендерные исследования также активно развиваются в России (В. Г. Доброхлеб [8]), в том числе применительно к цифровому обществу (О. В. Гребняк, О. П. Новоженина [9]), в сфере науки и образовательных технологий

(И. П. Попова [10]). О гендерных аспектах в образовании писали Н. А. Блохина [11], Г. Г. Силласте [12]. Однако гендерная специфика образовательных стратегий студенчества пока еще не раскрыта в должной мере.

Эмпирической базой данной работы являются результаты авторского исследования, проведенного в 2021 г. методом анкетирования по вероятностной квотной выборке. Опрошено 400 студентов, обучающихся на социологическом, философском, механико-математическом факультетах и факультете КНиИТ Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, из которых 53% девушек и 47% юношей.

В табл. 1 представлены данные, показывающие гендерное распределение выбора студентами факультета обучения: 78,7% юношей и 33% девушек получают техническое образование, гуманитарное образование – 21,3 и 67,0% соответственно. Таким образом, в СГУ существует традиционное гендерное распределение студентов по факультетам.

Таблица 1
Гендерное распределение выбора студентами факультета обучения, % по полу

Направленность	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Техническое образование	78,7	33,0	54,5
Гуманитарное образование	21,3	67,0	45,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Образование – один из базовых институтов социализации, который формирует мировоззрение людей, определяет границы профессионального выбора, при этом отражая в себе заложенные в культуре представления о женском и мужском (табл. 2). Из 21,0% опрошенных, обучающихся на социологическом факультете, подавляющее большинство (34,0%) составили девушки, в то время как доля юношей весьма мала (6,4%). На философском факультете, где обучаются 24,5% респондентов, ситуация весьма схожая: 33,0% девушек и лишь 14,9% юношей. На факультетах технических специ-

альностей, наоборот, наблюдается преобладание юношей. На механико-математическом факультете обучаются треть опрошенных, из которых 40,4% составляют юноши и 21,7% – девушки, что почти в два раза меньше. Факультет КНиИТ представляют 24,0% студентов, и здесь тоже явное преобладание мужской доли: 38,3% юношей против 11,3% девушек. Коэффициент сопряженности составил 0,477 при примерной значимости 0,001, что указывает на сильную связь. Это показывает, что на факультетах гуманитарной направленности обучаются преимущественно девушки, а на технических факультетах – преимущественно юноши. Такой разброс может быть связан с наличествующими в обществе стереотипами о женских и мужских занятиях и профессиях.

Таблица 2

Влияние гендерной принадлежности студентов на выбор факультета, % по полу

Факультет	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Социологический	6,4	34,0	21,0
Механико-математический	40,4	21,7	30,5
Философский	14,9	33,0	24,5
КНиИТ	38,3	11,3	24,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Данные табл. 3 раскрывает гендерные различия в студенческих формулировках целей получения образования. Наиболее популярной целью (46,0%) стало обеспечение престижной работы и достатка в будущем, так ответили 54,3% юношей и 39,6% девушек. Эта стратегия профессиональной самореализации заставляет студентов вкладывать свои ресурсы в первую очередь в учебу. На втором месте (24,0%) оказалось саморазвитие, такую цель выбрали для себя 29,2% девушек и 18,1% юношей. Данная стратегия направленного развития связана с ощущением дефицита знаний, необходимых для получения престижной работы. Вероятно, это более характерно для представителей гуманитарных направлений и предполагает ориентацию на продолжение учебы в перспективе.

Из-за социального давления вариант «чтобы быть как все» (14,0%) выбрали 17,0% девушек и 10,6% юношей. Ради получения диплома о высшем образовании в вузе учатся примерно равное количество представителей мужского и женского пола (11,7 и 12,3% соответственно). Эта стратегия инвестирования в дипломную корочку сопрягается с невысокой успева-

емостью и часто вторичной занятостью не по специальности. Самой невесомой стала доля поступивших по настоянию родителей (всего 3,5%), из которых 5,3% юноши, а 1,9% девушки. Таким образом, юноши более обеспокоены получением престижной высокооплачиваемой работы, соответствием требованиям родителей. Девушки больше, чем юноши, зависимы от мнения окружающих, а также нацелены на получение диплома и саморазвитие.

Таблица 3

Влияние гендерной принадлежности студентов на мотивы получения образования, % по полу

Мотивы	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Обеспечение престижной работы и хорошего достатка в будущем	54,3	39,6	46,0
Чтобы быть как все	10,6	17,0	14,0
Саморазвитие	18,1	29,2	24,0
Получение диплома	11,7	12,3	12,0
Требование родителей	5,3	1,9	3,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Опрос с целью выявления зависимости учебной успеваемости от гендерной принадлежности студентов показал практически равное соотношение: со средней успеваемостью – 47,0% и с высокой – 49,5%. Среди последних оказалось 35,1% юношей и 62,3% девушек. Средняя учебная успеваемость у 59,6% представителей мужского пола и у 35,8% – женского. Процент низкой успеваемости оказался весьма мал – 3,5%, из них 5,3% юноши и 1,9% девушки. Можно заметить, что среди студенток успеваемость более высокая, чем среди студентов-юношей (табл. 4).

Таблица 4

Влияние гендерной принадлежности студентов на учебную успеваемость, % по полу

Успеваемость	Пол		Пол
	мужчины	женщины	
Низкая, с трудом учусь на 3	5,3	1,9	3,5
Средняя (3–4)	59,6	35,8	47,0
Высокая (5)	35,1	62,3	49,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Если обратиться к данным табл. 2, можно заметить сильное гендерное деление по факуль-

тетам. Возможно ли, что именно этот фактор является основным? В табл. 5 представлена зависимость учебной успеваемости от факультета обучения. Низкая успеваемость оказалась у 4,9% студентов механико-математического факультета, у 2,0% – философского и 6,3% – у обучающихся на факультете КНиИТ. Респонденты с низкой успеваемостью, обучающиеся на социологическом факультете, отсутствуют. Средняя успеваемость у 35,7% студентов социологического факультета, 62,3% – механико-математического факультета; 36,7% – философского факультета, а 47,9% – на КНиИТ. Высокая успеваемость у 64,3% обучающихся на социологическом факультете, 32,8% – на механико-математическом, 61,2% – на философском, у 45,8% респондентов с факультета КНиИТ также имеют высокую успеваемость. Итак, мы мо-

жем заметить, что на факультетах технических специальностей (механико-математический и КНиИТ) преобладает средняя успеваемость и более высок процент студентов с низкой успеваемостью, в то время как на факультетах гуманитарной направленности (социологический и философский) преобладает высокая успеваемость и достаточно низкий процент неуспевающих студентов. Так как технические специальности традиционно считаются более сложными и мужскими, а гуманитарные – легкими и женскими, можно предположить, что успеваемость в большей степени зависит не только от гендерной принадлежности студента, но от факультета, на котором он обучается. Однако выбор факультета в значительной степени обусловлен гендерными стереотипами профессиональной ориентации.

Таблица 5

Зависимость учебной успеваемости от факультета, % по факультету

Успеваемость	Факультет				По выборке
	социологический	механико-математический	философский	КНиИТ	
Низкая (2–3)	0	4,9	2,1	6,3	3,5
Средняя (3–4)	35,7	62,3	36,7	47,9	47,0
Высокая (5)	64,3	32,8	61,2	45,8	49,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Стратегии студенческого поведения включают то, как ведут себя во время учебы юноши и девушки. В табл. 6 представлена зависимость учебного поведения от пола студентов. По результатам опроса, лучшими стараются быть 12,0% респондентов, что составляет 5,3% мужского и 17,9% женского пола. Как выяснилось, в основном (52,0%) студенты предпочитают выполнять из учебной программы только то, что вызывает у них интерес. Доля юношей (52,1%) и девушек (51,9%), ответивших так, примерно

одинакова. С неохотой выполняют программу 16,0% студентов мужского пола и 20,8% женского. Всего 18,5% респондентов выбрали этот вариант. Предпочитают учебе свои интересы 18,1% юношей и всего 1,9% девушек. Однако можно сказать, что девушки чаще стремятся быть лучшими в группе, а юноши чаще предпочитают учебе свои интересы. Такое поведение может быть связано со школьной привычкой, поведением, где мальчики энергичные, а девочки более усидчивые и настроенные на учебу.

Таблица 6

Зависимость поведения во время обучения от гендерной принадлежности студентов, % по полу

Поведение	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Стараюсь быть лучшим(ей) в группе	5,3	17,9	12,0
Выполняю из программы только то, что интересно	52,1	51,9	52,0
С неохотой выполняю программу	16,0	20,8	18,5
Предпочитаю учебе свои интересы	18,1	1,9	9,5
Затрудняюсь ответить	8,5	7,5	8,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Важным аспектом студенческой стратегии является заинтересованность в учебе (табл. 7). Категорично ответили, что им нравится учиться, 23,4% юношей и 33,0% девушек. Более осторожно выразились, что им в целом нравится учеба, 40,4% юношей и 31,1% девушек. Недовольны учебой 30,9% юношей и 25,5% девушек. Совсем не нравится учиться 5,3% респондентов мужского и 10,4% женского пола. Таким образом, среди юношей чаще встречается осторожное признание в том, что учеба им нравится только в общем, и в том, что она им скорее не нравится. Девушки категоричнее в своих как позитивных, так и негативных оценках учебы.

Таблица 7

Влияние гендерной принадлежности студентов на отношение к учебе, % по полу

Нравится ли учиться	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Да	23,4	33,0	28,5
Скорее да, чем нет	40,4	31,1	35,5
Скорее нет	30,9	25,5	28,0
Нет	5,3	10,4	8,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Отношение к учебе во многом зависит от образовательных стратегий студентов (табл. 8). Из респондентов, получающих высшее образование ради обеспечения престижной работы и хорошего заработка в будущем, 24,7%

полностью довольны учебой, 46,2% в целом нравится учиться, 23,7% скорее недовольны учебой и 5,4% совсем не нравится учиться. Почти половине (46,4%) из поступивших в вуз, чтобы быть как все, скорее не нравится учиться, 21,4% совсем недовольны учебой, 25,0% в целом нравится учиться и всего 7,1% полностью нравится процесс обучения. Чуть более половины (54,2%) обучающихся ради саморазвития полностью нравится учиться. В целом нравится учиться 31,3% респондентов, не очень довольны учебой 12,5% и совсем не нравится учиться всего 2,1% опрошенных. Среди получающих образование ради диплома около половины (45,8%) скорее недовольны учебой, 12,5% совсем не нравится учиться, 16,7% в целом довольны, а 25,0% абсолютно довольны своей учебой. Из получающих образование по настоянию родителей 57,1% скорее не нравится учиться, 14,3% совсем недовольны учебой, а 28,6% скорее нравится учиться. Респондентов, которым полностью нравится учиться, в этой категории не оказалось. Можно заметить, что у студентов, поступивших в вуз ради саморазвития, самый высокий интерес к учебе. На втором месте (хотя не столь категорично) те, кто учится ради престижной работы в будущем. Среди тех, кто обучается для оправдания ожиданий общества и близких, интереса к учебе практически почти не наблюдается. Таким образом, отношение к учебе во многом зависит от личных стратегий студентов.

Таблица 8

Влияние мотивов получения образования на отношение к учебе, % по причинам получения образования

Нравится ли учиться	Причины получения образования					По выборке
	престижная работа	быть как все	саморазвитие	получение диплома	требование родителей	
Да	24,7	7,1	54,2	25,0	0	28,5
Скорее да, чем нет	46,2	25,0	31,3	16,7	28,6	35,5
Скорее нет	23,7	46,4	12,5	45,8	57,1	28,0
Нет	5,4	21,4	2,1	12,5	14,3	8,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Анализ данных показал (табл. 9), то в стратегиях студентов немалое место занимают планы на поступление в магистратуру. Сразу можно увидеть, что доля девушек, ориентированных на магистратуру, выше, чем юношей (69,8% против 60,6%). Это еще раз подтверждает большую заинтересованность в учебе девушек.

Анализ мотивов поступления в магистратуру в стратегиях студентов показал, что ради

получения полного высшего образования в магистратуру собираются 36,2% юношей и 26,4% девушек (табл. 10). Получение дополнительного образования выбрали причиной продолжить обучение 20,3% юношей и 44,8% девушек. Такую причину, как получение высокооплачиваемой работы в будущем, выбрали 13,0% студентов мужского и 4,6% женского пола. Такое же процентное соотношение среди не желающих поступать в магистратуру по

Таблица 9

**Зависимость планов на поступление
в магистратуру от гендерной принадлежности
студентов, % по полу**

Наличие планов поступления в магистратуру	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Да	60,6	69,8	65,5
Нет	16,0	6,6	11,0
Затрудняюсь ответить	23,4	23,6	23,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 10

**Зависимость мотивов планов касательно
магистратуры от половой принадлежности
студентов, % по полу**

Основной мотив поступления в магистратуру	Пол		По выборке
	мужчины	женщины	
Получение полного высшего образования	36,2	26,4	30,8
Получение дополни- тельного образования	20,3	44,8	34,0
Разочарование в системе образования	13,0	4,6	8,3
Получение высоко- оплачиваемой работы	13,0	4,6	8,3
Неуверенность в будущем	11,6	18,4	15,4
Затрудняются ответить	5,8	1,1	3,2
Итого	100,0	100,0	100,0

причине разочарования в системе обучения. Неуверенность в будущем явилась причиной затруднений с выбором дальнейшего пути у 11,6% студентов мужского и 18,4% женского пола. Совсем не видят смысла в дальнейшем обучении 5,8 и 1,1% соответственно. Итак, юноши поступают в магистратуру в основном для получения полного высшего образования, а девушки – для получения дополнительного образования. Возможно, такая разница опять же обусловливается гендерным делением на факультетах, потому что уже было определено стремление представителей обоих полов укреплять свое материальное положение и повышать социальный статус. Технические специальности зачастую считаются более престижными, поэтому юноши хотят повысить уровень владения навыками в рамках

выбранной специальности. Гуманитарные же специальности, где преобладает женский пол, наоборот, зачастую не востребованы, поэтому девушки стремятся к получению дополнительного образования. Можно также отметить, что девушки чуть больше не уверены в собственном будущем касательно учебы, а юноши чаще не видят смысла в продолжении обучения.

Исходя из результатов анализа, можно сказать, что гендерная принадлежность студента в значительной степени определяет его образовательную стратегию поведения и учебы. Мы можем наблюдать сильную гендерную асимметрию на гуманитарных и технических специальностях. На факультетах с технической направленностью обучаются 79,0% юношей и 33,0% девушек, на гуманитарных факультетах – 67,0% девушек и 21,0% юношей.

Однако стратегические цели получения образования зависят от половой принадлежности. Юноши более обеспокоены получением престижной высокооплачиваемой работы, соответствием требованиям родителей. Девушки более зависимы от мнения окружающих, а также больше юношей нацелены на получение диплома и саморазвитие. Учебная успеваемость также выше у студенток, чем у студентов-юношей. Девушки чаще стремятся быть лучшими в группе, а юноши чаще предпочитают учебе свои интересы. Среди юношей чаще встречается осторожное признание в том, что учеба им нравится только в общем или скорее не нравится. Девушки категоричнее в своих как позитивных, так и негативных оценках учебы. Среди них – самая высокая доля тех, кому нравится учиться (33,0%).

Отношение к учебе во многом зависит от личных образовательных стратегий студентов. У поступивших в вуз ради саморазвития самый высокий интерес к учебе. На втором месте (хотя не столь категорично) те, кто учится ради престижной работы в будущем. Среди тех, кто обучается для оправдания ожиданий общества и близких, интереса к учебе практически почти не наблюдается. Доля девушек, ориентированных на магистратуру, выше доли юношей (69,8% против 60,6%). Это еще раз подтверждает большую заинтересованность в учебе девушек. Юноши поступают в магистратуру в основном для получения полного высшего образования, ради будущей работы и в силу разочарования в системе образования, девушки – для получения дополнительного образования и в силу неуверенности в будущем трудоустройстве.

Список литературы

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., прим. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 348 с. (История социологии в памятниках).
2. Константиновский Д. Л. Молодежь и образование: между свободой выбора и необходимостью // Образование и наука в процессе реформ: Социологический анализ : сб. / ред.-сост. Д. Л. Константиновский, Л. П. Веревкин. М. : ЦСП, 2003. С. 3–26.
3. Попова Е. С. Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1. С. 55–67. <https://doi.org/10.52944/PORT.2022.48.1.004>
4. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодёжи // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 20 / отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. М. : Новый Хронограф, 2022. С. 379–399. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.14>
5. Зайцева А. А. Академическая мобильность студентов: ценности, установки и социальные практики на Юге России // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 137–154. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-10>
6. Дулина Н. В., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В., Юрьев П. С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 61–78. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5>
7. Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Юрьев П. С. Нижегородские студенты о времени и о себе // Primo Aspectu. 2022. № 4 (52). С. 9–18. <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2022-4-52-9-18>
8. Гендерная панорама современной России / В. Г. Доброхлеб [и др.] ; отв. ред. В. Г. Доброхлеб, З. А. Хоткина. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 236 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-389-8.2022>
9. Гребняк О. В., Новоженина О. П. Распределение социогендерной активности при переходе к цифровому государству // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 1, ч. 2. С. 256–265. <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2022-1-256-265>
10. Попова И. П. Гендерное равенство как фактор профессиональной карьеры в сфере науки и технологий // Мир России. 2021. Т. 30, № 2. С. 98–122. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-2-98-122>
11. Блохина Н. А., Воловик А. К. Гендерный анализ в образовании: скрытый учебный план. Тезисы // Ценностные подходы к организации учебно-воспитательного процесса в высшей школе : материалы межвуз. науч.-метод. конф., 28 марта 2006 г. : XIII Рязан. пед. чтения / редкол.: А. Н. Козлов (отв. ред.) [и др.]. Рязань : Рязанский государственный ун-т им. С. А. Есенина, 2006. С. 86–89.
12. Силласте Г. Г. Гендерная асимметрия в образовании и науке: взгляд социолога // Высшее образование в России. 2001. № 2. С. 96–106.

Поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 10.02.2023
The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 01.02.2023; accepted for publication 10.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 158–162

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 158–162

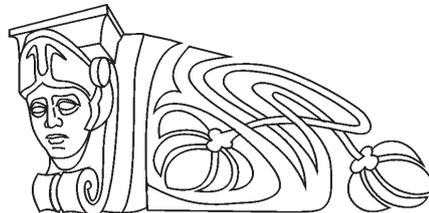
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-158-162>, EDN: ELGHSD

Научная статья

УДК 316.485

Социальный конфликт в сфере государственного управления: информационно-коммуникационные технологии разрешения

Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Аннотация. Статья посвящена проблеме управления социальными конфликтами в сфере государственного управления. Рассматриваются вопросы совершенствования коммуникационных навыков, информационного сопровождения принятия управленческих решений. Конфликт является постоянным явлением современной жизни, и вполне естественно, что множество конфликтных ситуаций разворачивается в процессе государственного управления. Это происходит из-за разнообразия взглядов, расхождений во мнениях и противоречивых интересов. Разногласия между сотрудниками органов государственного управления, их мнениями или взглядами на проблемы управления неизбежны. Неспособность реагировать на эти конфликты или пресечь их до полного развертывания снижает производительность системы и объем предоставляемых государственных услуг. Для эффективного реагирования на конфликты сотрудникам госуправления необходимы новые знания и доступ к новым инструментам разрешения. Для быстрого и успешного выхода из конфликтной ситуации необходимо знать все аспекты конфликта в целом и при этом не связывать его с конкретными ситуациями. Следует выстроить конфликтную модель, которая позволит проанализировать суть конфликтной ситуации и проследить оптимальные направления ее разрешения. Важно прийти до абстрактной модели, при этом ни в коем случае не забывая о реальных конфликтах. Поэтому сегодня многие теоретико-методологические изыскания лежат в плоскости построения общей конфликтной модели в государственном управлении. Одним из способов такого объединения может быть составление алгоритма обработки конфликтных ситуаций в сфере управленческой деятельности на основе базы данных конфликта. База данных должна содержать сведения о причинах конфликтов, методах их урегулирования, позитивных и негативных последствиях конфликта, результатах конструктивного конфликта, сигналах, указывающих на наличие конфликта, рекомендациях по урегулированию конфликта. Точная идентификация и правильное использование новых информационных решений дает сотрудникам возможность правильно подходить к конфликтам, что, безусловно, будет способствовать и улучшению имиджа государственного управления.

Ключевые слова: социальный конфликт, государственное управление, база данных конфликта, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Никифоров Я. А. Социальный конфликт в сфере государственного управления: информационно-коммуникационные технологии разрешения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 158–162. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-158-162>, EDN: ELGHSD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social conflict in the sphere of public administration: Information and communication technologies of their resolution

Ya. A. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yaroslav A. Nikiforov, nikiforovy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>

Abstract. The article is devoted to the problem of managing social conflicts in public administration. The issues of improving communication skills and information support for management decision-making are considered. A conflict is a constant phenomenon of modern life and quite naturally many conflict situations take place in the sphere of public administration. This is due to a variety of views, differences of opinions and conflicting interests. Disagreements between employees of government bodies, their opinions or views on management problems are inevitable. The failure to respond to or stop these conflicts before full deployment reduces system performance and the amount of public services provided. To effectively respond to conflicts, government officials need new knowledge and access to new resolution tools. It is necessary to build a conflict

model that will allow to analyze its essence and trace the optimal directions of its resolution. It is important to reach an abstract model. Therefore, today many theoretical and methodological surveys lie in the plane of building a common conflict model in public administration. One of the ways of such a combination can be to compile an algorithm for handling conflict situations in the field of management based on the conflict database. The database should contain information about the causes of conflicts, methods of their settlement, positive and negative consequences of the conflict, the results of a constructive conflict, signals indicating the presence of a conflict, recommendations for resolving the conflict. Accurate identification and correct use of new information solutions gives employees the opportunity to properly approach conflicts, which will certainly contribute to improving the image of public administration.

Keywords: social conflict, public administration, conflict database, information and communication technologies

For citation: Nikiforov Ya. A. Social conflict in the sphere of public administration: Information and communication technologies of their resolution. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 158–162 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-158-162>, EDN: ELGHS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Конфликт является постоянным явлением современной жизни, и вполне естественно, что множество конфликтных ситуаций разворачивается в процессе государственного управления. Это происходит из-за разнообразия взглядов, расхождений во мнениях и противоречивых интересов. Разногласия между сотрудниками органов государственного управления, их мнениями или взглядами на проблемы управления неизбежны. Они могут быть источником развития в рамках системы государственного управления, но иногда способны перерасти в конфликты. Неспособность реагировать на эти конфликты или пресечь их до полного развертывания снижает производительность системы и объем предоставляемых государственных услуг. Для эффективного реагирования на конфликты сотрудникам госуправления необходимы новые знания и доступ к новым инструментам разрешения.

Ключевой вопрос заключается в том, являются ли конфликты желательными или нет. Ответ зависит от того, как люди реагируют, оказавшись в конфликтной ситуации. Он может быть как положительным, так и отрицательным. Заблуждение заключается в том, что конфликт всегда является негативным, напротив, современные подходы утверждают, что должным образом управляемые конфликты могут привести к положительным результатам. В повседневной коммуникации конфликт обычно имеет негативный оттенок. Много написано о напряженности в отношениях и спорах с акцентом на разрушительные последствия. Причиной такого взгляда является тот факт, что научное изучение конфликтов началось именно с этого ракурса. Со временем конфликты утратили свою негативную коннотацию и стали рассматриваться как явление, которое не является ни позитивным, ни негативным, в зависимости от того, как ими управляют. Социология и другие социально-гуманитарные дисциплины находятся в поиске наилучшего способа их предот-

ращения, нивелирования или прекращения. Литература выделяет ряд определений конфликтов, однако в наиболее обобщенном виде конфликт можно определить применительно к сфере государственного управления как конкурентную ситуацию, в которой стороны стремятся занять позицию, не совместимую с желаниями другой стороны [1, с. 19].

Уместным видится представление китайского символа конфликта, состоящего из двух символов: того, что означает опасность, и того, что означает возможность. В обыденном понимании конфликт обычно ассоциируется с чем-то негативным и редко с чем-то представляющим возможность. Сам конфликт не является проблемой, но нерешенный конфликт становится серьезной проблемой.

Ранние исследования, связанные с анализом конфликтов, опирались на теорию игр, топологию и другие области операциональных исследований. Эти сферы продолжают оставаться неотъемлемой частью основного инструментария обработки конфликтных ситуаций. Однако совершенно ясно, что конфликт требует собственного подхода и выстраивания новых моделей, особенно в решении конфликтов в государственном управлении. Существуют различные подходы к урегулированию конфликтов, которые приводят к различным последствиям. Лучший способ уладить конфликты – это избежать их, если это вообще возможно. Самое сложное – уладить конфликт, в котором ни одна из сторон ни в коем случае не отказывается от своих позиций, убежденная, что абсолютно права. Необходимы знания о методах коммуникации, о том, как остановить эскалацию конфликта, как вмешиваться в кризисные ситуации и как управлять конфликтами.

Одним из важнейших направлений деятельности управленческого потенциала в государственном управлении является искусство поддержания регулярных и единообразных отношений между администрацией и пользовате-

лями ее услуг. Зачастую администрация даже не знает о конфликтах между сотрудниками или тлеющих конфликтах с пользователями услуг (гражданами и юрлицами).

Действенность государственного управления зависит от подходов и эффективности урегулирования конфликтов. Наиболее важными позитивными последствиями успешного урегулирования конфликта являются улучшение качества обслуживания, повышение способности адаптироваться к изменениям, выражение скрытых мотивов или скрытых эмоций, новые знания, связанные с разрешением конфликтов, творчество, инновации и т.д. По оценкам многочисленных исследований, управленцы тратят не менее 25% времени на разрешение конфликтов внутри своей среды [2]. Поэтому управление и разрешение конфликтов – одна из самых больших проблем, с которыми сталкиваются руководители и сотрудники.

Для быстрого и успешного выхода из конфликтной ситуации необходимо знать все аспекты конфликта в целом и при этом не связывать его с конкретными ситуациями. Следует выстроить конфликтную модель, которая позволит проанализировать суть конфликтной ситуации и проследить оптимальные направления ее разрешения. Важно прийти до абстрактной модели, при этом ни в коем случае не забывать о реальных конфликтах. Поэтому сегодня многие теоретико-методологические изыскания лежат в плоскости построения общей конфликтной модели в государственном управлении.

В настоящее время существуют два основных направления исследований в области урегулирования конфликтов:

1) учитываются все факторы до, во время и после конфликта (если это вообще возможно). Данный подход предполагает очень сложные расчеты, но дает хорошие результаты;

2) все основные факторы конфликта известны или предполагаются (стороны конфликта, причины, характер, потенциальные последствия и т.д.), при этом подробно рассматривается только один или два параметра. В этом случае результаты являются быстрыми, но менее надежными. Здравый смысл рекомендует использовать вторую модель, однако это довольно громоздкая и сложная работа, поэтому сегодня целесообразным может быть использование интегрирующего для обеих моделей инструментария.

Одним из способов такого объединения может быть составление алгоритма обработки конфликтных ситуаций в сфере управлен-

ческой деятельности на основе базы данных конфликта. База данных должна содержать сведения о причинах конфликтов, методах их урегулирования, позитивных и негативных последствиях конфликта, результатах конструктивного конфликта, сигналах, указывающих на наличие конфликта, рекомендациях по урегулированию конфликта.

Попробуем подробнее остановиться на основном содержании такого инструментария.

Один из базовых структурных разделов базы данных включает причины конфликта. Причины конфликтов между сотрудниками, а также между сотрудниками и получателями госуслуг (юридическими и физическими лицами) многочисленны и могут возникать из-за несоблюдения нормативных актов, законов и процедур, ошибок административных работников, неадекватных методов управления, несправедливости, кумовства, плохой организации, недостаточного качества услуг, плохого технического оснащения, чрезмерной нагрузки сотрудников, плохих условий труда, системы вознаграждения и т. д. Причины конфликтов можно разделить на две категории: объективные и субъективные. Объективные причины обычно отражаются в системе ценностей, убеждений, социальных ролей, позиций власти и т.п. Субъективные причины связаны с эмоциями: гневом, страхом, беспокойством, отсутствием доверия, разочарованием и т.д.

Также в базе данных конфликты можно дифференцировать для удобства обработки по типам. Так, конфликт может возникнуть в результате различных потребностей и интересов пользователей услуг и администрации как их поставщика. Когда клиенты хотят достичь своих целей и отмечают, что поставщик услуг (госслужащий) этому препятствует, это обычно приводит к конфликту. Такие конфликты могут быть личными, коммуникационными или организационными. Конфликты внутри организационных подразделений государственного управления могут иметь краткосрочные и долгосрочные последствия для администрации. Неудовлетворенность и эмоциональное истощение сотрудников, повышенный стресс, плохая рабочая обстановка, снижение креативности и эффективности обслуживания – вот лишь некоторые из симптомов, которые возникают, когда конфликт не управляется должным образом. Последствия конфликтов с пользователями услуг также могут плохо сказаться на организационных подразделениях государственного управления. Реакция участников и управле-

ние конфликтами со стороны управленческого персонала задают его позитивное или негативное направление. Важно, чтобы руководство и сотрудники знали о конфликтах и обращали внимание на определенные сигналы, указывающие на их существование. Наличие конкретного сигнала должно быть причиной тревоги, поскольку это ясно указывает на то, что связь между сотрудниками либо прервана, либо находится на низком уровне. Игнорирование конфликтов может помешать управленческому процессу, межличностным отношениям в рамках государственного управления или отношениям сотрудников государственного управления с получателями услуг.

Довольно важным видится внесение в базу данных конфликта представления его участниками своих целей. Одной из таких оперативных целей является получение полной информации о другом участнике (независимо от текущей роли). Конфликт зачастую не случился бы, имей тот или иной участник более полную информацию о другой стороне, а также о себе. Однако при возникновении конфликта обе стороны пытаются исказить информацию о себе или важных параметрах конфликта и внести максимальный шум и помехи. Поведение участников конфликта зависит от знания всей необходимой информации. Хорошая подготовка и обучение необходимы для эффективного урегулирования конфликтов в процессе обслуживания. Новые программные средства, основанные на базах данных, могут обеспечить более простую и эффективную подготовку кадров и более глубокое знание вопросов урегулирования конфликтов. Если человек не обладает достаточными знаниями или не может быстро найти их для эффективного реагирования на конфликт, он столкнется с препятствиями. Следовательно, конфликт может быть болезненным или даже разрушительным для участников системы управления.

Управление конфликтами начинается с момента их обнаружения (получение информации о причинах, участниках, их опыте, убеждениях, поведении и восприятии конфликтной ситуации). Ключевая роль в урегулировании конфликтов в государственном управлении принадлежит его управленческому персоналу, который должен придерживаться активного подхода, поскольку избегание ведет к эскалации конфликтов и снижению уровня управленческой эффективности.

Управление конфликтами предполагает обучение применению стилей поведения в кон-

фликте в зависимости от ситуации. В основном это обучение тому, как использовать энергию и компетентность участников для совместного решения проблемы. При этом следует поощрять открытое выражение мнений с определением приоритетов. При урегулировании конфликтов необходимо ориентироваться на особенности отдельных лиц, а не на их функции. Важно стремиться к решению с ненулевой суммой, которое выгодно обеим сторонам, а также учитывать наличие различных версий происходящего и проблем восприятия и тем самым четко определять причины конфликтов и способы их разрешения. Надо общаться «лицом к лицу» и при этом сосредоточиться на проблеме, а не на людях. Если возникает конфликт, следует не игнорировать или избегать его, а принять и немедленно устранить. Пользователи и поставщики услуг всегда должны думать позитивно и предполагать, что и у других были благие намерения. Следует также иметь в виду, что есть люди, которые не научились основным навыкам продуктивного общения. Это важная часть методических рекомендаций, которые должны быть разработаны и внесены в базу данных.

Соответственно, в предлагаемой информационной системе базы данных конфликта совершенно необходимым представляется раздел, связанный с подходами к урегулированию конфликтов. В качестве примера можно привести наиболее популярные стратегии: переговоров, высшей цели, посредничества, избегания.

Здесь же могут быть приведены основные тактики и связанные с ними навыки конфликтного общения: обсуждение «лицом к лицу» – установление взаимного доверия; убеждение – использование средств и способов завоевания внимания собеседника; уступки – тактика отступления с тщательно подобранным объемом и темпом.

В дополнение к стратегиям урегулирования конфликтов, представленным в базе данных, в нее можно также включить базовые приемы урегулирования конфликтов: увеличение ресурсов, сглаживание отношений между конфликтующими сторонами, принуждение, изменение стиля поведения сотрудников, изменение характеристик организационной структуры.

Итак, если мы принимаем реальность того, что конфликт всегда будет возникать из повседневных взаимодействий между людьми с различными целями, амбициями, требованиями, характеристиками и чертами, это приводит к позиции, что мы должны управлять по-

следствиями этих конфликтов. Поскольку эти последствия могут оставить долгосрочные негативные последствия для государственного управления, значение имеет своевременное и надлежащее управление конфликтами.

Конфликты можно рассматривать как неотъемлемую часть межличностных отношений в органах государственного управления, и как таковое урегулирование конфликтов является одним из условий его успешной деятельности. Конфликтов не избежать, но ими можно управлять за счет успешного использования стратегий и методов. Важно отметить, что при выборе стратегии следует проявлять осторожность, поскольку существует множество факторов, влияющих на то, какая стратегия является

наилучшей в конкретной конфликтной ситуации. Точная идентификация и правильное использование новых информационных решений дает сотрудникам возможность правильно подходить к конфликтам, что, безусловно, будет способствовать и улучшению имиджа государственного управления.

Список литературы

1. *Галиахметов Р. Н.* Социально-философский анализ конфликта. Красноярск : СФУ, 2012. 124 с.
2. *Rahim A.* Toward a theory of managing organizational conflict // *International Journal of Conflict Management*. 2006. Vol. 13, № 3. P. 206–235. <https://doi.org/10.1108/eb022874>

Поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 10.02.2023
The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 10.02.2023

Научная статья

УДК 316.4.05

Управление развитием организационной культуры современного воинского коллектива

А. Н. Болдырев

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Россия, 410023, г. Саратов, ул. Московская, д. 158

Болдырев Алексей Николаевич, преподаватель, адъюнкт, boldirev78@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7874-3328>

Аннотация. В статье представляется анализ теоретических подходов к сущности управления развитием организационной культуры современного воинского коллектива. Раскрывается военная организационная культура как комплекс культурных ценностей, норм, убеждений военнослужащих, управленческий фактор трансформации профессиональных изменений в современном воинском коллективе. Обосновывается специфика субъекта (государства, военной администрации, военнослужащих) и объекта (отдельных подразделений, членов воинского коллектива) управления, раскрывается интегрированный подход существенных характеристик процесса управления развитием организационной культуры воинского коллектива. В результате анализа данных социологического опроса уточняются характеристики данного явления как целенаправленной организационной, проектной, контролирующей деятельности военной администрации по обеспечению воспроизводства военной организационной культуры, достижение ее стабилизации, а также прогрессивного развития. Установлено, что управление развитием организационной культуры воинского коллектива предполагает проектное целевое качественное обновление не только внешних символов воинского коллектива, но и преобладающих в нем ценностей, потребностей, идеалов, традиций, норм поведения военных. Управленческое конструирование инновационных норм, ценностей, принципов взаимодействия военнослужащих позволяет не только сформировать инициативного военного лидерского типа, но и обеспечить предпосылки перехода к новаторской организационной культуре воинских коллективов. Доказывается, что управление развитием организационной культуры воинского коллектива имеет несколько форм проявления: 1) двойственный комплекс в рамках общей системы управления военной организацией; 2) механизм, направленный, с одной стороны, на обеспечение стабилизации организационной культуры, с другой – на ее расширенное воспроизводство; 3) подсистемы социального управления (федеральная, региональная, внутренняя – военно-организационная); 4) самоуправленческий процесс. В обобщенном контексте управление развитием организационной культуры представляет собой компонент системы комплексного целевого управления воинской частью в целом, определяющий в том числе и оптимизацию ее организационной культуры. В рамках данного управления можно выделить управленческие подсистемы в виде отдельных социокультурных проектов. Образовательную деятельность при этом подходе необходимо рассматривать как средство, обеспечивающее достижение развития организационной культуры воинского подразделения.

Ключевые слова: управление, военная организационная культура, военнослужащий, воинский коллектив, воинское подразделение

Для цитирования: Болдырев А. Н. Управление развитием организационной культуры современного воинского коллектива // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 163–170. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-163-170>, EDN: GMUQNJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Management of the organizational culture of a modern military team development

A. N. Boldyrev

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, 158 Moskovskaya St., Saratov 410023, Russia

Alexei N. Boldyrev, boldirev78@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7874-3328>

Abstract. The article presents the analysis of theoretical approaches to the essence of managing the development of organizational culture of a modern military team. Military organizational culture is revealed as a complex of cultural values, norms, beliefs of military personnel, a managerial factor of transformation of professional changes in the modern military team. The specifics of the subject (military administration) and the object (members of the military collective) of management are substantiated, the integrated approach of the essential characteristics of the process of managing the development of the organizational culture of the military collective is revealed. As a result of the analysis of the sociological survey data, the characteristics of this phenomenon are clarified as a purposeful organizational, project, controlling activity of the military administration to ensure the reproduction of military organizational culture, the achievement of its stabilization, as well as progressive development. It is proved that the management of the development of the organizational culture of the military collective presupposes the achievement of a targeted qualitative renewal of the external symbols of the military collective, as well as the prevailing values, needs,

ideals, traditions, norms of behavior of military actors. Management design of innovative norms, values, principles of interaction of military personnel is designed to allow not only to form an initiative military actor of a leadership type, but also to provide prerequisites for the transition to an innovative organizational culture of military teams. It is proved that the management of the development of the organizational culture of the military collective has several forms of manifestation: 1) as a dual complex within the framework of the general management system of a military organization; 2) as a mechanism aimed at, on the one hand, at ensuring the stabilization of organizational culture and, on the other hand, at its expanded reproduction; 3) as a subsystem of social management (federal, regional, internal-military-organizational); 4) as a management process itself. In a generalized context, the management of the development of organizational culture is a component of the overall system of integrated targeted management of a military unit as a whole, which determines, among other things, the optimization of its organizational culture. Within the framework of this management, management subsystems can be distinguished in the form of separate socio-cultural projects. Educational activity with this approach should be considered as a means to ensure the achievement of the development of the organizational culture of the military unit.

Keywords: management, military organizational culture, soldier, military team, military unit

For citation: Boldyrev A. N. Management of the organizational culture of a modern military team development. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 163–170 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-163-170>, EDN: GMUQNJ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сегодня активно реализуется реформа гражданско-военных отношений, обновляется организационная культура военных коллективов, сокращается нестратегический состав военных должностей. Поэтому существенно меняются характеристики и структура воинских коллективов, расширяется специфика решения профессиональных задач, модернизируется культура взаимодействия военных субъектов. Современное воинское подразделение, с одной стороны, является некоторым микроорганизационным комплексом Вооруженных сил России, с другой стороны, в каждом воинском подразделении действуют как общие, так и специфические формальные и неформальные правила, обычаи, традиции, а также нормы профессионального взаимодействия, формируются общие организационные, групповые цели, интересы и потребности. Последние необходимо не только оценивать, диагностировать, контролировать, но и регулировать администрацией военной организации.

Вышепредставленные изменения приводят не только к трансформации подхода к технологиям управления воинскими подразделениями, но и расширяют состав субъектов управления формальной культурой воинских коллективов в целом. Современные факторы развития организационной культуры воинских подразделений необходимо исследовать в контексте реализации практик социального управления на разных уровнях, важно выбрать результативные стратегии, которые бы соответствовали современным целям, задачам, уровню профессиональной подготовки офицеров, командования военной организации России в целом.

Организационная культура в контексте междисциплинарных подходов в научной литературе представляется как система формальных и неформальных ценностей, норм, принципов [1], которые понимают и разделяют

большинство работников (членов трудового коллектива) [2]. Если организационная культура всякой организации – это общая междисциплинарная конструкция (набор ценностей, норм, принципов, разделяемых работниками), то организационная культура военного подразделения имеет существенные специфические черты, проявляющиеся в особенных характеристиках его членов. Военнослужащие как особая профессиональная группа общества характеризуются стилем собственного поведения и действия, наличием повышенной служебной неопределенности и риском. Деятельность военнослужащего предполагает вероятность потери дохода, получения вреда здоровью, а при определенных условиях и смерти [3]. В его жизнедеятельности имеются ограничения относительно как профессионального, так и досугового действия, существенно лимитирован доступ к экономически значимым ценностям, ресурсам, благам. Исходя из представленных особенностей поведенческих практик военнослужащих можно уточнить особенность организационной культуры воинских подразделений как совокупности военных акторов.

Исследователи отмечают, что организационная культура воинского подразделения специфична ввиду того, что специфична военная организация и ее отдельные подразделения [4]. Военная организационная культура внешне проявляется как культура военных субъектов служебно-трудового действия [5, с. 214]. Она характеризуется особенностями практик группового поведения военных акторов [6]. На основе данных постановок можно конкретизировать несколько подсистем военной организационной культуры:

1) начальная – поверхностная (все материальные и духовные феномены, характеризующие жизнедеятельность военнослужащих);

2) основная – базовая (провозглашаемые военными служащими и формально отраженные в уставе, приказах, положениях специфические нормы, ценности, поведенческие правила) [7, с. 99];

3) поведенческая (внешнее проявление военной организационной культуры в комплексе служебного и бытового поведения, действия, деятельности);

4) мотивационная (конечные стимулирующие технологии служебной деятельности военнослужащих).

Эмпирические исследования последних лет показывают, что в условиях современной военной организации преобладает традиционный тип военной организационной культуры [8]. Здесь проявляются неизменная система ценностей, традиций, норм поведения и взаимоотношений военнослужащих, приоритет ценности безупречного подчинения, дисциплины, а также порядка. В воинских подразделениях жестко устанавливаются профессиональные роли, фиксируются жесткая административная структура и управленческая власть. Организационная культура воинского коллектива имеет специфические проявления и характеристики. Это, прежде всего, система преобладающих групповых социальных представлений, базовых ценностей служения Родине, формальных принципов и правил, норм общения [9], взаимодействия, поведения [10]. Исследователи обращают внимание на то, что процесс формирования культуры общения и организационной культуры – это взаимосвязанный и взаимообусловленный процесс [11].

При данном подходе организационная культура военного подразделения представляется как жестко регламентированная, структурно косная, управляемая государством конструкция военной организации, состоящая из социально значимых норм поведения военных и определяющая обеспечение законности, социальной, экономической, военной и культурной безопасности государства [12]. При этом в условиях социальных трансформаций воинских коллективов появляются структурные социокультурные сдвиги, приводящие к снижению слаженности военнослужащих, отсутствию мотивации профессиональной инициативы, новаторства военных акторов. В рамках традиционных ценностей военнослужащие не ориентированы на образовательное саморазвитие, у них снижается ответственность, они не стремятся к лидерскому взаимодействию в процессе решения поставленных управленческих задач. Тра-

диционная организационная культура не включает в себя инновационную модель управления первичными воинскими подразделениями [13].

В условиях, когда в воинских коллективах центральное место отводится беспрекословному централизованному планированию, служебной дисциплине, стремлению к стабильности традиций, незыблемости культурных норм взаимодействия, сохраняется одноуровневая федеральная система управления организационной культурой [14]. При этом структурные сдвиги в системе воинских коллективов, расщепление задач, выполняемых отдельными воинскими подразделениями, приводят к изменению необходимых характеристик организационной культуры данных подразделений. Важно не только разработать и внедрить гибкую многоуровневую систему управления организационной культурой современных воинских подразделений, но и конкретизировать уровни реализации данного управления. Необходимо обосновать выделение относительно самостоятельных элементов данной системы управления. Так, в рамках теории социального управления рассматривается управление как процесс, состоящий из нескольких этапов, по сознательному, целенаправленному воздействию на социальную систему в целом «с целью их упорядочения, достижения эффективного функционирования и развития» [15, с. 5]. В данном контексте социальное управление включает в себя управление организационной культурой воинского коллектива. Последнее необходимо рассматривать как процесс целенаправленного циклического воздействия социального субъекта на систему ценностей, норм, принципов поведения военнослужащего [16]. Данный процесс проявляется в контексте реализации нескольких базовых этапов, определяющих оценку состояния культуры, разработку и реализацию проекта ее развития, диагностику результатов [17].

Таким образом, представляется идея о том, что система управления всякой организацией включает в себя ряд подсистем, важнейшая из которых – управление организационной культурой отдельных воинских подразделений. Реализация данного управления представляет собой процесс целенаправленной координации развития ценностей, норм и принципов военных субъектов, обновление их многообразных профессиональных действий, объединенных коллективными и общественными интересами, а также профессиональными целями и задачами.

Т. М. Баландина и Е. А. Зиновьева конкретизируют социологический механизм в комплексе управления организационной культуры. Они акцентируют внимание на том, что важнейшим этапом управления развитием организационной культуры является социологическая оценка ее состояния. Данная оценка и представляет собой этап управления, который уместно разделить на два блока [18]. Первый этап определяет уточнение параметров социологической оценки провозглашаемых культурных ценностей, норм и принципов, второй – непосредственная социологическая диагностика поведенческих практик военнослужащих и выявление общего состояния организационной культуры воинского подразделения.

В контексте структурно-функционального подхода рассматривается процесс управления развитием организационной культуры в парадигмах государственного управления. В рамках данной концепции организационная культура представляет собой объект государственного управления как системный набор ценностей и норм поведения (где каждый элемент играет существенную функциональную роль) [19, с. 10]. Исследователи акцентируют внимание на процессах разработки и реализации социального проекта в системе этапов реализации управления организацией в целом и ее организационной культурой в частности [20].

Несложно заметить, что в контексте структурно-функционального анализа процесс государственного управления развитием организационной культуры представляет собой государственное проектное конструирование культурных ценностей, норм и принципов поведения военнослужащих. Обосновывается необходимость дополнительного этапа управления, связанного с разработкой технологий социального контроля реализации социально-культурного проекта развития организационной культуры. В данном контексте особое внимание следует уделить самоконтролю, выявлению недостатков и коррекции практик конструирования организационной культуры воинских подразделений.

Таким образом, анализ научных источников позволил выявить сущность управления развитием организационной культуры воинского коллектива как деятельности государства, а также военной администрации, направленной на обеспечение воспроизводства военной организационной культуры, достижение ее стабилизации и обновление норм, принципов профессионального поведения военнослужащих.

Данное управление – это процесс, включающий следующие этапы:

- 1) разработка параметров оценки организационной культуры воинских подразделений;
- 2) непосредственная оценка и анализ социокультурной информации, направленные на выявление состояния организационной культуры воинских подразделений;
- 3) выявление проблемных зон и направлений проектного управленческого воздействия на организационную культуру;
- 4) представление основных разделов социально-культурного проекта развития организационной культуры военнослужащих;
- 5) реализация социально-культурного проекта развития организационной культуры, социальный контроль данной реализации.

Для эмпирического подтверждения данных выводов рассмотрим некоторые результаты проведенного автором статьи социологического опроса. Полевой этап его осуществлен в конце 2022 г. Опрашивались военнослужащие типовых воинских частей России: в г. Москвы – 430 чел. (47,8% от общего состава респондентов), в г. Саратове – 470 чел. (52,2%). Применена простая случайная выборка (осуществлен пошаговый механический отбор из общего алфавитного списка личного состава войсковой части). Опрос проведен методом анкетирования. В подавляющем большинстве предложение поучаствовать в проводимом опросе сопровождалось благожелательным согласием военнослужащих. Имелись и факты отказа от участия. Состав отказов составляет менее 2% от предполагаемой выборочной совокупности. Основная причина отказа – большая занятость на службе, а также отсутствие необходимого свободного времени.

Отметим, что данное социологическое исследование является репрезентативным, ведь выборка включила два крупных центра России. Общий состав опрошенных – 900 чел., что говорит о том, что результаты анкетирования отражают необходимые данные общероссийского социологического уровня.

Рассмотрение ответов респондентов на вопрос «В чем, по вашему мнению, проявляется организационная культура современного воинского коллектива?» показывает, что около половины участников опроса связывают организационную культуру с ценностями, потребностями, идеалами, традициями, идеями членов воинского коллектива (47,6%), а также она выражается в предположениях, представлениях, нормах поведения и профессиональных

действиях военнослужащих (47,6%). Именно ценности и нормы определяются военнослужащими как основополагающие компоненты проявления организационной культуры воинского коллектива.

Важным компонентом проявления организационной культуры респонденты также считают символику военной организации (40,2%). Военнослужащие акцентируют внимание на том, что все, что можно увидеть, рассмотреть, услышать, почувствовать в воинском коллективе, в той или иной степени также характеризует культурные основы подразделения.

Отдельный блок проявления организационной культуры военнослужащие связывают с образом действия и поведения военнослужащих. Так, более трети опрошенных (33,6%) называют в качестве основного показателя (компонента) организационной культуры стиль поведения и профессионального взаимодействия военных акторов. Респонденты обращают внимание на то, что провозглашаемые и поведенческие практики не всегда совпадают. Между тем именно в поведении можно видеть, как в социальном контексте проявляется культура групп военнослужащих. Здесь важными показателями будут вежливость, коммуникационные практики, уровень образованности, образ профессионального взаимодействия военнослужащих. Также в качестве вспомогательных компонентов проявления организационной культуры были названы правовые документы: устав, приказы, инструкции по нормированию деятельности военнослужащих (22,7% опрошенных), а также мотивация деятельности военнослужащих, компоненты стимулирования их служебно-трудовой деятельности (20,9%).

Таким образом, эмпирическое исследование подтверждает, что организационная культура воинского коллектива имеет как узкое, так и широкое проявление. В узком понимании организационная культура проявляется как набор символов воинского коллектива, а также преобладающих в нем ценностей, потребностей, идеалов, традиций, норм поведения. В расширенном контексте организационная культура может рассматриваться как проявление всех аспектов деятельности воинского подразделения. Сюда могут включаться правовые регулирующие документы (характерные черты устава, приказов, правовых норм, принципов, правил, являющихся формальной юридической основой деятельности военнослужащих).

Последующий анализ сосредоточим на исследовании понимания военнослужащими

сути управления развитием организационной культуры воинского коллектива. Как относительно самостоятельную деятельность военной администрации, направленную на обеспечение стабилизации, а также эффективное функционирование организационной культуры воинских коллективов рассматривают управление развитием организационной культуры 43,8% военнослужащих. Отметим, что военнослужащие связывают управление со сложной системой управления военной организацией в целом. Здесь прослеживается системный подход как к процессу, так и к субъекту и объекту данного управления. Систему управления развитием организационной культуры можно представить как комплексную иерархическую структуру с тремя базовыми уровнями. Высший уровень – федеральный (социальное управление обществом в целом и военной организационной культурой в частности). Средний уровень – региональный (социальное управление региональным строительством, куда в качестве подсистемы включается и военная организационная культура). Подтверждается выдвинутое предположение о том, что управление развитием организационной культуры представляет собой сложный и одновременно системный процесс. В целом данное управление – это деятельность военной администрации, направленную на обеспечение расширенного воспроизводства организационной культуры воинских коллективов. Оно осуществляется в результате проектного конструирования деятельности военной администрации, обеспечение стабилизации, а также эффективного роста качественных характеристик организационной культуры воинских коллективов. Это разработка и реализация комплекса социально-культурных проектов на уровне общества, военной организации, отдельных воинских коллективов. Низший уровень – внутриорганизационный (социальное управление военной организацией России, в том числе и ее организационной культурой).

По данным опроса, 35,4% военнослужащих рассматривают управление развитием организационной культуры как непосредственную реализацию социокультурных проектов, целью которых является управление процессами развития и саморазвития организационной культуры воинских коллективов. Социокультурный проект здесь необходимо характеризовать как набор управленческих действий, успешная реализация которых приводит к желанному результату в форме развития организационной

культуры. Отметим, что проектные действия могут выполняться не только группой администраторов, но и интегрированной системой исполнителей, в том числе и самими военнослужащими.

Только 9,3% респондентов полагают, что управление развитием организационной культуры – это процесс, включенный в реализацию комплексного целевого управления воинской частью в целом. Управление воинской частью имеет множество направлений, в том числе и определяющих оптимизацию развития организационной культуры. Менее десятой части военнослужащих склонны отождествлять процессы управления воинской части и организационной культуры воинских подразделений. При таком подходе возможно отождествление социально-культурного управления и целенаправленной деятельности системы командования штабов, а также других органов военной администрации по управлению военнослужащими. В целом данное управление является деятельностью военной администрации, направленной на обеспечение стабильности, а также эффективное развитие организационной культуры воинских коллективов.

Незначительная часть опрошенных связывает процессы управления развитием организационной культуры и управление образовательной деятельностью военнослужащих. Так, 5,1% респондентов отмечают, что управление развитием организационной культуры является результатом оптимизации образовательной и самообразовательной деятельности военнослужащих. Управление образовательной деятельностью при данном подходе понимается в рамках процессов не только получения того или иного комплекса знаний, но и «сборки» организационной культуры воинского подразделения, формирования духовной среды воинского коллектива. Образование можно рассматривать двойственно: как активную деятельную проекцию знаний, а также как проект, направленный на формирование элементов организационной культуры групп военнослужащих.

Таким образом, подтверждается выдвинутое предположение о том, что управление развитием организационной культуры представляет собой сложный, системный, а также целенаправленный административный процесс. В целом данное управление осуществляется как проектная деятельность военной администрации, определяющая обеспечение стабильности, а также эффективное развитие организационной культуры воинских коллективов.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Организационная культура воинского коллектива включает в себя характеристики социальных норм, базовых ценностей, принципов поведения, традиций, представлений, которые понимают, разделяют, принимают к действию большинство членов современных воинских подразделений. Здесь организационная культура определяет образ профессионального действия и поведенческого взаимодействия групп военнослужащих. Специфика служебно-трудовых отношений в воинском коллективе, определяющих повседневную, а также профессиональную их деятельность, определяет особенность проявления военной организационной культуры. Последняя преимущественно определена утвержденными руководящими правовыми документами, структурой воинских коллективов и требует неукоснительного, беспрекословного исполнения служебных, трудовых, повседневных задач и обязанностей. Военная организационная культура включает в себя профессиональную, бытовую, политическую, духовную, правовую, нравственную, интеллектуальную культуру различных групп военнослужащих. Она условно может рассматриваться на провозглашаемом (заявляемые приоритеты ценностей, норм и принципов поведения), а также поведенческом (конкретные практики деятельности отдельных субъектов и воинского подразделения в целом) уровнях. Важнейшие элементы военной организационной культуры закладываются в системе правовых регулирующих документов: уставах, приказах, документах, определяющих нормы, принципы, правила. Они являются формальной юридической основой функционирования всякого воинского подразделения и определяют цели процесса управления развитием военной организационной культуры, регулируют бытовую и непосредственно профессиональную деятельность военнослужащих.

В целом управление развитием организационной культуры представляет собой целенаправленную организационную, проектную, контролируруемую деятельность государства, военной администрации, имеющую двойственную направленность. С одной стороны, это разработка и реализация проектов, направленных на модернизацию правовых регулирующих документов, уставов, приказов, документов, определяющих нормы, принципы, правила поведения военнослужащих. С другой стороны, это обновление правовой базы военной организации. Государственные и внутриорганиза-

ционные проекты ориентированы на обеспечение воспроизводства военной организационной культуры отдельных подразделений и военной организации в целом, достижение ее стабильности, а также прогрессивного развития отдельных направлений. Данный вид управления имеет специфический объект и субъект.

Объект данного управления – организационная культура воинского коллектива, представляющая собой как элемент социальной культуры общества, так и социально-культурное пространство, характеризующееся набором разделяемых ценностей, норм, принципов поведения групп военнослужащих воинского коллектива. Данный объект управления проявляется на уровне общества, региона, военной организации, отдельного структурного воинского подразделения.

Субъект данного управления тройственный:

1) государство как система политических институтов российской территории, реализующая публичную власть и регулирующая правовую базу, разрабатывающая стратегию социокультурного развития военной организации;

2) администрация военной организации (группы военной администрации на уровне общества, региона, организационных структур);

3) непосредственно военнослужащие, ориентированные на самоуправление и образовательное саморазвитие знаний, умений, навыков, собственных ценностей, норм и принципов поведения.

Управление развитием организационной культуры воинского коллектива осуществляется в рамках стратегии социокультурного развития военной организации и предполагает достижение целевого качественного обновления не только внешних символов воинского коллектива, но и преобладающих в нем ценностей, потребностей, идеалов, традиций, норм поведения военных акторов. Оно проявляется в общей системе комплексного целевого государственного стратегического управления военной организацией, отдельными воинскими частями в целом, определяющего в том числе и оптимизацию ее организационной культуры. В рамках общего комплекса данного управления можно выделить управленческие подсистемы в виде отдельных социокультурных проектов. Образовательную деятельность при данном подходе необходимо рассматривать как базовое средство достижения развития организационной культуры отдельных воинских подразделений.

Список литературы

1. Столяренко А. В., Подколзина М. В. Организационная культура как механизм повышения эффективности деятельности предприятия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 1 (январь). URL: <http://e-koncept.ru/2017/170017.htm> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Баландина Т. М. Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 166–169. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-2-166-169>
3. Ерохин Е. Г. Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных сил Российской Федерации : дис. ... канд. социол. наук. М., 2020. 229 с.
4. Кудашкин А. В. Военная служба как вид государственной службы // Военное право : учебник. М. : За права военнослужащих, 2004. Вып. 45. С. 310–321. (Право в Вооруженных Силах – консультант.)
5. Романова Е. Н. Военная культура и ее основные характеристики // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1 (60). С. 213–218. EDN: IUKEVB
6. Быченко Ю. Г., Еришов В. В. Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 247–253. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-3-247-253>
7. Болдырев А. Н. Организационная культура: структура и уровни проявления // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 6. С. 97–103. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2021.6.517707>
8. Немоляев В. В. Многофакторная социологическая оценка профессиональной культуры // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1 (52). С. 86–93. EDN: VNVKYF
9. Лавринова Н. Н. Особенности культуры общения военнослужащих // Аналитика культурологии. 2009. № 3 (15). С. 144–148. EDN: QZARYR
10. Магомедов М. К. Организационная культура военной организации: сущность, компоненты, специфические характеристики // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 6. С. 115–122. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-6-115-122>
11. Тухбиев Х. Г. Проблемы формирования культуры общения военнослужащих в системе военно-профессиональной подготовки // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15, вып. 10. С. 424–426.
12. Магомедов М. К. О совершенствовании культуры межнационального общения военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 361–370. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.2.51361>

13. *Немоляев В. В.* Профессиональная культура как социальный феномен // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2 (47). С. 81–86. EDN: TPHRID
14. *Ерохин Е. Г.* Социологическая модель управленческой культуры офицера Вооруженных Сил Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 356–365. EDN: BUTLAN
15. *Слепенков И. М., Аверин Ю. П.* Основы теории социального управления. М. : Высшая школа, 1990. 302 с.
16. *Гасанова А. А.* Управление персоналом в системе управления организацией // Вестник современных исследований. 2019. № 15 (28). С. 47–51. EDN: VTAKPO
17. *Томпсон-мл. А. Д., Стрикленд А. Дж.* Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа : пер. с англ. / под ред. Я. М. Макаровой, 12-е изд. М. : Изд. дом «Вильямс», 2006. 928 с.
18. *Баландина Т. М., Зиновьева Е. А.* Методика интегрированной оценки организационной культуры // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 3 (8). С. 61–66. EDN: SUEVGX
19. Государственное управление: основы теории и организации / под ред. В. А. Козбаненко. М. : Статус, 2002. 366 с.
20. *Смирнов И. А.* Внешний социальный контроль военных организаций России // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 1. С. 151–157. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-1-151-157>

Поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 13.02.2023
The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 13.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 171–173

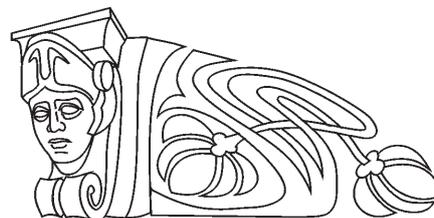
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 171–173

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-171-173>, EDN: UGGVLW

Научная статья

УДК 316.776.2+316.62

К вопросу о цифровой социализации

О. А. Романовская

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики, Romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

Аннотация. В статье представлена рефлексия цифровой социализации. Отмечается, что динамика акторной социализации в условиях цифровизации обусловлена информационными «вызовами», формирующими осознанное стремление овладеть социальным опытом через online-контексты вне зависимости от возраста социального актора. Показана многомерность научных изысканий в контексте социально значимых проектов, таких как Проект «Гутенберг», успешно реализованный Майклом Хартом; проект Колумбийского центра устной истории (ССОН), содержащий Архив устной истории, насчитывающий более 12 000 интервью и документальных артефактов; проект российского Фонда «Устная история», который собирает и делает доступным для общества беседы по науке, культуре и повседневности XX в. Представлено описание самого продуктивного, по мнению автора, на сегодняшний день проекта «Why we post» («Зачем мы постим в соцсетях»), реализованного командой антропологов во главе с Дэниэлом Миллером: исследователи из University College London в течение пятнадцати месяцев проводили полевую работу в восьми странах мира и изучали, как устроены социальные медиа. Обосновывается вывод о необходимости проведения полевых исследований Сети, базирующихся на интеллектуальной традиции изучения как социальности, так и коммуникации, что является очевидной основой для изучения социальных сетей и цифровой социализации, формирующей идентичности через пользование Интернетом.

Ключевые слова: социальные сети, цифровая социализация, электронные книги, открытые образовательные ресурсы, online-чтение, online-опыт, oral history

Для цитирования: Романовская О. А. К вопросу о цифровой социализации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 171–173. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-171-173>, EDN: UGGVLW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the issue of digital socialization

O. A. Romanovskaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga A. Romanovskaya, Romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

Abstract. The article presents the reflection on the digital socialization. It is noted that the dynamics of actor socialization in the conditions of digitalization is due to information «challenges» that form a conscious desire to master social experience through online contexts, regardless the social actors` age. The multidimensionality of scientific research in the context of socially significant projects, such as, the Gutenberg Project, successfully implemented by Michael Hart; the project of the Columbia Center for Oral History (CCOH), containing an Archive of oral history, numbering more than 12,000 interviews and documentary artifacts; the project of the Russian Foundation «Oral History», which collects and makes available to society conversations on science, culture and everyday life of the twentieth century. The description of the most productive project, according to the author, «Why We Post» («Why We Post in Social Networks»), implemented by the team of anthropologists led by Daniel Miller (the researchers from London University College conducted field work in eight countries of the world for fifteen months and studied how social media works) is presented. The conclusion is substantiated that it is necessary to conduct field studies of the Network based on the intellectual tradition of studying both sociality and communication, which is an obvious basis for studying social networks and digital socialization, which forms identities through the use of the Internet.

Keywords: social networks, digital socialization, e-books, open educational resources, online reading, online experience, oral history

For citation: Romanovskaya O. A. On the issue of digital socialization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 171–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-171-173>, EDN: UGGVLW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Динамика акторной социализации в условиях цифровизации, бесспорно, многогранный процесс, обусловленный не только «возрастом бури и натиска» («*sturm und drang*») [1] в молодежной среде, но и информационными «вызовами», формирующими осознанное стремление овладеть социальным опытом через online-контексты вне зависимости от возраста человека. Бескрайний объем информации, сопутствующий процессу устойчивой идентификации, побуждает социального актора-обладателя модальных маркеров современности вести образ жизни, обусловленный цифровой социализацией. Ярчайшим примером тому является Проект «Гутенберг», успешно реализованный Майклом Хартом [2].

Майкл Харт, изобретатель электронной книги и основатель Project Gutenberg – библиотеки, состоящей ныне более чем из шестидесяти тысяч бесплатных электронных книг [3], в самом начале семидесятих годов двадцатого столетия «предугадал», что «дети будут носить с собой в заднем кармане какую-нибудь штуковину, в которой будет все, включая наши книги» [2]. И как гуманистическая традиция русской литературы вышла из гоголевской «Шинели» [4], так открытые образовательные ресурсы сети Интернет, вышли из Проекта «Гутенберг», продолжая социально важную традицию оцифровки книг.

Открытые образовательные ресурсы, по мнению Харта, – общественное достояние без границ. Он писал: «...одно свойство электронных книг, о котором большинство людей не задумывались, заключается в том, что электронные книги – это самое первое, что мы все можем иметь столько, сколько мы хотим, кроме воздуха» [5] (перевод наш. – О. Р.). Литературная социализация или, шире, социализация через чтение – «не-чтение», пренебрежение книгами, по меткому определению Иосифа Бродского, преступление более тяжкое, чем цензурные ограничения и предание книг костру [6]. В своей Нобелевской лекции лауреат этой почетной премии 1987 г. по литературе сформулировал презумпцию: «...в истории “сапиенса”, книга – феномен антропологический, аналогичный по сути изобретению колеса. Возникшая для того, чтоб дать нам представление не столько о наших истоках, сколько о том, на что “сапиенс” этот способен, книга является средством перемещения в пространстве опыта со скоростью переворачиваемой страницы»¹. Очевидно, что в информационном обществе чтение offline «конкурирует» с online-чтением, которое стало заметным элементом первичной социализации.

¹ Цитата по аудиозаписи Нобелевской лекции Иосифа Бродского (расшифровка автора статьи). URL: <https://yandex.ru/video/preview/3977106404753430581> (дата обращения: 10.01.2023).

Социализация/ресоциализация, как эволюция индивидуального характера социального актора, является результатом действия множественных социальных сил, между тем образ современного «Я» неотделим от *Homo informaticus*. Этот тезис можно подтвердить результатами успешного существования архивов *oral history*. Пионером стал Колумбийский центр устной истории (ССОН), основанный историком и журналистом Алланом Невинсом в 1948 г., и ему приписывают начало создания архивов устной истории на международном уровне. Архив устной истории, насчитывающий более 12 000 интервью, является одним из крупнейших собраний устной истории в Соединенных Штатах. Архивы устной истории в Колумбии находятся в Библиотеке редких книг и рукописей в библиотеке Батлера и открыты для всех [7]. К примеру, в открытом доступе этого архива находятся не только аудио-, видеоконтенты оцифрованных уникальных интервью, но и терабайты устных и письменных цифровых коллекций. Веб-сайты коллекций цифровой библиотеки Колумбии являются «воротами» к цифровым репродукциям и описаниям фотографий, плакатов, рисунков, предметов, документов повседневности и рукописей, а также других архивных материалов из редких и эксклюзивных коллекций Колумбии [8].

В России традицию «мемуарных бесед» сохраняет и приумножает Фонд «Устная история» [9], собирая и делая доступным для общества беседы по науке, культуре и повседневности XX в. Знакомство с документами эпохи через рассказ или «письмо» социальных акторов позволяет эвокативно сохранять единство и внутреннюю структуру связей настоящего и ретроспективного. Весь объем собранного материала хранится в отделе устной истории Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова.

В продолжение тезиса о цифровой социализации *Homo informaticus* через эвокативные символы интереснейшим и на сегодняшний день самым продуктивным, по нашему мнению, является исследование «*Why we post*» («Зачем мы постим в соцсетях»). Команда антропологов во главе с Дэниелом Миллером весьма красноречиво «показала», как происходит процесс формирования идентичностей через пользование Интернетом. Исследователи из University College London в течение пятнадцати месяцев проводили полевую работу в восьми странах мира и изучали, как там устроены социальные медиа. Итогом стала серия новаторских и доступных в публичном пространстве результатов социальных исследований. Девять монографий посвящены конкретным полевым работам в Бразилии, Чили, Китае,

Англии, Индии, Италии, Тринидаде и Турции и общедоступны по ссылке сайта проекта <https://www.ucl.ac.uk/why-we-post/>.

Очевидно, что социальные сети – это не просто набор платформ, это феномен, который верифицируется через термин *polymedia*, введенный в научный оборот Д. Миллером и М. Мадриану [10]. Общим местом стало утверждение, что социальные сети изменили современный мир, формируя множественные идентичности.

Полагаем методологически неверным оставаться в рамках статистической традиции и методически копировать какие-либо жестко структурированные итерации изучения социальных сетей. Солидарны с исследователями-авторами проекта «Why we post», которые отвергли идею о том, что развитие Интернета представляет собой единую траекторию, так как вместе с изменениями киберпространства меняются и научные определения, и исследовательские подходы. Основываясь на убеждении, что с социокультурной познавательной позиции важны не платформы и мессенджеры, а твиты и месседжи во всем многообразии дискурсов, региональных различий, социальных и эмоциональных последствий сетевой активности для пользователей, исследователи проекта «Why we post» сконцентрировали свое внимание не на платформах, а на контенте, что является наиболее важным, когда речь заходит о том, почему социальные сети важны.

Наблюдения за повседневным использованием социальных сетей через различные качественные исследовательские стратегии обнажили взаимосвязи между online- и offline-социальностью. Полемика на эту тему представлена весьма авторитетным научным изданием «Computers in Human Behavior», опубликовавшим 142 тома в журнальном формате [11].

Особенно важным, на наш взгляд, является исследовательская рефлексия неудач Проекта. Авторы анализируют, почему во многих полевых случаях не удалось достичь изначально поставленных целей, и убедительно показывают, почему к эмпирическим результатам следует относиться со значительной осторожностью. Исследование «Why we post» («Зачем мы постим в соцсетях») дало множественные ответы на вопрос «Как изменили мир социальные сети?», и что особенно ценно, исследовательская команда взяла на себя ответственность за аналитические выводы, помогающие социальным акторам увидеть последствия пользования социальными сетями таким образом, чтобы в будущем они могли улучшить, а не умалить свой online-опыт [12].

Современные теоретический и эмпирический интересы к цифровой социализации не всегда явно базируются на инженерно-семиотическом подходе, который дискурсивен в контексте социальности как феномена. Многие полевые исследования показывают, что наиболее продуктивными являются исследования Сети, базирующиеся на интеллектуальной традиции изучения как социальности, так и коммуникации, тем самым «обнажая» изобретенный социумом канал социализации, что становится очевидной основой для изучения социальных сетей и цифровой социализации.

Список литературы

1. *Hall G.* Stanley Youth: Its Education, Regimen, and Hygiene / October 1, 2005 [EBook #9173]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/9173/pg9173.html> (дата обращения: 14.01.2023).
2. How Project Gutenberg Changed Literature. URL: <https://www.kqed.org/mindshift/15178/how-project-gutenberg-changed-literature> (дата обращения: 13.01.2023).
3. Free eBooks | Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/> (дата обращения: 13.01.2023).
4. Душенко К. В. Цитата в пространстве культуры: Из истории цитат и крылатых слов : сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед.; отв. ред. О. В. Кулешова. М., 2019. 462 с. (Теория и история культуры).
5. *Watters A.* How Project Gutenberg Changed Literature. URL: <https://www.kqed.org/author/awatters> (дата обращения: 13.01.2023).
6. *Бродский И.* Нобелевская лекция. URL: <https://brodskiy.su/proza/nobelevskaya-lektsiya> (дата обращения: 10.01.2023).
7. Columbia University Libraries. Oral History Archives. URL: <https://library.columbia.edu/libraries/ccoh.html> (дата обращения: 13.01.2023).
8. Columbia University Libraries. Digital Library Collections. URL: <https://dlc.library.columbia.edu> (дата обращения: 13.01.2023).
9. О проекте «Устная история». URL: <https://oralhistory.ru/about> (дата обращения: 10.01.2023).
10. *Miller D.* Social Media in an English Village: (Or How to Keep People at Just the Right Distance). London : UCL Press, 2016. 220 p.
11. Computers in Human Behavior / Elsevier Science Publishing Company, Inc. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/07475632> (дата обращения: 13.01.2023).
12. *Miller D., Sinanan J., Wang Xinyuan, McDonald T., Haynes N., Costa E., Spyer J., Venkatraman Sh., Nicolescu R.* How the World Changed Social Media. London : UCL Press, 2016. 286 p. <https://doi.org/10.14324/111.9781910634493>

Поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 10.02.2023
The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 05.02.2023; accepted for publication 10.02.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 174–179

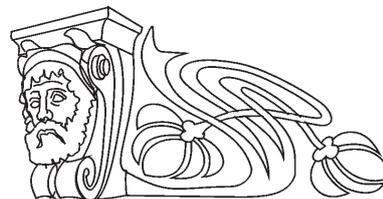
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 174–179

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-174-179>, EDN: AKEWVO

Научная статья

УДК 316.776

Причины социально-трудовых конфликтов в подразделениях противопожарной службы

И. Ю. Суркова

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Суркова Ирина Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления персоналом, irina_surkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>

Аннотация. В статье раскрывается проблема социально-трудовых конфликтов в подразделениях противопожарной службы. Теоретическую основу исследования составили классические постулаты о природе социальных противоречий и роли конфликтов в повседневных практиках служебного коллектива, предложенные в рамках структурно-функционального подхода Г. Зиммелем и Р. Дарендорфом. Статья основана на результатах авторского исследования социально-трудовых конфликтов одной из пожарно-спасательных частей Саратовской области. В работе анализировались проблемы, провоцирующие социально-трудовые конфликты, такие как: бытовые условия на работе (плохо функционирующие места общего пользования, отсутствие достаточных спальных мест, проблемы с поддержанием комфортной температуры в помещениях); несправедливое распределение обмундирования, средств личного потребления; плохое материальное обеспечение части (сломанная техника, недостаточное обеспечение средствами защиты); перекладывание ответственности за ремонт оборудования с руководства части на сотрудников и гражданский персонал; несоответствие поручений должностным обязанностям; несправедливое распределение служебной нагрузки; нарушение требований безопасности при тушении пожаров; незнание правил, необходимых для проведения пожарно-спасательных работ; несоблюдение режима труда и отдыха; низкий уровень дисциплины; личная неприязнь; стиль руководства коллективом (крики, неуважительное отношение, хамство со стороны начальства); психологическая несовместимость в карауле; постоянные стрессовые ситуации на рабочем месте; разные представления о своей работе со стороны молодых сотрудников и сотрудников средней и старшей возрастной группы; особенности характера сотрудников; использование имущества и оборудования другими частями при проведении пожарно-спасательных работ (его поломка, утеря). В ходе анкетного опроса и результатов интервью были выявлены основные причины конфликтных ситуаций внутри караулов (смен) данной части, маркированы проблемные зоны, потенциально способные вывести латентные ситуации неудовлетворенности кадрового состава на уровень открытого конфликта.

Ключевые слова: социально-трудовые конфликты, социальные изменения, структурно-функциональный подход, противопожарная служба

Для цитирования: Суркова И. Ю. Причины социально-трудовых конфликтов в подразделениях противопожарной службы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 174–179. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-174-179>, EDN: AKEWVO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The causes of social and labor conflicts in the fire service divisions

I. Yu. Surkova

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina Yu. Surkova, irina_surkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5483-0128>

Abstract. The article reveals the problem of social and labor conflicts in the units of the fire service. The theoretical basis of the study was the classical postulates on the nature of social contradictions and the role of conflicts in everyday practices of the service team, proposed within the structural-functional approach by G. Simmel and R. Darendorff. The article is based on the results of the author's study of social and labor conflicts in one of the fire and rescue units of Saratov region. The paper analyzed the problems that provoke social and labor conflicts, such as: living conditions at work (poorly functioning common areas, lack of sufficient sleeping space, problems with maintaining a comfortable temperature in the rooms); unfair distribution of uniforms, means of personal consumption; poor material provision of the unit (broken equipment, insufficient provision of protective equipment); shifting responsibility for equipment repair from unit management to staff and civilian personnel, inconsistency of assignments with job duties; unfair distribution of workload; violation of safety requirements when fighting fires; ignorance of rules necessary for fire and rescue work; non-compliance with work and rest regimes; low level of discipline; personal animosity; team leadership style (yelling,

disrespectful attitude, rudeness of the superiors towards the subordinates); psychological incompatibility in the guardhouse; constant stressful situations in the workplace; different perceptions of their work on the part of young and middle-aged and older staff; the nature of the staff; the use of property and equipment by other units in fire and rescue work (breakage, loss). In the course of the questionnaire survey and the results of the interview the author found out the main reasons of the conflict situations inside the guard-house, marked the problem areas potentially able to raise the latent situation of dissatisfaction of the personnel to the level of open conflict.

Keywords: social and labor conflicts, social change, structural and functional approach, fire service

For citation: Surkova I. Yu. The causes of social and labor conflicts in the fire service divisions. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 174–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-174-179>, EDN: AKEWVO

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Потребность в защищенности и социальном порядке является одной из основных базовых потребностей как государства, так и конкретных граждан. При этом среди проблем обеспечения национальной безопасности России лидирующее место занимают угрозы внутреннего характера, к которым относятся пожарные риски. Защитить жизнь и собственность человека вне зависимости от его гендерной, религиозной, этнической принадлежности, социального статуса и достатка призвана Государственная противопожарная служба, являющаяся самым многочисленным видом пожарной охраны, включающая в себя около 280 тыс. чел., которые содержатся за счет федерального бюджета (23,4%), бюджетов субъектов (49,3%) и на договорной основе с охраняемыми предприятиями (27,3%) [1].

Готовность частей противопожарной охраны к выполнению задач обеспечения безопасности государства от угроз и пожарных рисков зависит не только от уровня квалификации сотрудников и освоенных ими компетенций, технического и материального обеспечения пожарно-спасательных частей, но и от морально-психологического климата, организационной культуры, лояльности сотрудников к руководящему составу (начальникам караулов, частей, отрядов и т.д.). Среди факторов, влияющих на качество и скорость выполнения поставленных сотрудникам пожарной охраны задач, особое место занимают служебные конфликты. Так, например, в структурах Государственного пожарного надзора до 25% времени теряется из-за конфликтных ситуаций [2, с. 288].

Уровень конфликтности в пожарно-спасательных частях достаточно высокий, что обусловлено различными причинами, связанными как с пространственно-временными лимитами, выступающими основой функционирования «тотальных социальных институтов», так и с особенностями работы в стрессовых и сверхстрессовых условиях. С одной стороны, в структуре пожарной охраны, как, собственно, и в других силовых структурах, практически любые действия сотрудников прописаны

в нормативно-правовых актах, но, с другой – возникающие социально-трудовые конфликты управляются посредством неформальных правил организации и порой выпадают из зоны действия правового поля.

Большинство сотрудников пожарной охраны имеют особый регламент работы: сутки – дежурство, трое суток – отдых, и очевидно, что большинство конфликтов возникает за время дежурства, когда происходит столкновение интересов, связанных не только со служебной деятельностью, но и с элементарными бытовыми проблемами. На динамику конфликтов влияет также и тот факт, что в большинстве своем сотрудниками пожарно-спасательных частей являются мужчины, и способы реагирования на конфликты в такой среде более импульсивны и агрессивны. Усугубляется ситуация тем, что неразрешенные конфликты или латентные конфликтные ситуации могут привести к необратимым последствиям во время тушения пожаров, когда чрезвычайно важно сохранить взаимное доверие, поддержать чувство солидарности и практики взаимопомощи.

Руководящий состав пожарно-спасательных частей на уровне районов, управление государственной противопожарной службой на уровне областей достаточно большое значение придает воспитательной работе с кадровым составом, в том числе и в сфере регулирования и превенции конфликтов. Это проявляется в обширном перечне нормативной документации, связанной с разрешением конфликтологических проблем, однако только лишь административными ресурсами разрешать конфликты не удается.

Кроме того, во многих пожарно-спасательных частях при достаточно низкой текучести кадров и ориентации на командную работу наблюдается слабая сплоченность коллектива, спровоцированная невысоким уровнем управленческих компетенций руководителей, а также ценностным рассогласованием между опытными пожарными и молодыми рекрутами. К сожалению, для повышения объективности при оценке конфликтных ситуаций начальники

подразделений далеко не всегда акцентируют внимание на корпоративных интересах и основной миссии организации, все больше переходя на сторону одной из конфликтующих сторон, исходя из личной приязни или в угоду протезе вышестоящего начальства.

Противоречия в служебной деятельности могут возникать по широкому кругу поводов, при этом далеко не все из них выходят за рамки обычных споров, инициирующих развитие креативного подхода к выполнению задач. На микроуровне серьезные конфликты, имеющие негативные последствия для служебной деятельности, могут возникать между сослуживцами одного подразделения, на мезоуровне – между сменами караула, например при сдаче и приеме дежурства, на макроуровне – между частями. Собственно, нерешенные конфликтные ситуации, которыми уже сложно или невозможно управлять напрямую, влияют на удовлетворенность работой сотрудников, что в свою очередь провоцирует текучесть кадров; на лояльность к руководству, что чревато потерей авторитета начальников в коллективе; на риски и угрозы безопасности сотрудников непосредственно во время ликвидации пожара.

Повседневность социально-трудовых (служебных) коллективов выстраивается через конгломерат всевозможных социальных взаимодействий, которые определяют дальнейший ход событий, и модулирует поведенческие стратегии в конфликтных ситуациях, маркируя принадлежность к определенному профессиональному сообществу. Так Г. Зиммель полагал, что вся наша история проходит «в борьбе, компромиссах и в медленно достигаемых и быстро утрачиваемых примирениях, которые совершаются между растворением в нашей социальной группе и выходом из нее» [3, с. 265]. С каждой конфликтной ситуацией мы погружаемся в структуры социальных взаимодействий, при этом для оценки важно брать во внимание размер группы, социальную дистанцию, вертикальную позицию, положительные и отрицательные чувства, самовключенность, симметрию [4, с. 150]. Такой подход, безусловно, логичен, поскольку на бихевиористический рисунок в групповом взаимодействии влияет как количество участников коллектива с учетом степени их сплоченности, так и формат взаимных социальных ожиданий. При этом чем интенсивнее протекает конфликт, тем более жесткой будет концентрация на внутренней структуре группы при уменьшении интегративных свойств социума в целом. Как пишет А. М. Муслимов, «рост числа конфликтных ситуаций при

уменьшении их интенсивности способствует созданию норм, корректирующих развитие конфликта» [5, с. 45]. Собственно, речь идет о том, что конфликты начинают играть роль интегративного рычага, способного достаточно быстро сплотить группу.

Согласно теории Р. Дарендорфа, социально-трудовые конфликты директивно не приводят к состоянию крайнего напряжения, наоборот, они становятся составной частью непрерывных социальных изменений. Как пишет Р. Преториус, с одной стороны, конфликт рассматривается как регулируемый, допускающий компромиссы процесс, с другой, конфликт растворяется в других отношениях [6]. Конфликты полностью могут и не исчезнуть посредством регулирующего воздействия, однако они однозначно становятся менее интенсивными и контролируемыми. При этом для успешного регулирования конфликтов важно, чтобы «противоречия признавались всеми участниками как неизбежные, и более того – как оправданные и целесообразные» [7, с. 145–146]. Основная идея данной теоретической концепции сводится к тому, что разрешить конфликты нельзя, как невозможно устранить и причины конфликтов, поэтому важно выделить их главные формы, манифестировать и установить единые правила игры [8, с. 210].

Для выявления конфликтогенных и конфликтных тенденций в функционировании одной из пожарно-спасательных частей (в целях соблюдения конфиденциальности указание на конкретную организацию в статье отсутствует) было проведено исследование с использованием конгломерата методов, таких как интервью с сотрудниками, а также анкетирование личного состава четырех смен, что позволило повысить валидность полученных результатов.

В анкетном опросе приняли участие 70 респондентов, что составляет 95% основного производственного персонала организации. Большая часть опрошенных – 55,7% – относятся к молодым сотрудникам возрастного диапазона до 30 лет; 37,1% попадают в диапазон от 31 года до 40 лет и 7,1% – старше 41 года, т.е. в большинстве своем имеющих право выхода на пенсию. Более половины респондентов – 51,4% – занимают должности рядового состава, 32,9% – младшего начальствующего состава, 12,9% – среднего начальствующего состава и 2,9% – должности старшего начальствующего состава. Образовательный уровень сотрудников, принявших участие в опросе, достаточно высокий: 52,9% опрошенных имеют высшее или неоконченное высшее образование, 38,6% – среднее специальное и только 8,6% – полное среднее образо-

вание. Замещение должностей среднего и старшего начальствующего состава предполагает обязательное наличие высшего специального образования.

Вариативность причин, провоцирующих эскалацию социально-трудовых конфликтов, достаточно разнообразна. По результатам анкетного опроса было выявлено, что распространение конфликтных ситуаций в сменах, по мнению 50,0% респондентов, в первую очередь связано с особенностью характера некоторых сотрудников (вспыльчивостью, раздражительностью, несдержанностью). Наиболее значимым этот фактор является для сотрудников второй смены (выбрали данный вариант ответа все респонденты, ответившие на вопрос), в первой и третьей сменах этот фактор актуален для 52,9 и 47,1% соответственно. Для четвертой смены личностный фактор, связанный с особенностями характера сослуживцев, отмечен лишь в 33,3% случаев.

Второе по значимости место занимают межпоколенческие отношения, которые, с одной стороны, фокусируются на нежелании молодых сотрудников профессионально развиваться, повышая свою компетентность (34,0%), а с другой, на излишней самоуверенности молодежи, которая не прислушивается к советам, полагая, что и так обладает нужным количеством знаний для тушения пожаров (также 34,0%). Данный фактор, детерминируемый нежеланием молодежи в смене профессионально развиваться, в большей степени способствует формированию конфликтных отношений во второй и четвертых сменах (50,0% респондентов). Большие нагрузки на работе и постоянные стрессы, по мнению 16,0% участников опроса, также могут способствовать повышению конфликтности в служебных коллективах. На это обратили внимание только сотрудники первой (17,6%) и третьей (29,4%) смен. При анализе данных важно учитывать то, что процентные соотношения по данному вопросу давали лишь те респонденты, которые фиксировали наличие конфликтных ситуаций в сменах.

Частота возникновения конфликтов в пожарно-спасательной части варьируется в зависимости от смены. Самая спокойная в данном вопросе первая смена, в которой 63,2% опрошенных отметили, что конфликты у них практически не возникают, не отличается конфликтностью и вторая смена, поскольку только 12,5% сотрудников отметили, что в их карауле конфликты возникают 1–2 раза в полгода, 37,5% сказали, что практически не возникают, 50,0% респондентов вообще затруднились с ответом. Кстати, количество затруднившихся с ответом

по данному вопросу много и в других сменах: в первой – 15,8%, третьей – 38,9%, четвертой – 17,6%. С одной стороны, это может быть связано с латентным состоянием конфликтной ситуации и нежеланием сотрудников раскрывать подробности жизни коллектива, а с другой, сложностью идентификации конфликтов, поскольку в интервью с одним из пожарных было выяснено, что *трения и разногласия в коллективе бывают и с другими сотрудниками меняющей смены, однако конфликт предполагает серьезное противоречие (вплоть до драки, каких-то судебных разбирательств), все остальное – это просто бытовые разногласия*. Особенностью службы пожарных является ориентация на командную работу (19,0% сотрудников по этой причине выбирали пожарную службу в качестве будущей профессии [9, с. 56]), и это обстоятельство, как правило, затрудняет оценку уровня конфликтности коллектива, поскольку срабатывает принцип корпоративной солидарности – решать все внутри команды.

Наиболее проблемная ситуация в третьей смене, поскольку 16,7% респондентов отмечают наличие конфликтов в коллективе практически каждый день (выход на дежурство), 22,2% говорят о подобных инцидентах 1–2 раза в месяц, а 11,1% отмечают случаи конфликтного поведения 1–2 раза в год. Причины, которые служат спусковым механизмом возникновения и эскалации социально-трудовых конфликтов, могут быть достаточно разнообразны. Например, бытовые условия на работе (плохо функционирующие места общего пользования, отсутствие достаточных спальных мест, проблемы с поддержанием комфортной температуры в помещениях) являются достаточно значимыми для 14,5% респондентов, 24,2% полагают, что данная проблема в целом значима, но не самая распространенная, 61,3% не видят в бытовых условиях проблематизирующего основания. Хотя в интервью с одним из сотрудников пожарно-спасательной части было выяснено, что проблемы подобного характера случаются достаточно часто: *Во-первых, у нас явная нехватка спальных мест. Хотя кроватей на всех хватает, но на части просто спать невозможно, они сломанные. Недовольства высказываются командиру. Но, если финансирования нет, то все побурчали и разошлись. Во-вторых, здесь уже личностный фактор, спим-то в одном помещении, кто-то храпит, кто-то хочет в телефоне что-то смотреть, а кого-то все это раздражает. В общем, стычки бывают, но опять же постебались друг над другом, покричали и разошлись. До серьезного дело не доходит*.

Связанной с предыдущей является проблема материального обеспечения части (сломанная техника, недостаточное обеспечение средствами защиты). На нее обратили внимание более половины респондентов (8,2% – самая болезненная проблема; 18% – достаточно серьезная; 27,9% – часто возникающая проблема). Отсюда вытекает и следующая причина конфликтных ситуаций – перекладывание ответственности за ремонт оборудования с руководства части на сотрудников и гражданский персонал. На это обратили внимание 17,7% респондентов, определив эту позицию как самую значимую; 14,5% считают, что из-за данной проблемы часто возникают конфликты, и 24,2% назвали ее удовлетворительной. В интервью один из сотрудников привел пример: *У нас ломается машина, зампотеху говорят делать, не важно, как. Закономерный вопрос, чем делать. Понятно, все готовы ремонтировать, но ведь это же вложения, там по мелочи, там по мелочи, но все за свой счет. Естественно, недовольство, начинают высказывать, скандалить, потом кто-то не выдерживает, едет и за свой счет все покупает.*

Еще одной причиной конфликтов является несоответствие поручений должностным обязанностям, на что обратили внимание, дав достаточно высокую по сравнению с другими причинами оценку проблематизации (суммарная оценка 4 и 5), 19,7% респондентов, для 26,2% эта проблема является удовлетворительной. Хотя, по мнению информантов, подобные ситуации сглаживаются быстро. Сотрудники выскажут свое недовольство и продолжат работу.

Удовлетворительно оценивается респондентами и проблема несправедливого распределения служебной нагрузки (24,2%), при этом в качестве серьезной ее назвали 16,2% участников опроса. В интервью с сотрудниками был озвучен случай, когда в обязанности сослуживца входил определенный объем работы, но он его не выполнил: *У нас в спалке стоит теннисный стол, мы периодически играем в пинг-понг. На линолеуме от подошв остаются черные следы. Каждое дежурство назначается дневальный по смене, который обязан поддерживать порядок на вверенной ему территории. Мы приходим, там весь пол в черных полосках. Естественно, вопрос к дневальному. Он в ответ – я в теннис не играл. Убирать не буду. Получился конфликт. Ну и что, что не играл – это же твоя обязанность – поддерживать помещение в чистоте, а как мы будем следующей смене сдавать?* Вообще категория справедливости достаточно плотно интегриру-

ется в обоснование социально-трудовых конфликтов. Так, информанты описывали одну из последних конфликтных ситуаций: *В предыдущей смене отломали ручку ствола, а мы при приеме дежурства этого не заметили и сдали все следующей смене. Следующая смена тоже не обратила внимание и у них нашли поломку. Начался такой скандал, крики, чуть не с кулаками друг на друга бросались. С одной стороны, несправедливо, ведь четвертая смена ничего не отламывала, но ей по полной досталось. С другой стороны, внимательнее нужно быть.*

Из-за личной неприязни конфликты возникают не часто, по мнению респондентов, только 9,0% отметили ее как достаточно распространенную, как и психологическую несовместимость в карауле. Хотя удовлетворительно оценивают частоту возникновения проблем по этой причине 21,0% респондентов. К этой же группе можно отнести и особенности характера сотрудников, из-за которых часто вспыхивают разногласия различного уровня, по мнению 22,5% опрошенных. На стиль руководства коллективом (крики, неуважительное отношение, хамство со стороны начальства к подчиненным) обратили внимание немногие респонденты – лишь 1,6% поставили наивысшую оценку, 8,1% отметили эту проблему как часто возникающую и 16,1% опрошенных оценили ее удовлетворительно.

В единичных случаях возникают конфликты из-за несправедливого распределения обмундирования и средств личного потребления. Как правило, противоречия на данной почве решаются через взаимобмен (например, спецодеждой нужного размерного ряда между сотрудниками разных подразделений). Также практически не было проблем, связанных с нарушением требований безопасности при тушении пожаров и незнанием правил, необходимых для проведения пожарно-спасательных работ. Хотя убрать данные позиции из перечня возможных инцидентов нельзя, поскольку единичные случаи также фиксировались в ответах респондентов. Несоблюдение режима труда и отдыха проблемой, из-за которой часто возникают конфликты в сменах, также назвать нельзя, на нее обратили внимание только 14,0% респондентов. Стрессовые ситуации на рабочем месте, приводящие к конфликтам, отметили в основном как удовлетворительные 19,4% и единично – в качестве основных проблем.

Итак, в ходе проведенного исследования было выявлено, что большая часть социально-трудовых конфликтов в пожарно-спасательной части решается в сменах, не выходя за пределы

служебных коллективов. Сотрудники стараются не привлекать для этого представителей руководства, нередко обращаясь за помощью к сослуживцам. Сотрудники не маркируют разногласия, скандалы, ссоры как социально-трудовые конфликты, в основном ссылаясь на обычные практики повседневности подобных происшествий в «мужском» коллективе. В подразделениях, где фиксируется устоявшийся кадровый состав с небольшой сменой сотрудников, конфликтных ситуаций практически не возникает. В коллективах осталось «ядро» опытных сослуживцев, которые являются трансляторами ценностей, корпоративной культуры, основных принципов командной работы, что позволяет снизить вероятность инцидентов и возможной эскалации конфликтов. Именно на них неофициально возложена функция регулирования большинства конфликтных ситуаций, возникающих в коллективе. Однако не всегда более опытных сотрудников продвигают по карьерной лестнице, что накладывает негативный отпечаток на их мотивацию, а это вполне возможный латентный механизм запуска конфликтных ситуаций. В целом, среди причин социально-трудовых конфликтов лидирующее место занимают стычки из-за особенностей характера сотрудников и руководящего состава (вспыльчивость, ригидность, раздражительность); на втором месте – столкновения между опытными сотрудниками и молодым пополнением из-за нежелания последних осваивать нормы и правила корпоративной культуры, навыки практической деятельности; из-за ориентации только на себя, свои желания; высокого самомнения. На третьем по значимости месте находятся проблемы бытового характера и распределения ресурсов в части, связанные с перекладыванием ответственности с обеспечивающих структур на сотрудников. От того, насколько оперативно будут разрешаться конфликтные ситуации, от своевременного выявления латентных причин недовольства кадрового состава подразделений во многом зависит

и качество работы сотрудников, обеспечивающих защиту населения от рисков и угроз в области пожарной безопасности.

Список литературы

1. Информационно-выставочный центр МЧС России «Арсенал спасения». URL: <http://www.arspas.ru/mchs/pb/> (дата обращения: 01.12.2022).
2. Ибрагимова Л. А., Багандова Г. Х. Конфликтологическая подготовка сотрудников государственного пожарного надзора как структурный компонент профессиональной компетентности // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2. С. 288–290.
3. Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни. М. : Юрист, 1996. 608 с. (Лики культуры).
4. Степаненкова В. М. «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 149–164.
5. Муслимов А. М. Анализ философских теорий конфликта в аспекте их содействия педагогическим исследованиям: проблемы профилактики межличностных конфликтов студентов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2015. № 3. С. 44–48
6. Преториус Р. Теория конфликта (Словарь политических понятий) // Полис. Политические исследования. 1991. № 5. С. 139–141.
7. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
8. Суркова И. Ю. Репертуар современных социологических подходов к анализу конфликтных ситуаций в противопожарной службе // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф (г. Саратов, 25–26 января 2019 г.). Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2019. С. 206–213.
9. Андрущенко О. В., Моисеенко Н. В., Суркова И. Ю. Бренд МЧС России как работодателя: особенности восприятия и механизмы продвижения // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2022. № 2 (53). С. 50–60.

Поступила в редакцию 03.12.2022; одобрена после рецензирования 13.12.2022; принята к публикации 15.12.2022
The article was submitted 03.12.2022; approved after reviewing 13.12.2022; accepted for publication 15.12.2022

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–189
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 180–189
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>
EDN: AHDZCU

Научная статья
УДК 32.019.3

Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность

В. А. Труханов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Труханов Виктор Александрович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, truhanov_viktor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-5953>

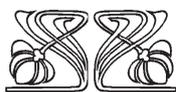
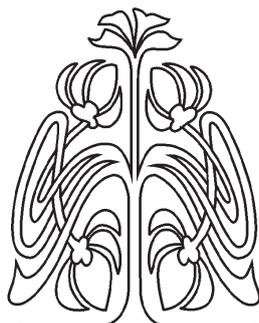
Аннотация. В статье анализируются результаты онлайн-анкетирования (N = 2021) молодых людей (в возрасте от 14 до 35 лет), проживающих в Саратовской области. Автор обобщает ответы респондентов, связанные с их ценностной ориентацией. Делается вывод о том, что на ценностную идентификацию и ориентацию молодежи влияют безопасные условия функционирования регионального социума, а также глобальные политические события. В представлении молодежи ценности патриотизма и коллективизма уходят на задний план, на первом месте – материальное благополучие, это способствует оттоку молодежи из провинции в более благополучные города и регионы, что порождает отсутствие в регионе потенциала воспроизводства населения. В свою очередь, это создает демографические проблемы и замещение коренного населения мигрантами, культурно не адаптированными к местным условиям. Полярное мировоззрение молодых людей также выявлено в отношении к СВО, где положительное и отрицательное мнение практически равны. В структуре региональной безопасности уточнены угрозы, к которым автор относит деструктивную политическую активность молодежи, неуверенность в завтрашнем дне, отток молодежи из региона, бесконтрольную миграцию в регион граждан других государств, коррупцию местных чиновников, низкий социально-качественный потенциал региона.

Ключевые слова: молодежь, ценностная ориентация, культурно-нравственные ценности, онлайн-анкетирование, региональная безопасность, региональные угрозы, политическая стабильность, деструктивная политическая активность, бесконтрольная миграция, коррупция

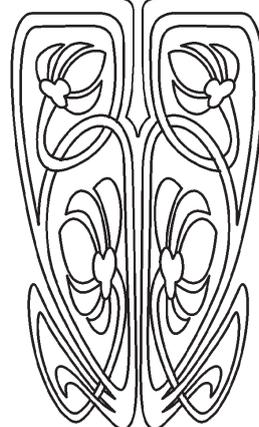
Благодарности: Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Ценностная мотивация отношения молодежи к основным направлениям государственной политики в современной России», при финансовой поддержке Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Труханов В. А. Ценностные ориентации молодежи и региональная безопасность // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 180–189. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>, EDN: AHDZCU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Value orientations of youth and regional security

V. A. Trukhanov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor A. Trukhanov, truhanov_viktor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2728-5953>

Abstract. The article analyzes results of an online survey (N = 2021) of young people (aged from 14 to 35 years) living in the Saratov region. The author summarizes answers related to the respondents' value orientation. It is concluded that the value identification and orientation of young people are influenced by the safe conditions of functioning of regional society, as well as global political events. In the view of young people, the values of patriotism and collectivism fade into the background, material well-being comes first, this contributes to the outflow of young people from the province to more prosperous cities and regions, which creates a lack of population reproduction potential in the region. In turn, this creates demographic problems and the replacement of the indigenous population by migrants who are not culturally adapted to local conditions. The polar worldview of young people is also revealed in relation to the special military operation, where positive and negative opinions are almost equal. In the structure of regional security, regional threats are clarified, to which the author refers destructive political activity of young people, uncertainty about the future, outflow of young people from the region, uncontrolled migration to the region of citizens of other states, corruption of local officials, and low socio-qualitative potential of the region.

Keywords: youth, value orientation, cultural and moral values, online survey, regional security, regional threats, political stability, destructive political activity, uncontrolled migration, corruption

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the research project "Value motivation of the attitude of young people to the main directions of state policy in modern Russia", with the financial support of the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Trukhanov V. A. Value orientations of youth and regional security. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 180–189 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-180-189>, EDN: AHDZCU

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Произошедшие глобальные изменения в мировом политическом процессе повлекли за собой и ценностные сдвиги в сознании не только отдельного человека, но и целых этнических и социальных групп. Особенно остро реагирует на происходящие социально-политические катаклизмы молодежь, обладающая наиболее радикальным политическим сознанием и отношением к событиям как в мире, так и внутри страны. Данный факт, безусловно, требует своего анализа, поскольку сформировавшийся в условиях глобального политического кризиса молодой человек несет в себе деструктивный потенциал гражданской активности, способный долгие годы негативно сказываться на социуме. Особенно важным является исследование проблемы оттока молодежи из регионов в крупные города в поисках более достойных условий жизни, чем в провинции. Так создается целый маргинализированный социальный слой, оторванный от родного социума, не имеющий уверенности в будущем, не верящий в социальную справедливость, с потенциалом радикализма и деструктивной гражданской активности. У региона в связи с оттоком молодежи возникает также демографическая проблема, и не только в связи со снижением численности населения, но и с замещением уехавших коренных жителей региона мигрантами, культурно не адаптированными к региональным условиям. Это созда-

ет дополнительную финансовую, социальную, культурно-нравственную нагрузку на регион.

Цель данной статьи – актуализировать проблему ценностной идентификации молодежи и ее влияния на политическую и социальную безопасность в регионе.

Научными задачами, на решение которых направлен авторский анализ, являются: осмысление и концептуализация ценностных ориентаций современной молодежи в контексте региональных угроз; анализ различных трактовок и политологического понимания концепта *безопасность*; уточнение угроз региональной безопасности.

Основными методами исследования проблемы является онлайн-анкетирование, включенное наблюдение, вторичные социологические исследования и контент-анализ различных СМИ.

В ходе работы над проблемой, а именно выявления характера зависимости представлений молодых людей о целесообразности и направленности социально-политических и социально-экономических реформ в современной России от ценностных ориентаций, нами были сделаны выводы, что, несмотря на интерес научного сообщества к исследованию проблем политического сознания и поведения молодежи, имеются лакуны ценностных трансформаций молодого поколения и их за-

висимость от социально-политических и экономических преобразований в стране, а также от различных угроз.

Кроме того, важное значение для определения ценностных ориентаций молодежи имеет оперативное выявление текущего отношения к основным политическим проблемам российского социально-политического процесса.

Данные проблемы были исследованы коллективом кафедры политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Эмпирической базой этой работы стало онлайн-анкетирование, проходившее в октябре 2022 г. Был опрошен 2021 чел. в возрасте от 14 до 35 лет, гендерный состав – 38,1% мужчины и 61,9% женщины. В основном это учащиеся вузов – 83,9%, а также работники наемного труда – 9,8%, предприниматели – 2,4% и учащиеся средних специальных учебных заведений – 1,9%. В областном центре проживают 75,7% респондентов, в районном центре – 18,3% и в сельской местности – 6,0%.

По данным, демонстрирующим представление о полярном мировоззрении молодых людей, сформировавшемся в период воспитания нравственности в духе потребительства, этно- и гомотолерантности, патриотизм, коллективизм занимали крайние места. Так, наиболее приоритетными в будущем политическом устройстве России **ценности патриотизма** видят только 39,7% респондентов, в то время как 60,3% так не считают. Что касается **коллективизма**, то только 12,9% видят за ним будущее, а 87,1% – нет.

Несомненным является тот факт, что внешние и внутренние политические и социальные условия в ходе социализации оказывают на молодых людей значительное влияние. Социальные условия в разных регионах не одинаковые, все зависит от компетентности местных властей, качества региональных элит, сырьевых и природных ресурсов, лояльности региональной власти и местных элит федеральным органам власти, а также от различных внутренних и внешних угроз. Комфортная социальная среда обитания предполагает формирование политических и социальных ценностей молодого поколения как политически лояльных и активных граждан своей страны. Насколько комфортны условия жизнедеятельности саратовской молодежи, можно судить по результатам опроса.

Так, на вопрос о **степени уверенности респондентов в завтрашнем дне** 16,8% ответили, что вполне уверены в завтрашнем дне и 22,0% не уверены. Вместе с теми, кто ответили

«скорее нет, чем да» (25,4%), складывается картина, позволяющая нам заключить, что степень неуверенности молодежи в завтрашнем дне для Саратовского региона достаточно высокая. Все это выражается в разных формах активности молодежи – от деструктивной гражданской активности, до пассивной, реализующейся в бегстве из региона в более комфортные города и регионы.

Концептуализация деструктивной гражданской активности молодежи была изучена саратовскими исследователями и определена «как действия молодых людей, возникающие вследствие социальной несправедливости, неравенства, социально-политической напряженности с целью преобразований или противодействия им, проявляющиеся в коллективных и индивидуальных дискурсах, протестных акциях (в т.ч. открытого протеста, сопротивления, экстремизма) как явно неодобряемых, так и латентно одобряемых обществом» [1, с. 247].

Причины оттока из региона образованных молодых кадров глубокие и не решаются одномоментно. Заключаются они, во-первых, в отсутствии перспектив в поисках работы с достойной заработной платой и карьерного роста, во-вторых, в низком качестве жизни. «Среди множества социально-экономических детерминант миграции населения Саратовской области наиболее значимыми являются следующие:

- общее состояние экономики региона (ВРП, ВРП на душу населения, инвестиционный климат);
- уровень развития основных сфер экономики региона;
- конъюнктура рынка труда региона;
- номинальная и реальная заработная плата;
- качество жизни населения: обеспеченность жильем, объектами социальной инфраструктуры, состояние дорожно-транспортной сети» [2, с. 38].

Снижение численности коренного населения – угроза не только национального развития региона, но в перспективе угроза национальной безопасности федеративного государства, так как фактически отсутствует воспроизводственный потенциал замещения поколения родителей поколением детей. Это серьезная проблема, которую невозможно решить только с помощью миграционного процесса.

Среди проблем, связанных с формированием ценностных ориентаций молодого поколения и его качественной характеристикой, важной является уверенность в своем будущем. Как считает саратовский исследователь проблем

молодежи Н. И. Шестов, «для молодых людей вопрос о будущем – преимущественно вопрос об условиях и стратегиях накопления тех материальных и духовных ресурсов для частной и общественной жизни, которые позволят им занять самостоятельное место в системе политических, правовых, экономических и культурных коммуникаций в обществе и государстве. Иначе говоря, вопрос о тех основаниях их дальнейшей жизни, благодаря которым они смогут претендовать на роль достойных наследников предшествующих поколений» [3, с. 109].

Отсутствие уверенности в завтрашнем дне в провинции заставляет молодых людей строить свое будущее в регионах с более развитой экономикой. Из Саратовской области ежегодно происходит отток молодых людей в другие регионы, в основном в Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Ленинградскую область, Краснодарский край, Самарскую область.

Напомним, что в 2012 г. ООН включила Саратов в список 28 самых быстро исчезающих городов мира (с населением свыше 750 тыс. чел.). По прогнозам организации, к 2025 г. население города сократится на 11,54% (по сравнению с 1990 г.) [4].

Таким образом, неопределенность в своем будущем, неуверенность в завтрашнем дне заставляет молодых людей искать регионы с более высоким уровнем жизни. По мнению некоторых исследователей миграционных процессов, доступная мобильность граждан – это положительное явление, позволяющее перераспределять трудовые ресурсы внутри страны, возможность молодежи для самореализации и роста. Однако, по нашему мнению, миграционные потоки молодежи создают ту маргинальную среду, где не происходит воспроизводства традиционных духовно-нравственных ценностей, рвутся социальные связи, а жизненная перспектива сводится к банальному зарабатыванию денег. Кроме того, такая социальная страта с низкими культурно-нравственными качествами является питательной средой для деструктивной политической активности.

Генезис маргинальности видится нам в ликвидации высокотехнологической промышленности, где были заняты тысячи жителей региона, что поставило этих людей и их семьи на грань выживания, поскольку качество жизни населения полностью зависит от сфер занятости. Либеральная экономика предполагает индивидуальную ответственность за качество жизни конкретного человека, но там, где отсут-

ствуют механизмы социальной солидарности и социальной справедливости, качественный потенциал населения будет оставаться на низком уровне. Поэтому одним из приоритетов регионального развития является создание максимально привлекательных условий и возможностей для молодежи в сферах развития и функционирования малого бизнеса и индивидуального предпринимательства.

В демографической ситуации, складывающейся в регионе, важна не только численность населения, но и его качество, так сказать, социально качественный потенциал. Имеется в виду образованность граждан, состояние здоровья, культурный уровень, патриотизм. Качественный потенциал населения – это важный демографический показатель социального состава региона.

Методология оценки качественных характеристик населения основывается на трех фундаментальных компонентах:

- здоровье физическое, психическое и социальное;
- профессионально-образовательные способности людей, образующие их интеллектуальный потенциал;
- культурно-нравственные ценности и духовность граждан, их социокультурная активность [5].

Как видим, одним из компонентов в методологии оценки качественных характеристик населения являются нравственные ценности. В этой связи важным становится определение меры и характера зависимости представлений молодых людей о целесообразности и направленности социально-политических и социально-экономических реформ в современной России от ценностных ориентаций и их гражданской культуры.

М. Шелер выделял следующие виды ценностей:

- 1) ценности удовольствия – приятного и неприятного, или утилитарные ценности;
- 2) ценности витального чувствования, связанные с биологической природой человека, его бытием как природного живого существа;
- 3) духовно-нравственные ценности. Среди духовно-нравственных ценностей выделяются в порядке их иерархической значимости:
 - а) эстетические ценности;
 - б) правовые и политические ценности, связанные со справедливостью и несправедливостью;
 - в) гносеологические ценности;
 - г) нравственные ценности;
 - д) религиозные ценности, святыни [6, с. 120].

Структуру духовно-нравственных ценностей возможно анализировать и комментировать с точки зрения как аксиологического подхода, так и антропологического. Так, с позиций антропологического подхода, согласно проведенному исследованию, а это, в первую очередь, способ личностного бытия [6], важным для опрашиваемых молодых людей являются: **свобода личности** – 67,4%, **социальная справедливость** – 63,7%, **равенство возможностей в доступе к образованию** – 57,9%, **справедливый суд** – 57,2%, **право на доступ к информации** – 53,2%, **равенство возможностей в доступе к медицинскому обслуживанию** – 52,4%.

Как было отмечено выше, столкнувшись с социальными проблемами в регионе, молодые люди проявляют активное и пассивное участие в региональном политическом процессе. Так, на вопрос **«Какова возможность Вашего личного участия в воплощении Вашего образа будущего России?»** 62,6% респондентов ответили, что **будут голосовать за кандидатов от действующих партий, в программах которых обосновывается такое будущее**, что можно отнести к пассивной форме политического участия. К активным формам протеста мы отнесли следующие ответы: 1,6% **будут принимать участие в несанкционированных митингах и демонстрациях против действующей власти**, 3,0% – **будут участвовать в забастовках и других формах протеста против действующей власти**, 5,7% – **в случае необходимости пойдут на баррикады с оружием в руках**.

Пассивной формой протеста, а также решением своих социально-экономических проблем является отток молодых людей из провинции в крупные города федерального значения.

Особую тревогу вызывает тот факт, что из области уезжают молодые и хорошо образованные жители региона, а приезжают мигранты из Средней Азии с более низким уровнем образования и профессиональной квалификацией, к тому же культурно не адаптированные к региональным условиям. Согласно исследованиям, проведенным саратовскими учеными, Саратовская область более привлекательной становится для граждан из Таджикистана, Туркмении и Киргизии. В 2020 г. число прибывающих в регион из этих стран по сравнению со средним числом их прибытия за 2015–2019 гг. увеличилось из Таджикистана в 2,5 раза, из Туркмении – в 1,9, из Киргизии – в 1,2 раза [2, с. 35].

Кроме того, серьезной внутренней угрозой для региональной безопасности в настоящее

время становятся некоторые беженцы из районов боевых действий, прибывающие в наш регион. Так, по данным МЧС, если в 2014 г. в Россию прибыли 2 млн беженцев с территории Украины, то в 2022 г. – уже 2 млн 800 тыс. чел. Первый замглавы службы Александр Чуприян считает, что стоит ожидать роста количества беженцев до 3 млн чел. [7]. В Саратовскую область на начало сентября 2022 г. прибыли 2600 вынужденных переселенцев с Донбасса [8].

Это касается не только финансовой нагрузки и социальных проблем, дело в том, что среди этих беженцев с большой долей вероятности имеются так называемые «спящие», т. е. сотрудники спецслужб Украины, запрограммированные на то, чтобы в определенный момент быть готовыми к совершению террористических актов на территории области. Как это было в Москве, где произошло покушение на Дарью Дугину и в ряде других регионов. Среди известных из СМИ – это Псковская, Белгородская, Херсонская, Запорожская области, Крым.

На самом деле ситуация достаточно серьезная, так как объектами террористических атак на территории РФ становятся стратегически важные объекты, такие как газопроводы, аэродромы, в том числе стратегической авиации. Так, по сообщениям российских СМИ, украинский диверсант с ПЗРК был задержан в Подмоскowie, ФСБ предотвратило теракты на территории Волгоградской области на газопроводе «Южный поток», который проходит и по Саратовской области. В Брянске задержан украинский диверсант, пытавшийся заложить взрывное устройство на складе транспортной компании [9, 10]. В Свердловской области пытались совершить террористический акт на железной дороге [11]. Таким образом, российская инфраструктура становится основным объектом атак украинских диверсантов. Цели террористических атак на объекты российской инфраструктуры понятны – нанести максимальный ущерб экономике, военной сфере, вызвать панику и страх среди гражданского населения, недовольство руководством страны и регионов, не могущих обеспечить национальную и региональную безопасность. Это необходимо четко понимать и представлять. Как бы не было на местном уровне неприятно, но своим гражданам и потенциальным избирателям власть должна говорить правду – это только повысит рейтинг региональной власти. Второй мотив, который должен звучать в речах региональных руководителей без нагнетания напряженности и страха – это повышение бдительности граждан на всех уровнях.

Итак, в связи с проведением СВО террористические угрозы реально существуют не только для регионов, граничащих с районом боевых действий, но и для внутренних регионов. Как же это повлияло на ценностные ориентации молодежи региона?

В онлайн-анкетировании было достаточно вопросов на эту тему, что позволило с достаточно высокой вероятностью дать верифицированный ответ. Так, на вопрос, **поддерживают ли респонденты проведение специальной военной операции на Украине**, определенно да ответили 19,4% респондентов, скорее да – 20,2%, определенно нет – 19,4%, скорее нет – 8,2%, не определились с ответом – 32,8% опрошенных.

На вопрос «**Следите ли Вы за ходом проведения специальной военной операции на Украине?**» ответы распределились следующим образом: очень внимательно – 17,4%, довольно внимательно – 37,8%, без особого внимания – 34,1%, вообще не слежу – 8,4%, ничего не слышал об этом – 2,3%. Последние два ответа респондентов можно отнести к протестному ерничанью, так как буквально все СМИ ежедневно транслируют сообщения на тему боевых действий на Украине.

Это позволяет сделать вывод, что больше половины опрошенных следят за событиями на Украине, но меньше половины (39,6%) в той или иной степени поддерживают СВО на Украине. Вполне ожидаемо, что цифры поддержки СВО коррелируют с ответами на вопрос о будущем России, где основной духовной ценностью будет являться патриотизм. В сумме в той или иной степени так считают 39,7% молодежи.

В контексте формирования политических ценностей с точки зрения аксиологического подхода – ориентация на высшие ценности человеческого бытия, поиск смысла жизни [12] – был также задан вопрос о **желаемых для респондентов будущих взаимоотношениях государства и личности в России**, где 48,4% участников опроса высказались за ограничение возможности государства в контроле за личностью, а 40,6% – за сохранение сегодняшних взаимоотношений. Обращает на себя внимание тот факт, что всего 8,0% разницы между первыми и вторыми. Данные группы респондентов можно условно разделить на «консерваторов» и «демократов», где демократы в большинстве.

К внешним относятся угрозы, связанные с бесконтрольной миграцией из государств Средней Азии, Закавказья. Этот серьезный фактор, способный повлиять на региональную безопасность и морально-нравственное качество насе-

ления региона, осознают в силовых структурах России. Так, например, первый заместитель министра внутренних дел А. В. Горовой заявил: «Сегодня ни в одном из ведомств, заинтересованных в мигрантах, нет четкого понимания реальной потребности дополнительных человеческих ресурсов, которые необходимо привлекать из-за рубежа. Мы неоднократно заявляли о необходимости детального расчета по каждому сектору экономики требуемого количества иностранных работников по конкретным профессиям и специальностям. Только при таком подходе возможно обеспечить действующий механизм организованного набора трудовых мигрантов для работы в нашей стране, который позволит минимизировать риски и угрозы безопасности». Представитель МВД пояснил, что органы государственной власти федерального и регионального уровней, «которые решают свои задачи за счёт массового притока иностранцев, не всегда оглядываются на то, как это отразится на других сферах жизни общества, в том числе на безопасности» [13].

Заинтересованные ведомства легко могли бы посчитать потребность отраслей экономики в мигрантах, но они не могут открыто указывать потребности теневого сектора экономики и преступного мира, значительная часть мигрантов задействована именно там, а среди бенефициаров завоза гастарбайтеров не только «белые» работодатели, но и организаторы нелегальной миграции, владельцы всяких «левых» хостелов и борделей, наркоторговцы да и просто те, кто не любит платить налоги и ищет работников, которые согласны на все. И вот если все это нормально посчитать, то выяснится, что настоящей экономике столько мигрантов не нужно.

Понятие «миграция» предполагает несколько ее видов, к которым относят:

а) академическая мобильность – международные перемещения ученых и преподавателей в целях осуществления научной и преподавательской деятельности, обмена опытом, представления результатов исследований, а также в других профессиональных целях;

б) временная миграция – международная или внутренняя миграция, которая совершается на определенный период времени без перемены постоянного места жительства. Временная миграция осуществляется с целью работы (временная трудовая миграция), учебы (образовательная миграция) и т. п.;

в) долгосрочная миграция – международная или внутренняя миграция, которая совершается на длительный период (не менее одного года);

г) квотирование привлечения иностранной рабочей силы – регулирование численности иностранных работников, привлекаемых к осуществлению трудовой деятельности на территории Российской Федерации;

д) краткосрочная миграция – международная или внутренняя миграция, которая совершается на непродолжительный срок (менее одного года). Перемещения с рекреационными целями, на лечение или в краткосрочные командировки к миграции не относятся;

е) миграция на постоянное место жительства – международная или внутренняя миграция, которая предполагает смену постоянного места жительства;

ж) незаконная миграция – перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства РФ, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории России и (или) осуществления ими трудовой деятельности;

з) образовательная (учебная) миграция – миграция с целью получения или продолжения образования;

и) организованное привлечение иностранной рабочей силы (иностранцев) – деятельность государства или уполномоченных негосударственных структур по организации перемещений иностранных работников в Российскую Федерацию, включающая организованный набор необходимых работников в стране происхождения, их довыездную подготовку, прием и трудоустройство на законных основаниях на заранее выделенные рабочие места;

к) сезонная трудовая миграция – вид трудовой миграции иностранных граждан, работа которых по своему характеру зависит от сезонных условий и осуществляется только в течение части года;

л) трудовая миграция – временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг) [14].

В Саратовской области в основном это мигранты, приезжающие на работу в регион, жители из республик Средней Азии и Закавказья. Официальным документом, на основании которого они осуществляют трудовую деятельность, является патент. Патент нужен гражданам стран, с которыми у России установлен безвизовый режим. Им должно исполниться 18 лет на момент подачи заявления. Чтобы получить патент, иностранцу нужно пройти медосмотр, подтвердить знание русского языка, истории и законодательства РФ, собрать пакет документов и сдать отпечатки пальцев. Полиция проверяет, не связан ли гражданин с криминалом. Патент

выдают только после проверки. Пройти медицинскую комиссию, дактилоскопию и сфотографироваться иностранец должен в течение 30 суток после въезда. То есть данная процедура предполагает серьезный фильтр для мигрантов, в частности для трудовых мигрантов.

Как видим, сама миграционная политика в государстве основывается на вполне прагматичных принципах и нормах, соблюдение которых позволяет нейтрализовать множество проблем и угроз дальнейшего национального развития и даже, наоборот, может стать драйвером и приоритетом в социально-экономическом развитии региона.

Например, миграция позволяет снять напряжение в сфере демографии, обеспечить регион трудовыми ресурсами, что является исключительно актуальным для Саратовской области, ставшей одним из лидеров в убыли населения в Российской Федерации. Так, по сообщению Росстата, Саратовская область за семь месяцев 2022 г. по абсолютной убыли населения находится на четвертом месте в РФ, а в Приволжском федеральном округе – на первом. С начала года она потеряла 16 702 жителя. Что касается естественной убыли, то в Саратовской области родились 9483 ребенка, умерли 20 949 чел. Таким образом, смертность превышает рождаемость на 11 466 чел. [15]. Это относится к внутренним угрозам региональной безопасности, способным через 20–30 лет серьезно изменить демографическую ситуацию в регионе в сторону ухудшения как в количественном, так и качественном отношении.

Приоритетом для региональных властей становится адаптация вновь прибывших мигрантов к региональным условиям. Отметим, что органами местного самоуправления в учреждениях культуры и образования региона проводятся мероприятия для детей мигрантов, направленные на знакомство с историей Российской Федерации и Саратовской области, воспитание толерантности и взаимоуважительного отношения представителей различных национальностей. Прибывающие мигранты активно привлекаются к участию в мероприятиях, посвященных празднованию государственных праздников, а также направленных на укрепление гражданского единства и сохранение этнокультурного многообразия народов, проживающих на территории Саратовской области. В целом в регионе создаются условия для комфортной адаптации мигрантов к местным условиям, и в первую очередь их детей.

К внутренним региональным угрозам, свидетельствующим о нравственной деградации

определенной части регионального чиновничества, относится коррумпированность среди работников правоохранительных органов и чиновников различного уровня в сфере миграционной политики, в организации торговли и прочих сфер услуг, где складываются этнические группы, контролируемые тот или иной вид деятельности. Как отмечается в докладе Комиссии по противодействию коррупции в Саратовской области «О деятельности в области противодействия коррупции в Саратовской области в 2021 году», согласно результатам опроса, в частности, в 2021 г. **уровень коррупции в области**, по мнению 47,3% респондентов не изменился, по мнению 13,5%, **случаев коррупции стало больше**, 10,4% считают, что **случаев коррупции стало меньше**. По вопросу об **обращениях в государственные, муниципальные органы власти и учреждения**: 52,8% опрошенных не приходилось обращаться; 26,8% – обращались и не попадали в ситуации, при которых для решения проблемы нужна была взятка; 5,4% – попадали в ситуации, при которых для решения проблемы нужна была взятка, но взятку не давали; 3,8% – приходилось дать взятку.

По информации прокуратуры Саратовской области, по итогам прокурорских проверок в 2021 г. выявлено 4522 нарушения законодательства о противодействии коррупции, для их устранения принесено 710 протестов на незаконные правовые акты, в суды направлено 125 заявлений, внесено 905 представлений и направлено 17 информационных писем, по итогам их рассмотрения на 1646 лиц наложено дисциплинарное взыскание, к административной ответственности привлечены 127 лиц, по результатам надзорных проверок возбуждено 34 уголовных дела. В том числе выявлено более 2100 нарушений, допущенных при исполнении обязанности представлять сведения о доходах. В целях устранения указанных нарушений внесено 218 представлений и направлено 3 информационных письма. По рассмотренным в 2021 г. материалам к дисциплинарной ответственности привлечены 1167 лиц [16].

Приоритетом власти в нивелировании региональных угроз является сотрудничество с институтами гражданского общества в плане межнационального развития области, особенно это касается религиозных организаций и национальных диаспор. Лидеры этих организаций и диаспор не должны дистанцироваться от региональных задач по межнациональному сотрудничеству, им следует иметь контакт со средствами массовой информации и властью и регулярно выступать перед своими едино-

верцами и населением области. Особенно это касается резонансных событий, связанных с межнациональными конфликтами. В связи с этим отмечается озабоченность общества дистанционированием от этих проблем лидеров и членов национально-культурных организаций. Думается, что сотрудничество с правоохранительными органами как одна из форм взаимодействия института гражданского общества с государством будет являться важным пунктом в деятельности национально-культурных автономий на территории Саратовской области.

Актуальной угрозой для региона, нашедшей отражение в Стратегии национальной безопасности, является деятельность деструктивных сил за рубежом и внутри страны, предпринимающих попытки использования объективных социально-экономических трудностей в Российской Федерации в целях стимулирования негативных социальных процессов, обострения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, манипулирования в информационной сфере. Не ослабевает активность разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, осуществляемой в том числе с использованием подконтрольных им российских общественных объединений и отдельных лиц. Международные террористические и экстремистские организации стремятся усилить пропагандистскую работу и работу по вербовке российских граждан, созданию на территории России своих законспирированных ячеек, вовлечению в противоправную деятельность российской молодежи. Для распространения недостоверной информации, организации незаконных публичных акций широко используются возможности глобальных интернет-компаний [17, ст. 44]. Данное положение Стратегии национальной безопасности должно в обязательном порядке стать приоритетным во взаимодействии региональной власти с национально-культурными организациями в области противодействия радикальным религиозным и националистическим организациям.

Среди угроз, характерных для сегодняшнего дня в Российской Федерации, в Стратегии национальной безопасности отмечаются угрозы, связанные с размыванием традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа России путем внешней культурной и информационной экспансии, пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его препода-

давания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры [17, ст. 86, 87].

Несмотря на то, что в Конституции РФ закреплена идеологическое многообразие и что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [18, п. 1, 2, 3 ст. 13], не отрицаются духовно-нравственные основы воспитания на базе патриотизма, подвига народа при защите Отечества. Поэтому с целью создания духовно-нравственных основ воспитания молодежи в Саратовской области необходимо приоритетным видеть положения, изложенные в Стратегии национальной безопасности, о признании первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей, укреплении единства многонационального народа Российской Федерации [17, ст. 90]. А значит, важнейшую роль играет грамотная и взвешенная политика региональных властей, нацеленная не только на воспитание толерантности представителей всех этнических групп по отношению друг к другу, но и на решение проблемы социально-экономической и социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в единый полиэтничный социум [19].

Таким образом, можно предположить, что ценностные ориентации молодежи, их гражданская и политическая культура, формирующиеся под влиянием ряда неблагоприятных факторов, таких как социально-политическое и социально-экономическое состояние региона, влияют на состояние региональной безопасности. Сюда можно отнести неудовлетворенность молодежи комфортностью социальной среды обитания, коррумпированность чиновничьего аппарата, отсутствие уверенности в завтрашнем дне в провинции, отсутствие перспектив и социальных лифтов в родной области, экономическая отсталость региона, бесконтрольная миграция из государств Средней Азии и замещение коренных жителей мигрантами с чуждой для местных жителей культурой и духовно-нравственными ценностями. Все это стимулирует миграцию молодежи в экономически более развитые регионы в поисках достойных условий жизни. В свою очередь, это серьезно сказывается на демографической ситуации.

В ходе исследования также выяснилось, что в среде молодого поколения произошел ментально-нравственный раскол в контексте проведения СВО, практически одинаковыми

результатами были ответы в поддержку СВО и тех, кто выступает против. Треть опрошенных не определилась с ответом.

Список литературы

1. *Логинова Л. В., Щепланова В. В., Суркова И. Ю.* Концептуальная модель деструктивной гражданской активности студентов (на материалах исследований в Саратовской области) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 246–255. EDN: АММХРХ
2. Современная миграционная ситуация в Саратовской области: проблемы совершенствования политики развития региона / под общ. ред. С. Ф. Афанасьева. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2021. 220 с. EDN: CSFFJB
3. *Шестов Н. И.* Представление молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 108–113. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113>
4. *Дрякин Р.* Поехали... куда подальше. URL: <https://fn-volga.ru/news/view/id/110003> (дата обращения: 15.12.2022).
5. Качество населения / отв. ред. Н. М. Римашевская, В. Г. Копнина. М. : ИСЭПН РАН, 1993. 186 с. (Демография и социология. Вып. 6).
6. *Леонтьев Д. А.* Личность в непредсказуемом мире // Методология и история психологии. 2010. № 3. С. 120–140.
7. В 2022 году в Россию прибыло больше украинских беженцев, чем в 2014-м. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5480472/> (дата обращения: 31.10.2022).
8. *Комаров В. В.* В Саратовскую область приехали больше 2,5 тысячи беженцев с Донбасса. URL: <https://om-saratov.ru/social/31-august-2022-i116708-v-saratovskoi-oblasti-jivut> (дата обращения: 15.12.2022).
9. Украинский диверсант готовил теракт с ПЗПК «Игла» в Подмосковье. URL: <https://ukraina.ru/20221012/1039637015.html/> (дата обращения: 31.10.2022).
10. ФСБ предотвратила взрыв на газопроводе в Волгоградской области. URL: <https://ria.ru/20221124/vz-guv-1833882916.html/> (дата обращения: 25.11.2022).
11. В Свердловской области задержаны украинские диверсанты. URL: <https://www.vesti.ru/article/3178406/> (дата обращения: 10.02.2023).
12. *Савченко Е. А., Молчан Э. М.* Духовно-нравственные ценности: аксиологические классификации // Педагогическое образование и наука. 2013. № 6. С. 20–27.
13. *Прокопьев Д.* Акцент на качество, оперативность и прозрачность. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/aktualno/aktsent-nakachestvo-operativnost-i-prozrachnost/> (дата обращения: 31.01.2023).

14. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. *Литвиненко П.* Росстат: за семь месяцев население Саратовской области сократилось на 16,7 тысячи человек. 28 сентября 2022. URL: <https://nversia.ru/news/rosstat-za-sem-mesyacev-naselenie-saratovskoy-oblasti-sokratilos-na-16-7-tysyachi-chelovek/> (дата обращения: 31.10.2022).
16. Доклад о деятельности в сфере противодействия коррупции в Саратовской области в 2021 году. URL: <https://saratov.gov.ru/informers/protivodeystvie-korrupsii/komissiya-po-koordinatsii/doklady-o-deyatelnosti-v-sfere-protivodeystviya-korrupsii.php> (дата обращения: 31.01.2023).
17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 31.01.2023).
18. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
19. *Вилков А. А.* Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62>

Поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 190–195

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 190–195

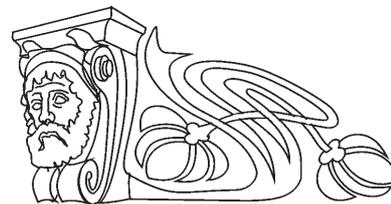
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>, EDN: AXXKLV

Научная статья

УДК 329

Особенности трактовок государственной идеологии в научном дискурсе современной России

В. И. Головченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Головченко Владимир Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права, golovchenkosgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>

Аннотация: В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с актуализацией в отечественном общественном сознании научных исследований различных аспектов функционирования политических идеологий в современной России. Констатируется, что в последний год в предметном поле исследователей широко представлена проблематика теоретико-методологических основ анализа идеологий и их роли в формировании мировоззрения различных возрастных групп, конституционного контекста функциональности идеологий в российской политике, имперских тенденций в идейно-мировоззренческом пространстве России, значения идеологий в социально-политических коммуникациях и ряд других важных аспектов. Главное внимание уделено анализу тех изменений, которые произошли в последнее время в отечественном научном дискурсе в трактовке государственной идеологии, дискуссии о целесообразности и возможности ее принятия, о ее ценностном ядре, о ее прикладном значении в процессе политической социализации и др. На основе проведенного анализа сделан вывод о том, что большинство сторонников разработки и нормативного закрепления государственной идеологии недооценивают то обстоятельство, что в современной России для этого отсутствуют правовые, политические, социально-экономические и социокультурные предпосылки. Тем не менее в условиях гибридной войны США и их союзников против России судьбоносным становится осознание обществом вполне реальной смертельной внешней опасности для страны. На наш взгляд, существует не только объективная потребность, но и возможность достижения консенсуса по данному вопросу всех ведущих политических сил России, ответственных за ее судьбу перед будущими поколениями. Такое общественное согласие ведущих российских политических партий не требует радикального пересмотра действующей Конституции РФ и может быть принято в виде меморандума, декларации или в любой другой форме, не претендующей на статус государственной идеологии.

Ключевые слова: политическая идеология, государственная идеология, научный дискурс, Конституция РФ, политические и социально-экономические факторы

Для цитирования: Головченко В. И. Особенности трактовок государственной идеологии в научном дискурсе современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 190–195. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>, EDN: AXXKLV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of interpretations of state ideology within scholarly discourse of modern Russia

V. I. Golovchenko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir I. Golovchenko, golovchenkosgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8856-1723>

Abstract. Within the framework of this article, the main problems associated with the actualization in domestic social science of scientific research on various aspects of the functioning of political ideologies in modern Russia are considered. The author states that for the last year in the subject field of researchers there have been widely discussed such issues as problems of theoretical and methodological foundations for the analysis of ideologies and their role in shaping the worldview of various age groups, constitutional context of functionality of ideologies in Russian politics, imperial tendencies in the ideological and worldview space of Russia, significance of ideologies in socio-political communications, and a number of other important aspects. The author pays main attention to analysis of the changes that have occurred recently in domestic scientific discourse in the interpretation of state ideology, discussions about the expediency and possibility of its adoption, about its value core, about its applied significance in the process of political socialization, and other aspects. Based on the analysis, it was concluded that the majority of supporters of development and normative consolidation of the state ideology underestimate the fact that in modern Russia there are no legal, political, socio-economic, and socio-cultural prerequisites for this. Nevertheless, in the context of a hybrid war between the United States and its allies against

Russia, the public's awareness of a very real deadly external danger to the country becomes crucial. In author's opinion, there is not only an objective need, but also the possibility of reaching a consensus on this issue of all the leading political forces in Russia, responsible for its fate to future generations. Such public consent of the leading Russian political parties does not require a radical revision of the current Constitution of the Russian Federation and can be adopted in the form of a memorandum, declaration, or any other form that does not claim to be a state ideology.

Keywords: political ideology, state ideology, scientific discourse, the Constitution of the Russian Federation, political and socio-economic factors

For citation: Golovchenko V. I. Features of interpretations of state ideology within scholarly discourse of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 190–195 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-190-195>, EDN: AXXKLV

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Специальная военная операция на Украине (СВО) положила начало существенным изменениям различных сфер общественной жизни России. Одним из направлений преобразований стала актуализация отношения государства и общества к идеологии. Значимость данной проблематики обусловлена тем, что СВО выявила ряд серьезных проблем, связанных с формированием гражданского мировоззрения и патриотизма, понимания исторической значимости Российского государства в обеспечении национальной безопасности политического и социально-экономического развития страны в условиях обострения конфронтации с США и их союзниками. Злободневность и практическая значимость разрешения данных проблем была признана на официальном уровне в выступлениях и указах Президента РФ [1] и других руководителей государственных ведомств.

Это стимулировало отечественных обществоведов на научные исследования различных аспектов роли идеологических факторов в политической жизни современной России. Среди них можно выделить работы, в которых акцент делается на анализе факторов, актуализирующих проблематику политических идеологий в современных условиях [2–5], исследования теоретико-методологических основ анализа идеологий [6–15] и их роли в формировании мировоззрения различных возрастных групп [16–19], конституционного контекста функциональности идеологий в российской политике [20–21], имперских тенденций в идейно-мировоззренческом пространстве России [22–24], значения идеологий в социально-политических коммуникациях [25–26] и ряд других важных аспектов.

Однако целью данной статьи является анализ тех изменений, которые произошли в последнее время в отечественном научном дискурсе в трактовке именно государственной идеологии, дискуссии о целесообразности и возможности ее принятия, о содержании ее ценностного ядра, о ее прикладном значении в процессе политической социализации и др.

В качестве источников для анализа стали статьи политологов, социологов, юристов,

философов и других обществоведов, опубликованные в последние месяцы, в которых нашла отражение динамика осмысления новых обстоятельств и факторов актуализации роли государственной идеологии в условиях резкого обострения международных отношений. В рамках различных подходов мы постарались выделить несколько наиболее типичных направлений и рассмотреть основные аргументы их представителей в отношении перспектив государственной идеологии в современной России.

В рамках правового подхода А. С. Бируля выделяет следующие признаки государственной идеологии: «1) идеология выражает интересы в первую очередь правящей группы, всего общества; 2) имеет общеобязательный и официальный характер для государства и общества; 3) имеет идеи и идеал, которые выступают в роли основы политики государства; 4) идеология обеспечивается как механизмом пропаганды, так и принуждения со стороны государственной власти» [27, с. 87]. Как представляется, такое понимание государственной идеологии не имеет перспектив для воплощения в жизнь в современной России. Дело не только в противоречии этому социальной неоднородности общества, сложившейся в постсоветский период, но и в конституционно закрепленных принципах функционирования Российского государства и общества. Даже если ст. 13 Основного закона о запрете любой идеологии в качестве государственной, или обязательной, будет отменена или изменена, то содержание многих других статей Конституции РФ нацеливают на плюрализм, на конкуренцию и свободу мировоззрения и политической деятельности.

Тем не менее А. С. Бируля констатирует, что «в России взамен неолиберальной государственной идеологии начала складываться либерально-консервативная идеология, которая направлена на выживание России в условиях глобализации как самостоятельного, демократического, правового, социального государства, что невозможно без прочного правопорядка, который должен быть установлен на основе исторического развития Отечества, учета и охраны традиций, в том числе духовно-нравствен-

ных основ государства, общества, права» [27, с. 95–96]. С одной стороны, автор действительно сумел в этом определении сконцентрировать все официальные тезисы в отношении принципов развития Российского государства, которые озвучивались на высшем уровне российским руководством в последние месяцы. С другой стороны, ключевые характеристики (демократическое, правовое, социальное государство) закреплены в Конституции РФ с 1993 г. Более того, они уже три десятилетия включены в программы и предвыборные платформы всех российских ведущих политических партий – от «Единой России», КПРФ, «Справедливой России» и до РОДП «ЯБЛОКО». Но каждая из них вкладывает свое собственное содержание, например, в понятие «демократическое государство», которое у каждой партии не просто противоречит другим партийным трактовкам, но в ряде аспектов имеет прямо противоположный смысл. Еще более глубокими являются расхождения в понимании «социального государства», например, у «Единой России», «ЯБЛОКА» и КПРФ. Кроме того, закрепление данных характеристик на конституционном уровне, как показал опыт прошедших трех десятилетий, не является гарантией их полноценного воплощения в жизнь на уровне конкретных сфер общественной жизни. Поэтому определение государственной идеологии А. С. Бирюли реализуемо только в одном конкретном случае, если оно будет воплощаться именно в рамках либерально-консервативной идеологии «Единой России».

В рамках социологического подхода обоснование целесообразности государственной идеологии представлено доктором социологических наук, профессором Е. В. Охотским. По его мнению, «идеологию нельзя придумать – это то, что живет в народе, что освящено его духом и культурой. Базис такой идеологии у нас имеется. Более того, он конституционно закреплен. Это ценности демократии, правовой законности, социальной справедливости, светскости, уважительного отношения к духовной культуре народа, созидающего международного сотрудничества» [28, с. 19]. Подробно разобрав аргументы за и против сторонников отождествления или самодостаточности понятий национальной идеи и государственной идеологии, автор обосновывает не только целесообразность, но жизненную необходимость официального установления именно государственной идеологии. По определению Е. В. Охотского, «государственная (или обязательная) идеология – целостная, системно выстроенная совокупность идей, ценностей и

представлений, в рамках которых государство осознает себя и свое положение в социально-политической действительности» [28, с. 26]. Это сложная конструкция, в которую автор включает: аккумулированный общенациональный интерес; определенный социально-политический идеал, к которому стремится государство; социально-консолидирующую и мобилизующую силу; форму мировоззренческого обоснования практических действий во всех сферах общественной жизни. По его мнению, наличие научно обоснованной государственной идеологии «не только не противоречит демократическим принципам, а наоборот, обеспечивает стратегически устойчивую жизнеспособность общества, ставит прочный заслон разрушающим силам безыдейности и бездуховности» [28, с. 31].

На наш взгляд, в статье представлено одно из самых фундированных обоснований теоретической и практической значимости государственной идеологии в современной России. Однако вне предметного поля аргументации Е. В. Охотского остаются серьезные проблемы, связанные, например, с неудовлетворенностью значительной части российского общества существующим социально-экономическим устройством современной России. Возникает резонный вопрос: возможна ли прочная идеологическая конструкция государства на таком шатком и противоречивом восприятии экономического и социального фундамента общества? Если предполагается изменение ключевых принципов социально-экономического устройства страны с учетом мнения большинства российского населения о социальной справедливости в этих сферах, то каков будет их конкретный вектор? И какая политическая сила будет реализовывать эти преобразования? Очевидно, что «Единая Россия», тысячами нитей связанная со сложившимся социально-экономическим устройством, не заинтересована в таких радикальных преобразованиях.

Ю. А. Зуляр, для того чтобы снять конституционное противоречие, связанное с запретом государственной идеологии, предлагает уйти от этого понятия: «Вместе с тем в современном ментальном пространстве термин “идеология” приобрел негативную коннотацию, что также осложняет решение этой актуальной задачи. В качестве альтернативы предлагается использовать термин “стратегия”. Нет проблем, главное, чтобы она отвечала на вопросы: кто мы в этом мире? чего мы хотим? куда мы идем? Патриотизм начинается с чувства гордости за свою страну, с любви к ней единственной, с осознания того, что ты ей нужен, а она нуждается в

тебе, в твоей помощи и защите. И, что очень важно, с желанием, чтобы твои дети жили в этой стране» [29, с. 6]. Как представляется, сущность проблемы состоит не в самих дефинициях «национальная идея», «государственная идеология» либо «стратегия» национального развития, определяемая обозначенными вопросами, а в вариативности и противоречивости содержательного наполнения данных категорий ведущими политическими силами современной России. На наш взгляд, невозможно добиться консенсуса единокороссов, коммунистов, справедливороссов, яблочников в ответах на вопросы: каким должно быть общественно-политическое и социально-экономическое устройство России? как его воплощать в жизнь? В результате обязательность государственной стратегии возможна лишь в рамках того вектора, который содержательно определяет и реализует правящая партия. Но тогда какой смысл в разработке и принятии государственной идеологии в качестве обязательной «несменяемой» стратегии? Почему нужно ломать существующую систему, когда кандидаты в президенты (соответственно политические партии в своих платформах на выборах в Государственную Думу) представляют свое видение развития страны, а избиратели своим голосованием легитимизируют обязательность реализации стратегии победителя на выборах.

Доктор философских наук Л. А. Мусаелян из Перми акцент делает на критических аспектах отсутствия государственной идеологии в постсоветской России: «Отрицание государственной идеологии, с одной стороны, и отсутствие в Конституции РФ типологической характеристики современной России – с другой, порождают историческую и политическую дезориентацию общества. Трудности в определении места России в современном мире и прогнозировании ее будущего порождают у россиян тревожное состояние неопределенности в понимании как настоящего, так и будущего. Чередующиеся кризисы и увеличивающийся в течение тридцати лет отрыв в социально-экономическом, технологическом развитии России от ведущих государств мира, и даже тех, которые еще вчера находились на периферии мировой истории, усиливают социально-психологический дискомфорт и напряженность в обществе» [30, с. 8]. По его мнению, действующая Конституция РФ принималась в конкретных условиях и для решения вполне определенных идеологически обоснованных либеральных задач. Поэтому она не смогла стать консолидирующим фактором для всего российского общества и

нуждается в обновлении. Суть этих изменений должна определяться государственной идеологией, включающей в себя социальный идеал, который обязан «находиться в векторе исторического процесса, быть закономерным результатом развития общества. Соответственно, механизм реализации такого социального идеала определяется логикой развития общества» [30, с. 18]. Ядром такой государственной идеологии должны стать интересы нации и обеспечение ее безопасности. С этим подходом можно было бы целиком согласиться, однако в его рамках Л. А. Мукаэлян оставляет без ответа те вопросы, которые логически вытекают из содержания его статьи: как преодолеть сложившийся раскол российского общества и тот парадокс, который сам автор видит в том, что «страна, имеющая несметные богатства... находится в состоянии перманентного экономического кризиса с нищим и бедным населением» [30, с. 17]?

Таким образом, проведенный анализ показал, что дискуссия вокруг проблематики целесообразности и возможности государственной идеологии отражает объективную потребность в консолидации российского общества в условиях СВО на Украине и обострения конфронтации России с США и их союзниками.

Однако большинство сторонников разработки и нормативного закрепления государственной идеологии недооценивают то обстоятельство, что в современной России для этого отсутствуют правовые, политические, социально-экономические и социокультурные предпосылки. Обусловлено это тем, что на протяжении постсоветского периода стратегический вектор развития страны определялся внедрением либеральных ценностей во все сферы общественной жизни. Демократические права и свободы, принципы мировоззренческого и идеологического плюрализма, политической конкуренции и альтернативных выборов закреплены на конституционном уровне и красной нитью проходят по всему законодательству Российской Федерации (другой вопрос, насколько и каким образом они воплощаются в жизнь на практике).

В экономической сфере последовательно воплощались в жизнь задачи разрушения советского народно-хозяйственного комплекса, основанного на государственной собственности и плановом управлении, и ускоренного формирования класса частных собственников и внедрения рыночных капиталистических отношений.

В результате сложилась специфическая политическая и социально-экономическая система, в которой интересы бизнес-элит и по-

литические институты оказались тесно связанными не только на формально-правовом, но и на латентном (коррупционном) уровнях. Главное противоречие этой системы состоит в том, что дифференциация современного российского общества по уровню доходов на бедных и богатых продолжает оставаться одной из самых радикальных среди промышленно развитых стран.

Эту систему невозможно сломать в рамках действующего режима введением государственной идеологии на основе обозначенных в рассмотренных выше статьях принципов. Более того, сама установка на ее принятие формально выгодна для укрепления легитимации деятельности сегодняшней партии власти.

Тем не менее в условиях гибридной войны США и их союзников против России судьбоносным становится осознание обществом вполне реальной смертельной внешней опасности для страны и ее суверенитета. На наш взгляд, существует не только объективная потребность, но и возможность достижения консенсуса по данному вопросу всех ведущих политических сил России, ответственных за ее судьбу перед будущими поколениями. Такое общественное согласие ведущих российских политических партий и общественных организаций не требует радикального пересмотра действующей Конституции РФ и может быть принято в виде меморандума, декларации или в любой другой форме, не претендующей на статус государственной идеологии.

Список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Багрецов Д. Н. Политическая идеология: понятие, функции, виды современной политической идеологии // Молодежь и наука. 2022. № 7. С. 1–12. EDN: RXFHXD
3. Бажукова Ю. В. Некоторые вопросы организации идеологической работы в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 167–171. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_8_167
4. Лобазова О. Ф., Карась Н. М., Ситович В. Г. Новая идеология – запрос цифрового поколения // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 5 (119), ч. 4. С. 122–128. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.119.5.129>
5. Погорельый А. П. Бинарность идеологических позиций российской элиты как фактор отечественной истории // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 1. С. 116–142. <https://doi.org/10.34823/SZG.2022.1.51752>
6. Дёмин И. В. Философский и социально-политический аспекты проблемы идеологии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2022. № 3. С. 68–86. EDN: НАСНУW
7. Демин И. В. Философско-парадигмальный и социологический ракурсы рассмотрения проблемы идеологии // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Спец. вып. 2022 : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вольск, 20–21 октября 2022 г.). 2022. Т. 2, № S (88). С. 10–14.
8. Жукоцкая А. В. Идеология: фобии и ожидания // Вестник МГПУ. Серия : Философские науки. 2022. № 3 (43). С. 17–28. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.2>
9. Комлева Н. А. Основные формы существования идеологии в современном российском обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Политология. 2022. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1189> (дата обращения: 20.01.2023).
10. Константинов М. С. Когнитивный подход к исследованию политических идеологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Политология. 2022. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1122> (дата обращения: 20.01.2023).
11. Мельник В. А., Радкевич М. И. Теоретические подходы к интерпретации феномена идеологии во второй половине XX – начале XXI вв. // Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. Минск : РИВШ, 2022. С. 125–134. (Научные труды Республиканского института высшей школы; Вып. 21, ч. 1 : Политические науки).
12. Погорельый А. П. Системный подход как методология исследования идеологии // Военный академический журнал. 2022. № 2 (34). С. 111–119. EDN: EJVNEK
13. Рындин Е. В., Трунов А. А. Идеология сквозь призму классических и неклассических научных подходов // Kant. 2022. № 2 (43). С. 179–183. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-43.31>
14. Труханов В. А. Идеология Победы против идеологии нацизма как основа формирования мировоззрения национальной безопасности России // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Спец. вып. 2022 : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вольск, 20–21 октября 2022 г.). 2022. Т. 6, № S (92). С. 90–93.
15. Рындин Е. В., Трунов А. А. Темпоральность просвещения и генезис классических идеологий модерна // Kant. 2022. № 1 (42). С. 157–161. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2022-42.29>
16. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>

17. Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 3. С. 108–122. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
18. Николаев В. К., Николаев К. А. Идеология и мировоззрение: общее и особенное // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3 (61). С. 108–120. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-3/108-120>
19. Обыденнова Г. Т., Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Религия и поиск общенациональной идеологии в России в условиях глобализации // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. Т. 2, № 1 (62). С. 69–74.
20. Бельский В. Ю., Кальной И. И. Необходимость и целесообразность идеологии в Конституции Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 350–355. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-350-355>
21. Нежинская К. С. Конституционно-правовые основы идеологии в Российской Федерации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2022. № 3 (102). С. 23–30. <https://doi.org/10.55001/2312-3184.2022.95.78.002>
22. Березуев Е. А. Новейший империализм и роль поддержки населения имперской идеологии: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10 (102). С. 43–49. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.6>
23. Богатырёв В. В. Имперская идеология как основа безопасности Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63). С. 99–104. EDN: BIRKOW
24. Ковалев Д. В. Трансформация идеологии технократизма как детерминанта имперского проекта глобализации // Тетради по консерватизму : альманах. № 2. М. : Фонд ИСЭПИ, 2022. С. 270–276.
25. Ивлев С. В. Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 2. С. 244–253. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0907>
26. Казаков А. А., Вилков А. А., Шестов Н. И. Потребление социально-политической информации молодежью Саратовской области как фактор формирования политических установок и предпочтений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2022. № 3. С. 3–34. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2022.334>
27. Бируля А. С. Государственная идеология в современной России: миф или реальность? // Вопросы российской юстиции. 2022. № 18. С. 82–99.
28. Охотский Е. В. Государственная идеология – непременная составляющая успешной политики и создающего государственного строительства // Право и управление. XXI век. 2022. Т. 18, № 4 (65). С. 19–33. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2022-4-65-19-33>
29. Зуляр Ю. А. Время думать о государственной идеологии России // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 5–8. EDN: UTIWIYX
30. Мусаелян Л. А. К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 55. С. 6–21. <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2022-55-6-21>

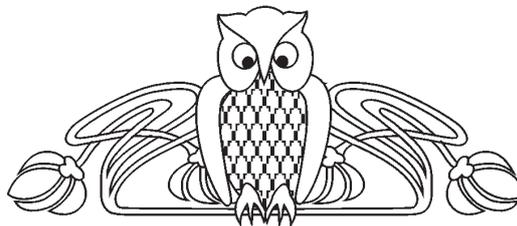
Поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 18.02.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 196–201
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 196–201
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-196-201>, EDN: QDXFOE

Научная статья
УДК 32.019.51

Политический дискурс здоровья и мировоззренческие установки граждан России

В. В. Суворов

Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины, Россия, 101990, г. Москва, Петроверигский пер., д. 10, стр. 3

Суворов Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра координации фундаментальной научной деятельности, valeriy_s@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9034>

Аннотация. Здоровье декларируется гражданами как одна из наиболее важных ценностей, что позволяет обращаться к данной теме в рамках политического дискурса для достижения политических целей. Вместе с этим исследование проявления и воздействия политического дискурса здоровья на отношение отдельных граждан и социальных групп к сфере здоровья остается малоизученным направлением политической науки. Здоровый образ жизни, грамотность в сфере здоровья не были включены в перечень традиционных ценностей, хотя тематика «здоровья нации» и «здоровья граждан» широко представлена в общественном и политическом дискурсе. Политический дискурс при правильно расставленных акцентах может оказывать воздействие на отношение граждан к сфере здоровья. Раскрыть данный потенциал возможно при определении мировоззренческих особенностей поликультурного, социально-дифференцированного населения России и принятии их к сведению в рамках политического дискурса и проведения социальной политики. В качестве основной методологии изучения воздействия различных информационных каналов, в которых представлен политический дискурс, на мировоззренческие установки в отношении здоровья может выступать концепция социокультурного кода сферы здоровья, открывающая возможность разработки путей результативного взаимодействия с гражданами, в том числе подачи информации представителями власти и расстановки акцентов, направленных на корректировку отношения населения к своему здоровью.

Ключевые слова: политический дискурс здоровья, здоровье нации, здоровье граждан, мировоззрение, социокультурный код сферы здоровья

Для цитирования: Суворов В. В. Политический дискурс здоровья и мировоззренческие установки граждан России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 196–201. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-196-201>, EDN: QDXFOE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political discourse of health and ideological attitudes of Russian citizens

V. V. Suvorov

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine, 10, bldg 3 Petroverigsky per., Moscow 101990, Russia

Valeriy V. Suvorov, valeriy_s@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9034>

Abstract. Health is declared by citizens as one of the most important values, which makes it possible to address this topic within the framework of political discourse in order to achieve political goals. At the same time, the study of the manifestation and impact of the political discourse of health on the attitude of individual citizens and social groups to the sphere of health remains an understudied area of political science. A healthy lifestyle and health literacy were not included in the list of traditional values, although the topics of “health of the nation” and “health of citizens” are widely represented in public and political discourse. Political discourse, with the right emphasis, can have an impact on citizens’ attitudes towards health. It is possible to reveal this potential by determining the worldview features of the multicultural, socially differentiated population of Russia and taking them into account in the framework of political discourse and social policy. As the main methodology for studying the impact of various information channels, in which political discourse is presented, on worldview attitudes in relation to health, the concept of the socio-cultural code of the health sector can be used, which opens up the possibility of developing ways for effective interaction with citizens, including the presentation of information by government officials and placement of accents, aimed at correcting the attitude of the population to their health.

Keywords: political discourse of health, health of the nation, health of citizens, worldview, socio-cultural code of the health sector

For citation: Suvorov V. V. Political discourse of health and ideological attitudes of Russian citizens. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 196–201 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-196-201>, EDN: QDXFOE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Здоровье, понимаемое в современном западном обществе и России как не только отсутствие болезней и физических дефектов, но и физическое, духовное и социальное благополучие, играет важную роль во всех сферах жизни общества, выступает важным условием национальной безопасности, основой развития государства. Здоровье зависит от комплекса факторов, обусловленных наследственностью, природно-географическими и социокультурными условиями, в которых находятся люди. В рамках социокультурного фактора следует выделить социальную политику, влияющую как напрямую, так и косвенно на здоровье населения. Одним из способов ее реализации выступают средства политической коммуникации. Процесс формирования (создания, передачи) необходимой для жизнедеятельности информации принято обозначать как дискурс. Понятие «дискурс» как научная категория имеет разные определения [1–4], различающиеся в зависимости от акцента на тех или иных его свойствах, но, тем не менее, общим моментом выступает результат коммуникационных действий.

Обсуждение проблем и перспектив системы здравоохранения, управление и развитие которой выступают частью социальной политики, находит отражение в многочисленных научных исследованиях [5, 6]. Однако проблема здоровья в политическом дискурсе, особенно с точки зрения его воздействия на поведение граждан, не часто выступает темой научных трудов. Следует отметить работы В. А. Трушиной [7, 8], в том числе ее кандидатскую диссертацию [9]. Автор, в частности, отмечает роль здравоохранительной политики государства в формировании базовых основ доверия граждан в отношении политических институтов [10]. При этом тема здоровья в различных общественных дискурсах привлекает гораздо большее внимание исследователей [11–14].

В связи с этим при обращении к теме здоровья в политическом дискурсе важным выступает вопрос ценностного и содержательного наполнения тематики здоровья, его взаимосвязи с поведением граждан в отношении своего здоровья.

Значимость здоровья в политическом дискурсе

Политический дискурс здоровья представлен на разных уровнях и актуализируется в различных ситуациях различными политическими акторами. Чаще всего проблема здоровья граждан находит отражение при обсуждении текущих проблем системы здра-

воохранения. Вместе с этим тема здоровья представлена в выступлениях Президента РФ и политических деятелей, проявляется в рамках электорального процесса в предвыборных программах и выступлениях.

Однако в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [15] здоровый образ жизни, грамотность в сфере здоровья как ценностные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, не рассматриваются и не упоминаются даже в контексте значимости здоровья как важного условия формирования и укрепления обозначенных в Указе ценностей. Отсутствует упоминание здоровья и в перечне «ценностных доминант» в результатах проекта «Гуманитарный реактор» [16, с. 4]. Тем не менее отношение граждан к традиционным ценностям, осознание их значимости и готовность руководствоваться этими ценностями во многом обусловлено состоянием здоровья, дефицит которого налагает серьезные ограничения на возможности индивидуального и социального функционирования.

Отсутствие упоминания здоровья в контексте традиционных ценностей противоречит популярной в общественном и политическом дискурсе теме «здоровья нации». Так, в ноябре 2018 г. В. В. Путин характеризовал здоровье нации как важнейшую задачу государства, без решения которой невозможно решать другие проблемы [17]. А в мае 2022 г. проходил Всероссийский форум «Здоровье нации – основа процветания России», одним из организаторов которого выступило Министерство здравоохранения Российской Федерации. Основными обсуждаемыми проблемами стали вопросы повышения информированности и медицинской грамотности населения, которые должны обеспечить формирование ответственного отношения граждан к своему здоровью, а также укрепление репродуктивного здоровья молодой семьи [18].

Вместе с темой «здоровья нации» в политическом дискурсе присутствуют рассуждения о здоровье отдельных граждан. Особенно часто тема здоровья населения звучала в период пандемии Covid-19. Так, в июне 2020 г. президент в интервью программе «Москва. Кремль. Путин» на телеканале «Россия-1» делал акцент на том, что сохранение жизни и здоровья граждан является главным приоритетом для власти. Сохранение здоровья граждан было обозначено как «проблема проблем, вопрос вопросов, абсолютно приоритетная вещь» [19]. При этом, по мнению В. В. Путина, Россия в целом ока-

залась способна ответить на вызов пандемии коронавируса, система здравоохранения продемонстрировала гибкость и мобилизационный потенциал.

Так, в политическом дискурсе можно выделить два тематических блока – «здоровье нации» и «здоровье граждан», выбор которых обусловлен расстановкой акцентов. В политическом и общественном дискурсе о «здоровье нации» речь идет об общественном здоровье, являющемся статистическим понятием, показателями которого выступают продолжительность жизни, смертность, рождаемость, заболеваемость и инвалидность населения. Общественное здоровье формируется из показателей здоровья отдельных граждан. Общественное здоровье должно выступать прерогативой в первую очередь государства, а затем системы здравоохранения, а индивидуальное здоровье относится к сфере ответственности граждан, а затем уже системы здравоохранения и государства [20, с. 18].

Вместе с этим одной из форм проявления политического дискурса в период пандемии стало навязывание форм поведения со стороны власти, зачастую несогласующихся с представлениями граждан о сохранении своего здоровья и о выживании в целом в условиях ограничительных мер. Так, принуждение к самоизоляции, соблюдению масочного режима, социальному дистанцированию и особенно к вакцинации натолкнулись на противоположную реакцию части граждан, что было обусловлено их мировоззренческими установками, представлениями о сфере здоровья. Зачастую усугубляло ситуацию недоверие к власти и поступление альтернативной информации из различных информационных каналов. В то же время социальная реклама в медиапространстве делала акцент на личной ответственности граждан как за свое здоровье, так и за здоровье близких.

Здоровье как ценность граждан

Большинство граждан России расценивают здоровье как одну из базовых человеческих ценностей [21, с. 20; 22], что, тем не менее, в современных реалиях не отменяет необходимости дополнительного конструирования ценности здоровья и связанных с ним ценностных установок (здорового образа жизни, правильного питания и т.п.) [23], а также формирования соответствующих форм поведения. Это находит отражение и в нормативно-правовой базе России, и в политическом дискурсе. Здоровье в обществе может выступать как конечной иде-

альной ценностью, которая не может быть заменена другими ценностями без потерь для индивида, так и инструментальной, выступающей средством достижения всех общественных и личностных благ. Так, здоровье может рассматриваться не как конечная ценность, а только как средство достижения других целей, например карьерного роста, более высокого дохода, покупки недвижимости и т.п., что наиболее характерно для населения с низким жизненным уровнем, при котором здоровье может становиться предметом эксплуатации. По мнению Н. О. Майковой, здоровый образ жизни выступает необходимой константой духовно-нравственного бытия индивида, позволяющей сохранить интерес и обеспечить долголетие, изменяя собственную реальность и встраиваясь в новые социальные стратегии [24, с. 68].

Однако, согласно статистическим данным, доля населения, ведущего здоровый образ жизни, по итогам 2021 г. составляла 7,3%, снизившись с 12,0% в 2019 г. [25]. Проблема здорового образа жизни достаточно активно обсуждается в научных публикациях, хотя, например, способы формирования здоровьесберегающего поведения рассматриваются прежде всего применительно к детям, учащейся молодежи и пожилым людям и реже к взрослым [26–28]. Роль же в этом отводится, главным образом, образовательным и медицинским учреждениям, и не рассматривается как полноценная составляющая социальной политики государства.

По данным опросов, проводившихся исследователями «АльфаСтрахование» и «Инвитро», в России 62,8% граждан занимаются самолечением на основании информации из интернета. В качестве основных причин обращения к самолечению были указаны нехватка времени и боязнь посещать медицинские учреждения [29], что свидетельствует о сохранении недоверия к медицинским учреждениям и медицинским работникам. Политика в отношении системы здравоохранения сохраняет ориентированность на обеспечение медицинской помощью уже заболевших граждан, при этом внимание здоровым гражданам не уделяется [30, с. 5]. К тому же, как показывают исследования, увеличение расходов на здравоохранение не обеспечивает роста его эффективности [20, 31].

Взаимосвязь дискурса здоровья и поведения граждан в отношении своего здоровья

Конструирование ценности здоровья в общественно-политическом дискурсе и формирование соответствующего поведения граждан

нуждаются в более предметном внимании со стороны общественно-политических деятелей. Для достижения эффекта воздействия политического дискурса и социальной политики в целом следует учитывать мировоззрение граждан и особенности управления им. В качестве основного фактора поведения граждан в отношении своего здоровья выступают мировоззренческие установки, включающие в себя представление как о сфере здоровья, так и об окружающем мире в целом. Согласно определению, предлагаемому С. Н. Федорченко, мировоззрение представляет собой «неотъемлемую часть пространственно-временного континуума, соединяющую в себе понимание образа мира в его прошлом, настоящем и будущем, которое связано как с индивидуальным, так и с коллективным восприятием происходящих процессов» [16, с. 4]. Мировоззрение, обусловленное социокультурным контекстом и формирующееся в рамках первичной социализации, может в течение жизни человека изменяться под воздействием тех условий, в которых он находится, и той информации, которая его окружает [32, с. 20]. Неотъемлемой частью социокультурного фактора, определяющего представления о здоровье и болезни, особенности переживания радости и страданий, выступает совокупность информации, включающей смыслы, предубеждения, стереотипы. Коммуникативная деятельность обеспечивает создание, модификацию и использование информации, играющей важную роль в развитии, стабилизации и управлении жизнью [33, с. 190].

В информационном пространстве системобразующими выступают политический и общественный дискурсы, отражающие обмен информацией между институтами власти или общества и гражданами. Политический дискурс представлен в различных информационных каналах, с которыми регулярно взаимодействуют многие граждане, но если этот дискурс не совпадает с другой информацией в медиaprостранстве, то они будут выбирать ту, которая более соотносится с их взглядами. При этом эффект воздействия может снижаться на фоне низкого доверия к системе здравоохранения [34] и недостаточного доверия к политикам (за исключением В. В. Путина) и региональной администрации [35].

Результативность коммуникации обусловлена не столько количеством предоставляемой информации по различным информационным каналам, сколько доверием к ней и ее соотносимостью с мировоззренческими установками

ми граждан, их жизненным опытом. В данном случае показателен пример негативного отношения части граждан к мерам по защите здоровья населения, продвигаемым государством в период пандемии коронавируса. Сложность достижения продуктивной коммуникации власти и граждан в отношении их здоровья наряду с уровнем доверия к представителям власти и медицинским работникам обусловлена разным соотношением у граждан показателей грамотности в вопросах здоровья, в том числе понимания причинно-следственных связей процессов, определяющих состояние здоровья, и степени ответственности за свое здоровье. Необходимость учитывать совокупность данных факторов в политическом дискурсе и социальной политике в целом определяет целесообразность не только изучения взаимосвязи мировоззренческих установок граждан и информационного пространства, но и выявления способов воздействия на отношение граждан к своему здоровью. В связи с этим в качестве основной методологии изучения влияния различных информационных каналов на мировоззрение может выступать теория культурного кода, а применительно к мировоззренческим установкам граждан в отношении здоровья – концепция социокультурного кода сферы здоровья, который обнаруживает себя в дискурсах коммуникаций общества и государства по проблематике здоровья граждан.

Таким образом, исследование проявления политического дискурса здоровья и его воздействия на отношение отдельных граждан и социальных групп к сфере здоровья остается малоизученным направлением политической науки. Политический дискурс несет в себе потенциал, способный в рамках социальной политики оказывать влияние на поведение граждан в отношении своего здоровья. Раскрытие данного потенциала возможно при определении мировоззренческих особенностей поликультурного, социально-дифференцированного населения России и принятии их во внимание в рамках политического дискурса и проведения социальной политики. Методологический подход, связанный с изучением социокультурного кода, позволяет определить основные показатели отношения граждан к своему здоровью (степень ответственности, уровень грамотности в сфере здоровья и т.п.), на основании соотношения которых можно провести типологизацию мировоззренческих установок относительно здоровья. Определение степени их распространенности в различной социокультурной среде

открывает возможность разработки путей взаимодействия с гражданами (на уровне региона, муниципального образования, организации), в том числе подачи информации представителями власти и расстановки акцентов, направленных на корректировку отношения населения к своему здоровью, прежде всего, придерживаться здорового образа жизни, повышать грамотность в вопросах здоровья.

Список литературы

1. Иванова С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 31–37.
2. Сиркия Н. П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 7 (130). С. 137–142. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-2-2-164-170>
3. Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартского государственного университета. 2013. № 2. С. 35–41.
4. Уначев И. А., Кашироков Н. А., Теркулова К. Б., Махова М. Х., Кяова А. А. Политический дискурс и его определение // Молодые исследователи в ответ на современные вызовы : сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2022. С. 117–120.
5. Тагаева Т. О., Казанцева Л. К. Общественное здоровье и реформа здравоохранения в России // Мир новой экономики. 2019. Т. 13, № 4. С. 126–134. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-126-134>
6. Чорный О. В. Эффективность государственной политики реформ системы здравоохранения для благополучия гражданского общества: социальный контекст // Sciences of Europe. 2020. № 53. С. 67–70. EDN: CPWWNF
7. Трушина В. А. Здоровье как предмет политического исследования // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2010. № 1 (17). С. 102–109.
8. Трушина В. А. Отражение темы общественного здоровья в партийном дискурсе (на примере текстов программ российских и американских политических партий) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 341–346. EDN: NUMJOL
9. Трушина В. А. Технологии формирования образа здоровья в политическом дискурсе субъектов власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2011. 26 с. EDN: QHGNIT
10. Трушина В. А. Социальные ожидания в сфере здравоохранения и доверие к государственным институтам: факторы сопряженности // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 3 (34). С. 114–116. EDN: YAVJFB
11. Круглов В. В. Здоровье как категория философско-спортивного дискурса // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2016. № 3 (15). С. 17–24. EDN: WKOZML
12. Изуткин Д. А., Староверова Т. А. Индивидуальное и общественное здоровье в социально-философском дискурсе // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2019. № 2. С. 173–177.
13. Ионова С. В., Чжан Канкан. «Жизнь» и «здоровье» в дискурсах периода пандемии // Русский язык за рубежом. 2020. № 4 (281). С. 36–42. EDN: JZYTDA
14. Шельшакова Н. Н. Психолого-педагогический дискурс изучения здоровья // Управление образованием: теория и практика. 2021. № 4 (44). С. 47–53. <https://doi.org/10.25726/d5861-8743-9142-1>
15. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnun=0001202211090019>. (дата обращения: 10.01.2023).
16. Федорченко С. Н. Мировоззренческая проблематика в современном академическом дискурсе: размышления над тематическим номером // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 3–8. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-3-8>
17. Путин назвал здоровье нации важнейшей задачей государства. URL: <https://ria.ru/20181116/1532964524.html> (дата обращения: 10.01.2023).
18. Итоговый буклет форума 2022. URL: <https://znopr.ru/files/download/930146335582586> (дата обращения: 10.01.2023).
19. Путин назвал сохранение здоровья россиян абсолютным приоритетом для государства. 28.06.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8834157> (дата обращения: 10.01.2023).
20. Шарабчиев Ю. Т. Общественное здоровье нации и индивидуальное здоровье личности // Медицинские новости. 2015. № 3. С. 18–25. EDN: RPDVAV
21. Бойков В. Э. Здоровье как базовая ценность в сознании и быту российского населения // Социология власти. 2009. № 2. С. 26–37.
22. Здоровье – высшая ценность. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vyshshaya-czennost> (дата обращения: 10.01.2023).
23. Яковлев Л. С., Дмитриева О. М. Конструирование ценности здорового образа жизни в потребительской культуре молодежи // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 5–7 (14). С. 110–113. EDN: ХААЕКР
24. Майкова Н. О. Здоровый образ жизни как духовно-нравственная ценность безопасного существования человека // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Философские науки. 2018. № 1. С. 68–75. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2018-1-68-75>

25. Количество (доля) граждан, ведущих здоровый образ жизни (P4). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 10.01.2023).
26. Молчанова Е. В., Мысоченко И. Ю. Формирование системы здоровьесберегающих форм жизнедеятельности человека в молодежной среде // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2 (ч. 2). С. 351–354. EDN: VOIDSP
27. Хаярова Е. А. Ведение проектной деятельности по формированию здоровьесберегающего поведения в детском саду // Мировая наука. 2021. № 5 (50). С. 131–133. EDN: BOQSBR
28. Ельникова О. Е. Роль сенсомоторной интеграции и тормозных процессов в формировании здоровьесберегающего поведения у взрослых людей // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Т. 32, № 2. С. 106–113. EDN: KCXGVD
29. Соцопрос показал: более 60% россиян занимаются самолечением с помощью интернета. URL: <https://newizv.ru/news/society/22-06-2022/sotsopros-pokazal-bolee-60-rossiyan-zanimayutsya-samolecheniem-s-promoschyu-interneta> (дата обращения: 10.01.2023).
30. Журавлева И. В. Актуальные проблемы социальной политики в сфере здоровья // Социология медицины. 2017. Т. 16, № 1. С. 4–9. <https://doi.org/10.18821/1728-2810-2017-16-1-4-9>
31. Комаров Ю. М. Системный анализ модели здоровья и здравоохранения: проблемы и решения // Моделирование в управлении здравоохранением : Респ. сб. науч. тр. / под ред. С. А. Гаспаряна. М. : МОЛГМИ, 1990. С. 34–46.
32. Володенков С. В. Окружающий мир как симулятивная реальность: о коммуникационных основах современного мировоззрения // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 20–40. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-20-40>
33. Солдатова Л. П. Отношения: дискурс – информация // Современная филология : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). Уфа : Лето, 2011. С. 190–192.
34. Отношение москвичей к медицине. Цифры и факты. 2021. URL: <https://niioz.ru/news/otnoshenie-moskvichey-k-meditsine-tsifry-i-fakty> (дата обращения: 10.01.2023).
35. Доверие политикам. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (дата обращения: 10.01.2023).

Поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 202–207

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 202–207

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-202-207>, EDN: SODWSH

Научная статья

УДК 323:342.553

Возможности исторического институционализма в исследовании особенностей организации местного самоуправления в России

И. И. Кузнецов, А. С. Жаров ✉

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Кузнецов Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Жаров Артем Сергеевич, соискатель кафедры истории и теории политики, msutema@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3632-3421>

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения методологии исторического институционализма в исследовании эволюции института местного самоуправления в России. Данный институт в России имеет богатую историю на протяжении достаточно продолжительного времени в контексте исторического существования государства, претерпевшего ряд значительных кардинальных изменений в своей истории. Процессу трансформации и развития института в исторической динамике присущи в том числе и кардинальные изменения, сопровождающиеся последующим пересмотром различных аспектов функционирования местных органов власти. С течением времени и в зависимости от существующего государственного устройства менялось отношение к институту местного самоуправления, к набору его функций и обязанностей, широте возложенных на органы местного самоуправления полномочий и их статусу, что демонстрирует исследование особенностей организации института местного самоуправления позднимперского, советского и современного периодов. Несмотря на данные процессы и постоянную необходимость адаптации к новым условиям институциональной среды, цель существования института местного самоуправления осталась прежней. В то же время в ходе эволюции института местного самоуправления, значительную роль играет траектория предшествующего развития, изучение которой позволяет в полной мере имплементировать исторически сложившиеся позитивные практики. Исторический институционализм, в свою очередь, представляется перспективным подходом в исследовании политических явлений и процессов, имеющих лонгитюдный эффект, в частности, в исследовании особенностей организации института местного самоуправления в России.

Ключевые слова: исторический институционализм, местное самоуправление, институт местного самоуправления, траектория предшествующего развития, земство, Советы

Для цитирования: Кузнецов И. И., Жаров А. С. Возможности исторического институционализма в исследовании особенностей организации местного самоуправления в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 202–207. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-202-207>, EDN: SODWSH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Possibilities of historical institutionalism in the study of the organization of local self-government in Russia

I. I. Kuznetsov, A. S. Zharov ✉

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Igor I. Kuznetsov, politbum@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0274-8728>

Artem S. Zharov, msutema@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3632-3421>

Abstract. This article considers the possibility of applying the methodology of historical institutionalism in the study of the evolution of the institute of local self-government in Russia. The institute of local self-government in Russia has a rich history and has existed for quite a long time in the context of historical existence of the state, which has undergone a number of significant cardinal changes in its history. The process of transformation and development of the institute in historical dynamics is inherent, including fundamental changes, accompanied by subsequent revision of various aspects of local government functioning. Over time and depending on the existing state structure, the attitude towards the institution of local government, the set of its functions and responsibilities, the breadth of powers assigned to local governments and their status changed, as demonstrated by the study of the peculiarities of local government institution organization in the late imperial, Soviet and contemporary periods. Despite these processes and the constant need to adapt to new conditions of the institutional environment, the purpose of existence of the institution of local government has remained the same. At the same time, during the evolution of the institution of local self-government, the trajectory of previous development plays a significant role, the study of which allows the full

implementation of historically established positive practices. Historical institutionalism, in turn, appears to be a promising approach in the study of political phenomena and processes with a longitudinal effect, in particular, in the study of the specifics of the organisation of the institution of local self-government in Russia.

Keywords: historical institutionalism, local self-government, local self-government institution, path dependence, zemstvo, Soviets

For citation: Kuznetsov I. I., Zharov A. S. Possibilities of historical institutionalism in the study of the organization of local self-government in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 202–207 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-202-207>, EDN: SODWSH

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Любые формы общественных отношений выражаются через категорию институтов, которые являются фундаментальными факторами функционирования общественных систем. В самом общем виде под институтом понимается ряд правил, формирующих взаимоотношения акторов и определяющих их поведение. Важными характеристиками институтов являются изменчивость (способность институтов приспосабливаться к изменениям, происходящим под воздействием внешних факторов) и устойчивость (способность адаптироваться к изменениям и сохраняться в течение длительного исторического времени).

Исторический институционализм, как научный подход в рамках неoinституционального направления, «охватывает очень широкий спектр эмпирических явлений – от социальных революций до государственного строительства, формирования режима, развития современного государства всеобщего благосостояния, а также способствует лучшему пониманию генезиса, воспроизводства и изменения институтов» [1, р. 91–92]. Процесс институционализации рассматривается и как сохранение определенных свойств предшествующих институтов, и как приобретение, трансформация новых параметров, которые требуются в изменившихся условиях и необходимы для адаптации к изменениям в социальной, экономической и политической сферах. Данный подход, определяя институты как формальные (соответствующие нормативные правовые акты) и неформальные (обычаи, традиции, поведенческие модели) нормы, применяемые в политической практике, при определяющем влиянии исходного выбора на последующее развитие предоставляет возможность учесть роль траектории предшествующего развития с целью достижения сбалансированного взаимодействия формальных и неформальных элементов институциональной структуры. Таким образом, исторический институционализм является перспективным подходом к исследованию политических процессов и явлений, а применение данного подхода в исследовании особенностей организации и функционирования института местного самоуправления в России представляется актуальным.

В современном мире институциональные изменения определяются различными факторами. Современное общество постоянно создает и трансформирует формы и методы самоуправления, адаптируя их к имеющейся социально-политической действительности. Изменения социальных, политических, экономических институтов ведут к эволюции института местного самоуправления, формируя новые типы взаимоотношений.

Различие в моделях местного самоуправления разных стран объясняется исторической обусловленностью и долгосрочной преемственностью, спецификой отношений между государственной и местной властью. Успехи местного самоуправления непосредственно обуславливаются правилами и ограничениями, в рамках которых осуществляется его деятельность, т. е. зависят от институциональной среды. Таким образом, представляется важным исследование местного самоуправления с позиций неoinституционализма. Исторический институционализм, изучающий эволюцию институтов, взаимовлияние развития институтов и формирования политических, экономических и социальных процессов, применим для исследования местного самоуправления, деятельность которого и определена правилами, сложившимися в различные исторические периоды существования государства.

Д. Норт в работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» определяет институты как «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми... Институты уменьшают неопределённость, структурируя повседневную жизнь, ... включают в себя все формы ограничений, чтобы придать определённую структуру человеческим взаимоотношениям» [2]. В своих исследованиях он показывает, что развитие и становление институтов на каждом определенном историческом временном отрезке происходит в определенной последовательности и согласно определенным закономерностям. Проводя анализ деятельности формальных и неформальных институтов, Д. Норт приходит к выводу, что наиболее консервативными и менее способными

ми к изменениям являются, как правило, неформальные институты, а в процессе становления, как показывает практика, выигрывают институты, которые наиболее соответствуют сложившимся условиям конкретной исторической действительности. В политологических исследованиях Дж. Марча и Й. Олсена институты представляют собой «...относительно устойчивую совокупность правил и организованных практик, встроенных в структуры смыслов и ресурсов, которые относительно инвариантны в условиях текучести кадров и относительно устойчивы к идиосинкразическим предпочтениям и ожиданиям индивидов и меняющимся внешним обстоятельствам...» [3, р. 3]. В этом определении содержится важное свойство институтов – их способность к эволюции. Внешние факторы изменяющейся общественной среды и влияние развивающихся внутренних элементов институциональной структуры приводят к трансформации институтов.

Эффективность местного самоуправления в России зависит от сложившейся политической культуры, имеющихся традиций политического управления и от институтов, регулирующих его деятельность и поведение социальных акторов. В свою очередь, изменения института местного самоуправления имеют принципиальное значение для оценки успешности трансформаций на общероссийском уровне. Несмотря на богатый исторический опыт самоорганизации, опыт, который имеют народы России в решении проблем на местном уровне (начиная от народного вече до постсоветских реформ местного самоуправления), институт местного самоуправления находится в процессе развития, и, на наш взгляд, для его совершенствования необходимо изучать и использовать опыт предшествующего развития, применяя в исследовании в том числе и метод исторического институционализма.

Исследуя различные аспекты исторического развития самоуправления на местном уровне в России, представляется необходимым обращать внимание на то, что очевидным образом повлияло на дальнейшее развитие института местного самоуправления. На наш взгляд, это, прежде всего, два периода в развитии местного самоуправления – земство и советская модель самоуправления, которые обусловили российскую специфику развития данного института.

«Начиная с конца XVIII в., и особенно в XIX в., местное самоуправление становится постоянным объектом теоретического научного осмысления, активно используется при проведении политических, административных и

правовых реформ» [4, с. 59]. Применение идеи местного самоуправления в практической деятельности, формирование структуры земского самоуправления показало возможность эффективного воздействия населения на решение социальных и экономических проблем конкретных местностей. Период первой половины XIX в. является важным этапом в процессе формирования отечественной системы местного самоуправления. Важным событием в данном процессе стало издание Устава о земских повинностях 1851 г., что, по мнению А. И. Васильчикова [5], можно расценивать как важное событие начала земского реформирования. Комитет о земских повинностях и Особые присутствия для исполнения, утвержденные по Уставу о земских повинностях, впоследствии трансформировались в земские собрания и управы.

В XIX в. в Российском государстве сформировались традиции местного самоуправления в основном сословного характера, имелась крепкая основа развития самоуправления на местах. Следовательно, с целью исследования проблематики совершенствования самоуправленческих параметров анализ следует начинать с данного исторического периода. Появление и формирование общественно-политических течений начала XIX в., направленных на преобразование, в том числе в сфере государственного и местного управления, имело большое значение и получило свое дальнейшее развитие в XX в. Развиваясь и отражая происходящие процессы в обществе, данные направления прогнозировали определенные общественные трансформации, вектор развития страны. Это подтверждала реформа 1861 г. и продиктованные ею преобразования в политической, экономической и социальной сферах. Как следствие, это требовало упразднения сословного начала и необходимости введения местного самоуправления. Начало реформ в сфере земского самоуправления было положено принятием в 1864 г. Положения о губернских и уездных земских учреждениях [6]. Образование земских учреждений расширило границы общественной деятельности в сфере местного самоуправления, в состав системы земских учреждений вошли земские избирательные съезды, собрания и управы. Несмотря на то что земское представительство становилось всеобщим и земству предоставлялась самостоятельность в пределах установленных полномочий, самоуправление на местах осуществлялось в основном благодаря общественной инициативе, деятельность земств ограничивалась хозяйственными вопросами. Однако следует отметить, что опыт дея-

тельности земств в этот период показывает их эффективность, несмотря на ограниченность их возможностей, в том числе и финансовых.

При рассмотрении основных вех в процессе развития самоуправления в России следует отметить Городскую реформу 1870 г., которая внесла большой вклад в развитие самоуправления, будучи направленной на создание всеобщего представительства в городском самоуправлении. И хотя сохранялся имущественный ценз, реформа имела большое значение в повышении гражданской активности населения.

Принятое в 1890 г. новое Положение о губернских и уездных земских учреждениях [7], увеличивало дворянское представительство, восстанавливало сословность, а земские учреждения приобрели значение государственных правительственных образований, что выражалось в росте контроля над их деятельностью. Очевидно, что основополагающим нововведением стало внедрение бюрократических механизмов контроля. «Система представительства в земствах после 1890 г. находилась в русле усиления влияния царской бюрократии в территориальных структурах управления» [8, с. 24]. Замедляя развитие местного самоуправления, данная реформа не могла остановить развития гражданского общества, где земство играло важную историческую роль, привлекая местное население к более активному участию в политических процессах.

Временное правительство выстраивало управленческую властную систему на местах таким образом, что формировались как органы местного самоуправления, так и Советы, которые возникли в период революции 1905–1907 гг. и решали задачи местного самоуправления. Впоследствии, в самом начале революции 1917 г., Советы существовали на всей территории, принимали участие в осуществлении государственной власти на местах, выполняли функции органов местного самоуправления. Советы этого периода организовывали жизнь общества в России, их важность и эффективность доказывает их устойчивость – в некоторых регионах сохранились до 1922 г. Эти институты местного самоуправления служили фундаментом для построения советской модели самоуправления на местах, которая пришла на смену институту земства, прекратившему свое существование в конце 1917 г.

Новые Советы, как форма политической организации, стали органами власти на местах, органами государственного управления. Конституция РСФСР, принятая в 1918 г., замедлила развитие гражданского общества, население не имело право на объединения, происходило слияние партийного и советского аппарата го-

сударственного управления. Создание такой партийно-государственной управленческой системы было закреплено в Конституции СССР 1936 г. Формировалась централизованная, вертикальная система управления под руководством Коммунистической партии, где институт реального местного самоуправления сложиться не мог. Следует отметить, что гражданское общество продолжало развиваться, но, будучи фактически органами государственной власти, Советы не могли в полной мере реализовывать истинные функции местного самоуправления.

Конституция СССР, принятая в 1977 г., допускала участие общественных организаций «...в управлении государственными и общественными делами, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов», а также участие трудовых коллективов «...в обсуждении и решении государственных и общественных дел» [9, ст. 7, 8]. Наряду с этим повышалась роль Советов народных депутатов, которой, как и деятельности Советов, был посвящен специальный раздел, что подчеркивало их определенное положение.

Несмотря на то что Советы на местах являлись коллегиальным органом, в принятии решений основную роль играл не хозяйственный, а партийный механизм. В целом советский институт местного самоуправления основывался на принципе иерархичности, идеологическом доминировании партийного аппарата в организации деятельности на местах, что несколько сдерживало его самостоятельность, ставив развитие в зависимость от политического курса.

В постсоциалистической России был запущен процесс реформирования институциональных основ советской системы, требовалась ее институциональная перестройка. И здесь также исторический институционализм может выступить в качестве методологической базы для теоретического осмысления оснований хода проведения реформ системы местного самоуправления. Для периода начала постсоветских преобразований было характерно отсутствие концептуальной самоуправленческой модели на местном уровне. Предпринимались попытки как адаптации советской системы организации самоуправления на местах, так и выстраивания основ института местного самоуправления, используя зарубежный опыт без применения отечественного.

Для институционального развития местного самоуправления в России определенную положительную роль сыграло принятие в 1995 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10], но его исполнение

приводило к проблемам в межуровневых отношениях, вело к расхождению формальных и неформальных правил. Наряду с социальными и экономическими причинами неэффективности реформ для сферы местного самоуправления в этот период было характерно несовершенство законодательства в этой сфере. Отмечается, что «трудности развития местного самоуправления также объясняются слабой институционализацией основного института – государства, не способного инициировать консолидацию общества и системную интеграцию основных политических и общественных институтов на основе современных подходов, адекватных степени сложности и многообразию проблем современного общества» [11, с. 17].

Принятие нового Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ [12] можно считать началом нового этапа эволюции местного самоуправления в России. С принятием данного нормативного правового акта находит свое реальное развитие практическая реализация принципа самостоятельности, который был провозглашен в Конституции 1993 г. [13, ст. 12], согласно которому местное самоуправление выступает в качестве самостоятельного уровня власти, не входящего в систему государственного управления.

Определенную роль в развитии самоуправления на местах сыграл принятый 27 мая 2014 г. Федеральный закон № 136-ФЗ [14, ст. 2], который был направлен на сокращение влияния федерального уровня и увеличение возможностей регионов в регулировании муниципалитетов, т. е. на процесс децентрализации. Для всех видов муниципалитетов законом закреплялись обязательные полномочия, обеспеченные ресурсами. В случае расширения полномочий устанавливалось обязательное дополнительное финансирование.

С принятием и внесением изменений в Конституцию в 2020 г. произошло изменение статуса местного самоуправления посредством его включения, наряду с органами государственной власти, в единую систему органов публичной власти. Данный процесс позволил органам местного самоуправления, сохранив свою самостоятельность, заручиться дополнительными гарантиями в ходе реализации своих полномочий, а также закрепить свой правовой статус.

В процессе общественно-политического развития государства эволюционировал и институт местного самоуправления в России, которому всегда было присуще социально-организующее и самоуправленческое начало. Связывая общество и государство, институт местного самоуправления непосредственно участвует в формировании

гражданского общества, развивая коллективные потребности, инициативы, ответственность. В каждом историческом периоде развития института местного самоуправления следует отметить наличие положительных практик, которые, на наш взгляд, целесообразно исследовать, используя методологию исторического институционализма, и по возможности эффективно адаптировать к современным условиям.

Эволюция института местного самоуправления в России, являясь частью социально-политических процессов, происходящих в обществе, содержательно определяется теми процессами, которые происходили на разных этапах существования Российского государства: реформы Александра II, а затем Александра III; организация самоуправления на местах Временным правительством; реформа института местного самоуправления в условиях централизации власти, реформы постсоветского периода. Достаточно актуальным представляется изучение институционализации местного самоуправления в исторической динамике государственного развития, наряду с рассмотрением статуса местного самоуправления, в том числе конституционного, а также прав муниципалитетов, включая вопросы объема полномочий, ресурсного обеспечения, межбюджетных отношений, ответственности и контроля на отдельных этапах его эволюции. Это позволит при анализе процесса становления и развития института местного самоуправления как элемента системы публичной власти учитывать его основные характеристики и влияние фактора исторической предопределенности и преемственности на институционализацию местного самоуправления.

Местное самоуправление способно активизировать социальную жизнь, так как, в частности, является институтом, предполагающим снятие социальных барьеров, развитие гражданской инициативы в условиях социально-культурного многообразия и региональной специфики. Реформы второй половины XIX в. способствовали развитию социальных отношений, включая бывших крепостных крестьян в гражданские правоотношения, привлекая помещное дворянство к более активному участию в общественной жизни страны. Земства вводились с учетом фактора развития социокультурной среды региона. В имперской России, в условиях сословного общества и монархического управления, земства были введены на территориях с развитой социокультурной средой и потенциалом самофинансирования. В советский период институт существовал повсеместно в условиях нового политического режима, новой идеологической системы, претерпевая различ-

ные изменения на протяжении существования СССР. В современной России местное самоуправление на всей территории страны гарантировано Конституцией и представляет собой уровень организации власти, наиболее приближенный к человеку. Следовательно, учитывая историю развития института местного самоуправления в России, можно выделить три его модели. Первая модель функционировала в условиях монархического государства и словесного общества; вторая существовала в новой политической системе, трансформируясь на протяжении ее существования; современная модель института местного самоуправления наиболее приближена к потребностям человека и гарантирована Конституцией как составляющая публичной власти.

Таким образом, с целью оптимизации структуры и взаимоотношений элементов системы публичной власти процесс институционализации местного самоуправления, являясь воплощением свойств, характеристик и функций местного самоуправления в системе публичной власти, должен проходить с учетом имеющегося огромного опыта самоорганизации населения на местах, поддержки и развития гражданских инициатив в различных исторических периодах Российского государства. При этом следует подчеркнуть, что в историческом институционализме действует презумпция того, что институты не возникают и не исчезают сами по себе. Можно констатировать тот факт, что происходит постоянный процесс взаимодействия традиций и инноваций, слияние имеющихся форм и подходов. В контексте временного исторического среза важно проследить трансформацию институтов, изучать опыт собственной институциональной среды, в том числе и для того, чтобы понять альтернативы и сформировать перспективные направления дальнейшего развития общественных отношений на всех уровнях государственного устройства, начиная с уровня муниципалитетов, с целью достижения общественного благосостояния.

Список литературы

1. *Thelen K.* The explanatory power of historical institutionalism // *Akteure, Mechanismen, Modellen: Zur Theoriefähigkeit makro-sozialer Analysen* / ed. by R. Mayntz, Frankfurt a.M.; New York: Campus, 2002. P. 91–107.
2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. А. Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997. 180 с. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/6310> (дата обращения: 20.06.2022).
3. *The Oxford Handbook of Political Institutions* / ed. by R. A. W. Rhodes, S. A. Binder, B. A. Rockman. New York: Oxford University Press, 2006. 816 p.
4. *Ковешников Е. М.* Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Норма, 2002. 272 с.
5. *Васильчиков А. И.* О самоуправлении: сравнительный обзор русских и иностранных, земских и общественных учреждений / [соч. кн. А. Васильчикова]: в 2 т. 3-е изд. СПб., 1872. Т. 1. 460 с.
6. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отд. 1. 1864 г. № 40457. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. С. 1–14.
7. Положение о губернских и уездных земских учреждениях // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. X. Отд. 1. 1890 г. № 6927. СПб.: Государственная типография, 1893. С. 493–512.
8. *Шутов А. Ю.* Земское реформирование в России // Земское самоуправление в истории России: К 150-летию земской реформы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 мая 2014 г.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 21–35.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Трофимова И. Н.* Институциональное развитие местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2011. 38 с.
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.
14. О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: федер. закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 208–220

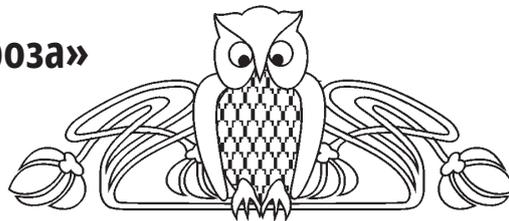
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 208–220

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-208-220>, EDN: SYOJQN

Научная статья
УДК 323.2:327.8

Отражение концепта «российская угроза» в военно-доктринальных документах прибалтийских государств

О. Н. Забузов

Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры информационно-аналитической деятельности, zabuzov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>

Аннотация. Показано, что основополагающие принципы военной политики конкретизируются в документах под интегративным названием «военно-доктринальный документ». Его нередко называют теоретическим ядром военной политики. Разработана методология исследования военно-доктринальных документов иностранных государств в контексте «российской угрозы». Методология опирается на метод PEST-анализа с добавлением в него военного аспекта. Учитывая его неразработанность, проанализировано сущностное наполнение таких категорий, как «военная сфера», «военный фактор», «военная деятельность», с целью уяснения и вычленения составляющих военного аспекта. Предложено сущностное наполнение военного аспекта. Анализ содержания военно-доктринальных документов также базируется на частотно-ранжированном лингвистическом анализе, которому предшествует лемматизация. На основании предложенной методологии проанализировано отражение «российской угрозы» в военно-доктринальных документах Латвии, Литвы и Эстонии. Для лучшего визуального восприятия результатов анализа применено облако слов. Проведен интегративный анализ военно-доктринальных документов прибалтийских государств относительно концепта «российская угроза». Построено частотное распределение доминирующих лексем на основе интегративного анализа военно-доктринальных документов прибалтийских государств.

Ключевые слова: безопасность, военная сила, военно-доктринальный документ, Латвия, Литва, Эстония, Россия, оборона, «российская угроза»

Для цитирования: Забузов О. Н. Отражение концепта «российская угроза» в военно-доктринальных документах прибалтийских государств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 208–220. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-208-220>, EDN: SYOJQN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Reflection of the concept of the “Russian threat” in the military doctrinal documents of the Baltic States

O. N. Zabuzov

Moscow State Linguistic University, 38, bldg. 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Oleg N. Zabuzov, zabuzov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6032-2042>

Abstract. It is shown that the fundamental principles of military policy are concretized in documents under the integrative name “military-doctrinal document”. It is often referred to as the theoretical core of military policy. A methodology has been developed for studying military-doctrinal documents of foreign states in the context of the “Russian threat”. The methodology is based on the PEST analysis method with the addition of a military aspect to it. Given its lack of development, the essential content of such categories as “military sphere”, “military factor”, “military activity” is analyzed in order to clarify and isolate the components of the military aspect. The essential content of the military aspect is proposed. Analysis of the content of military-doctrinal documents is also based on a frequency-ranked linguistic analysis, which is preceded by lemmatization. Based on the proposed methodology, the reflection of the “Russian threat” in the military-doctrinal documents of Latvia, Lithuania and Estonia is analyzed. For a better visual perception of the analysis results, a word cloud was used. An integrative analysis of the military-doctrinal documents of the Baltic States regarding the concept of “Russian threat” was carried out. The frequency distribution of dominant lexemes is constructed on the basis of an integrative analysis of the military-doctrinal documents of the Baltic States.

Keywords: security, military force, military doctrinal document, Latvia, Lithuania, Estonia, Russia, defense, “Russian threat”

For citation: Zabuzov O. N. Reflection of the concept of the “Russian threat” in the military doctrinal documents of the Baltic States. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 208–220 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-208-220>, EDN: SYOJQN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Основополагающие принципы военной политики конкретизируются в военных доктринах, военных стратегиях, национальных стратегиях, иных документах подобного характера. Обобщая вышеназванные документы под интегративным названием «военно-доктринальный документ», его нередко называют теоретическим ядром военной политики.

Определенная исследовательская сложность заключается в разработке методологии анализа военно-доктринальных документов различных государств. Что является главенствующим для определения содержания таких документов? Каков подход, какие основания такого анализа? Каким образом обосновать и сформулировать критерии для сравнения военно-доктринальных документов различных государств? Как определить в них общее и особенное? Естественно, многое определяется той целью, которую ставит исследователь, теми частными задачами, которые необходимо решить.

Цель статьи – проанализировать отражение концепта «российская угроза» в военно-доктринальных документах прибалтийских государств (Латвии, Литвы, Эстонии), дать им классификацию и определить их сущностное наполнение.

В соответствии с целью поставлены две исследовательские задачи:

1) разработать методологию исследования качественного содержания военно-доктринальных документов иностранных государств в контексте «российской угрозы»;

2) дать качественную характеристику содержанию военно-доктринальных документов прибалтийских государств относительно концепта «российская угроза».

Отметим несколько моментов, которые будут выступать методологической основой анализа содержания военно-доктринальных взглядов, отраженных в соответствующих документах прибалтийских государств.

1. Перечень и характер военно-доктринальных документов у различных государств, безусловно, разный. У некоторых он составляет в чистом виде документы, аналогичные российской Военной доктрине, иногда они представлены симбиозом взглядов на вопросы обороны и международного развития, военными аспектами отстаивания национальной безопасности, стратегией национальной обороны и др. Для анализа отобраны те документы, в которых отражены военно-доктринальные взгляды прибалтийских государств (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые военно-доктринальные документы прибалтийских государств

Страна	Название военно-доктринального документа
Латвия	The State Defence Concept. Ministry of Defence of the Republic of Latvia (Approved by the Cabinet of Ministers on 18 August 2020, Adopted by the Saeima 24 September 2020)
Литва	White Paper. Lithuanian Defense Policy (2017)
Эстония	Estonian Defense Forces Annual Report 2020

2. Исследование документов будет сосредоточено вокруг анализа их текста, ключевым содержанием которого выступает концепт «российская угроза». Данный концепт включает в себя близкие по смыслу семантические словосочетания («угроза со стороны России», «угроза Российской Федерации» и т.п.), где под угрозой вообще понимается совокупность потенциала и намерений.

Заметим, что концептуальный анализ занимает одно из важнейших мест в системе современных исследований. Изучению самого метода и его применению посвящено множество разноплановых работ [1–3]. Можно заключить, что определенный интерес у научного сообщества имеется к данному спектру исследовательской проблематики.

3. Вопросы безопасности и обороны не ограничиваются строго военной сферой. По-

литическая и военная сферы очевидно связаны. Достаточно известный тезис К. Клаузевица постулирует, что военная политика не может формироваться в отрыве от политических целей, будучи продолжением политики иными средствами [4, с. 27].

Социальная, экономическая и технологическая сферы также играют важную роль в военной политике. К примеру, демографические тенденции есть не что иное, как проявление социальной сферы. Они напрямую связаны с ростом населения и, как следствие, формируют мобилизационный резерв. Социальной сфере во многом принадлежит формирование духовных ценностей, воли и решительности при защите своей страны. В свою очередь, развитие социальной сферы не может быть продуктивным при экономическом упадке, политической нестабильности. Технологический аспект

тесно связан со всеми остальными аспектами и уровнем развития соответствующей сферы. Примеры переплетений различных сфер общества можно продолжать достаточно обширным перечнем.

4. Отобранные словосочетания будут классифицированы с опорой на метод PEST-анализа. Выявленные с помощью этого метода оценки и суждения в документах будут распределены по четырем классическим категориям PEST-анализа [5, с. 37–38]. Учитывая, что нами проводится исследование военно-доктринальных документов, то логичным дополнением к категориям PEST-анализа будет добавление военного аспекта.

Если для традиционного PEST-анализа является устоявшимся содержание политического, экономического, социального и технологического аспектов, то для военного аспекта такого ряда не выработано. Размышляя над наполнением военной составной части, предполагается обращение к таким категориям, как «военная сфера» [6, 7], «военный фактор» [8], «военная деятельность» [9, с. 53; 10], с целью уяснения и вычленения составляющих военного аспекта. Проведенный анализ содержания вышеназванных категорий позволяет определить несколько составляющих военного аспекта. К ним стоит отнести: отражение агрессии, поддержание требуемого потенциала военного сдерживания, стратегическое развертывание вооруженных сил, наращивание военного потенциала на стратегических направлениях, активизация военных учений, развертывание зарубежных военных баз, милитаризация различных сфер социума и др.

5. Представляется, что анализировать отражение «российской угрозы» в военно-доктринальных документах прибалтийских государств в отрыве от сегодняшних реалий вряд ли получится, при условии того, что документы этих государств вышли в свет до начала проведения СВО. Вместе с тем имеется обширный пласт научных трудов, в которых рассматриваются различные аспекты, связанные с исследованием политики безопасности и обороны стран Балтии [11, 12], международными политическими и военно-политическими процессами в Балтийском регионе [13–15], политикой России в данном регионе [16, 17]. Содержание этих и других работ может выступить определенным маркером в анализе военно-доктринальных документов прибалтийских государств и их оценки.

6. Качественный анализ содержания военно-доктринальных документов будет бази-

роваться на частотно-ранжированном лингвистическом анализе. Такому анализу будет предшествовать лемматизация, т.е. процесс приведения словоформ анализируемого текста к нормальному (словарному) виду. Для лучшего визуального восприятия полученных результатов, помимо представления в табличном виде, применимо облачное предоставление данных.

Отражение концепта «российская угроза» в латвийском военно-доктринальном документе

Во введении к Концепции государственной обороны Латвии [18] отмечено, что она основана на анализе военных угроз. Рассматривая региональные тенденции, в документе постулируется, что на ситуацию с безопасностью в регионе Балтийского моря некоторое время оказывала влияние провокационная и агрессивная военная и гибридная деятельность России. Латвийский законодатель считает, что ситуация значительно ухудшилась после так называемой агрессии России против Украины в 2014 г. Россия, по мнению авторов Концепции, вмешивается в выборы, политические и социальные процессы других стран. «Она использует информационную войну и кибератаки. Репрессии против российских диссидентов усиливаются. Россия продолжает бряцать оружием, что считается пережитком со времен окончания “холодной войны”. Россия ведет себя четко по шаблону: пока нет наказания и возмездия, можно все», – отмечается в документе.

В Концепции постулируется, что агрессия против Украины и попытки ограничить суверенитет Белоруссии наглядно показывают, что аппетиты России растут. Попытки изменить геополитический ландшафт Европы будут только усиливаться. Не исключено и применение военной силы. Любимый нарратив Кремля о том, что Россия является последним оплотом, окруженным врагами, по-прежнему популярен среди россиян.

Как отмечено в документе, российские государственные СМИ продолжают целенаправленно создавать негативный образ Латвии как страны, в которой широко поддерживаются нацистские идеи и ненавидят русских. В результате, согласно опросам общественного мнения, проведенным в России, многие россияне считают Латвию одним из своих главных давних врагов. Россия, скорее всего, продолжит изображать Латвию как враждебную страну, а также несостоявшееся государство. Именно так, по мнению авторов документа, Россия оправдывает свою конфронтационную политику.

Как заявляет латвийское руководство, в последние годы Россия вложила огромные средства в развитие своего военного потенциала, ориентированного на Запад, что является одним из ее стратегических направлений. Формируются новые воинские части, модернизируется вооружение, усиливаются воинские формирования, дислоцированные в Калининградской области. Основным направлением российских проектов военной подготовки и развития потенциала являются мобильность ее сил, сил высокой готовности и блокирование доступа к Балтийскому морю по воде и воздуху. На самом деле Россия не может позволить себе полномасштабную войну с НАТО на глобальном уровне. Вот почему Россия фокусируется на более реалистичных сценариях, таких как гибридная

война и внезапное нападение, которые дадут ей преимущество внезапности и позволят легче захватить территории, как в случае с Грузией и Украиной. Россия также четко указала и даже пригрозила, что в случае необходимости может применить ядерное оружие.

Латвийское руководство заявляет, что поскольку Россия продолжает свою агрессию против Украины, она по-прежнему предпринимает усилия по дестабилизации НАТО, а также ЕС. Россия активно ищет союзников среди государств-членов, которые помогли бы ей оказать необходимое политическое давление для полной или частичной отмены введенных против нее санкций.

Анализ качественного содержания аспектной принадлежности латвийского военно-доктринального документа представлен в табл. 2.

Таблица 2

Анализ содержания Концепции государственной обороны (Латвия) относительно концепта «российская угроза»

Название аспекта	Качественное содержание аспектной принадлежности
Политический	Россия вмешивается в выборы, политические и социальные процессы; попытки [Россия] изменить геополитический ландшафт Европы будут только усиливаться; Россия, скорее всего, продолжит изображать Латвию как несостоявшееся государство; Россия также четко указала и даже пригрозила, что в случае необходимости может применить ядерное оружие; [Россия предпринимает] усилия по дестабилизации НАТО, а также ЕС
Экономический	Россия вложила огромные средства в развитие своего военного потенциала, ориентированного на Запад, что является одним из ее стратегических направлений
Социальный	[Россия] целенаправленно создает негативный образ Латвии; Россия, скорее всего, продолжит изображать Латвию как враждебную страну
Технологический	она [Россия] использует информационную войну и кибератаки
Военный	провокационная и агрессивная военная и гибридная деятельность России; [Россией] формируются новые воинские части, модернизируется вооружение, усиливаются воинские формирования, дислоцированные в Калининградской области; направлением российских проектов военной подготовки и развития потенциала являются мобильность ее сил, сил высокой готовности и блокирование доступа к Балтийскому морю по воде и воздуху

Полную визуализированную картину можно представить в виде облака слов (рис. 1).

Делая промежуточные выводы из анализа содержания Концепции государственной обороны Латвии относительно концепта «российская угроза», можем выделить ряд моментов.

1. В анализируемом нами документе нашли отражение все пять аспектов.

2. Наибольший размер качественного содержания приходится на политический и военный аспекты.

3. Исследуя лемматизированный ряд результатов анализа содержания Концепции го-

сударственной обороны относительно концепта «российская угроза», можем заключить, что он сводится к рассмотрению противопоставления России и Латвии через призму российского военного потенциала, его направления и усиления.

Отражение концепта «российская угроза» в литовском военно-доктринальном документе

Во вступительном слове к Белой книге 2017 г., изданной министерством национальной обороны Литовской Республики [19], министр обо-

Литва считает, что Россия быстро развивает возможности Anti-Access/Area Denial (A2AD) в Крыму, на Кольском полуострове и в Калининградской области; наращивает свои средства ПВО, ракетной, артиллерийской, береговой обороны, военно-морские и радиоэлектронные средства, которые в случае военного конфликта могут заблокировать приход подкреплений НАТО в Балтийское море. В окрестностях Литвы и других стран НАТО Россия регулярно проводит внезапные военные учения.

Литовское военно-политическое руководство заявляет о том, что ситуация с безопасностью еще больше усугубляется односторонним выходом России из различных инициатив по контролю над вооружениями, которые способствуют взаимной прозрачности и доверию. В 2008 г. после объявления моратория на участие в ДОВСЕ Россия прекратила обмен информацией между участниками Договора.

Литовская сторона считает, что политика Белоруссии в области обороны и безопасности тесно скоординирована с Россией. Практически завершена военная интеграция обоих государств – их вооруженные силы полностью интероперабельны. Управление российско-

белорусской региональной группировкой войск синхронизировано, их совместная система ПВО – тема, которая продолжает развиваться, ими часто организуются и проводятся совместные военные учения.

В документе отмечено, что Россия агрессивно создает необоснованную, а также вводящую в заблуждение информацию с целью формирования публичного мнения по вопросам национальной безопасности. По взглядам Литвы, Россия проводит целенаправленные информационные кампании, направленные на литовское общество, используя широкий спектр средств: от телевидения до социальных сетей и СМИ.

Авторы документа отмечают агрессию России против Грузии и Украины и ее попытки подорвать основанную на правилах архитектуры безопасности в Европе. Это означает, что экзистенциальные угрозы безопасности Литвы сохраняются и что ответ на эти угрозы должен быть основой оборонной политики Литвы.

На основании выработанной методологии сформирована табл. 3, данные которой дискретно отражают содержание литовского документа.

Полную визуализированную картину можно представить в виде облака слов (рис. 2).

Таблица 3

Анализ содержания Белой Книги 2017 г., изданной министерством национальной обороны Литовской Республики, относительно концепта «российская угроза»

Название аспекта	Качественное содержание аспектной принадлежности
Политический	русский ревизионизм; неудовлетворенность России международным порядком; Россия характеризуется растущей агрессивностью; готовность использовать все доступные средства для демонтажа архитектуры евроатлантической безопасности; ситуация с безопасностью еще больше усугубляется односторонним выходом России из различных инициатив по контролю над вооружениями
Экономический	большая часть расходов на оборону России направляется на реформирование и перевооружение ее вооруженных сил
Социальный	информация и киберугрозы; Россия агрессивно создает необоснованную, а также вводящую в заблуждение информацию с целью формирования публичного мнения по вопросам национальной безопасности; Россия проводит целенаправленные информационные кампании, направленные на литовское общество
Технологический	Россия демонстрирует способность одновременно применять военные и невоенные средства
Военный	увеличились масштабы и размах российской военной деятельности; возрастание угроз на южном фланге НАТО; большее значение придается использованию военной силы для достижения своих целей; растущий военный потенциал России; военная модернизация России в значительной степени сосредоточена в Западном военном округе, в том числе в Калининградской области; Россия наращивает свои средства противовоздушной, ракетной, артиллерийской, береговой обороны, военно-морские и радиоэлектронные средства

при отсутствии других средств (или в силу слабости) является важным средством достижения внешнеполитических целей.

Обращаясь к внешней политике безопасности России, эстонская сторона отмечает, что год за годом Москва все больше смотрит на Восток, укрепляя связи с Китаем. В то же время другой крупный азиатский центр силы, Индия, движется в сторону Запада, укрепляя связи с США. Если эта тенденция сохранится в долгосрочной перспективе, то две дружественные страны, Россия и Индия, могут в итоге оказаться в конфликтных геополитических и экономических блоках.

По мнению Эстонии, Россией в 2020 г. были предприняты усилия, чтобы Пекин и Нью-Дели рассматривались как партнеры. В настоящее время Россия выступает преимущественно посредником между КНР и Индией в этом треугольнике. Однако нельзя исключать, что протяженная общая граница между Россией и Китаем (где есть несколько «серых зон») может создать проблемы между странами в будущем.

Как считает эстонское руководство, политика, проводимая Россией на Ближнем Востоке в 2020 г., которая, вероятно, продолжится в основных направлениях, имеет определенную особенность: Москва может вести формальный диалог одновременно с несколькими противоборствующими сторонами. Например, сегодня с Израилем и Ираном, завтра – с США и «Хезболлах», потом с Турцией и курдской партией «Демократический союз». Россия оказывает политическое влияние, поддерживает лидеров (Хафтара в Ливии, Асада в Сирии) в обмен на обещания возможных будущих экономических выгод. Присутствие в сирийском порту Тартус вызывает беспокойство и станет еще большей проблемой, если Россия сможет использовать свое экономическое влияние на соседнем Кипре (государстве-члене ЕС) для консолидации своих сил.

Эстонская сторона несколько ерничает по поводу российско-турецких отношений: «Одним из важных «партнеров» России на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Кавказе является Турция. В контексте Ближнего Востока отношения были достаточно конструктивными, так как обе стороны хотят некоторого контроля над конфликтом. Поэтому районы контроля были разделены вблизи турецкой границы. Однако отношения двигались по курсу на конфликт как в Ливии, так и на Кавказе.

В Ливии наступление Хафтара на Триполи провалилось из-за атак турецких беспилотников, несмотря на активное участие российского частного охранного предприятия «Вагнер». Аналогичный сценарий повторился в Нагорном Ка-

рабах, где турецкие беспилотники, полученные Азербайджаном, использовались для достижения превосходства в войне против Армении, которая применяла российское оружие и тактику».

В эстонском отчете отмечено, что Россия особенно расширила свое присутствие в Африке. В последние годы Россия также стала ведущим поставщиком вооружений в Африку, обогнав в регионе традиционных лидеров – Францию и США. В энергетическом контексте Алжир играет ключевую роль как третий по величине поставщик газа в ЕС. Обеспечив господство над энергетическими ресурсами Алжира, Россия может усилить свое влияние в Европе. Интерес к запасам нефти Ливии – еще один шаг в этом направлении. Военное влияние России ограничило пространство для маневра западных стран в этих государствах, и это может спровоцировать будущие конфликты.

Как заявлено в документе, в отношениях со странами Запада в центре внимания России находится ископаемое топливо, которое, вероятно, останется центром влияния России в ближайшем будущем. Две крупнейшие статьи энергетического экспорта – нефть и природный газ – нуждаются в международной экономической стабильности, чтобы продолжать наполнять государственную казну, но и дают возможность России не останавливаться в использовании энергетики в качестве геополитического инструмента, даже если это со временем приведет к дестабилизации ситуации в некоторых регионах.

С другой стороны, зависимость России от доходов от газа и нефти побуждает Кремль поддерживать высокие цены, сохраняя при этом значительную долю рынка в глобальном масштабе. В то же время переход от ископаемого топлива к зеленой и возобновляемой энергии может подорвать наполнение государственной казны России.

Эстонское правительство не обошло стороной и Арктику. Арктика и, в частности, международное судоходство могут стать важным фактором укрепления Россией своих позиций и повышения роли в международной торговле за счет использования экономических последствий изменения климата. По мере потепления планеты льды на арктическом побережье России продолжают таяние, создавая условия для того, чтобы Северный морской путь стал одной из наиболее жизнеспособных альтернатив существующим межконтинентальным морским путям. Хотя этот маршрут может принести пользу мировой экономике в целом, он также может означать усиление контроля Москвы над судоходством, что в свою очередь может поставить под угрозу существующую свободу судо-

ходства других стран, поскольку Россия очень активно милитаризирует прибрежную полосу. Однако в долгосрочной перспективе таяние льдов может привести к тому, что транзитный коридор вообще выйдет за пределы российской юрисдикции.

На основании предложенной методологии исследования сформирована табл. 4, данные которой дискретно отражают содержание эстонского военно-доктринального документа.

Полную визуализированную картину можно представить в виде облака слов (рис. 3).

Таблица 4

Анализ содержания Эстонского годового отчета сил обороны за 2020 г. относительно концепта «российская угроза»

Название аспекта	Качественное содержание аспектной принадлежности
Политический	позиция России в международных отношениях становится все более ревизионистской; Россия стремится заставить европейские страны вступить в переговоры с ней путем демонстрации военной силы; право решать вопросы безопасности своих приграничных стран, подрывав тем самым влияние международных институтов (ЕС и НАТО); Россия особенно расширила свое присутствие в Африке; обеспечив господство над энергетическими ресурсами Алжира, Россия может усилить свое влияние в Европе; использование энергетики в качестве геополитического инструмента; в центре внимания России находится ископаемое топливо, которое, вероятно, останется центром влияния России в ближайшем будущем
Экономический	Россия сможет использовать экономическое влияние на соседнем Кипре; Россия стала ведущим поставщиком вооружений в Африку; интерес к запасам нефти Ливии – еще один шаг в этом направлении [усиления влияния]; международное судоходство может стать важным фактором укрепления Россией своих позиций и повышения роли в международной торговле; усиление контроля Москвы над судоходством, что, в свою очередь, может поставить под угрозу существующую свободу судоходства других стран
Социальный	–
Технологический	–
Военный	присутствие в сирийском порту Тартус вызывает беспокойство и станет еще большей проблемой; милитаризация прибрежной арктической полосы

Рис. 3. Облако слов на основе анализа содержания Эстонского годового отчета сил обороны за 2020 г. относительно концепта «российская угроза»

Делая промежуточные выводы из анализа содержания Эстонского годового отчета сил обороны за 2020 г. относительно концепта «российская угроза», можем выделить ряд моментов.

1. В исследуемом документе присутствуют политический, экономический и военные аспекты. В документе нам не удалось вычленить социальный и технологический аспекты. Стоит предположить, что они не вызывают повышения уровня тревожности в рядах разработчиков данного документа.

2. Наибольшим по объему является политический аспект, чуть меньшим – экономический.

3. Анализируя лемматизированный ряд, можно вычленить словосочетание, которое характеризует Россию как «страну, влияющую на международные позиции». Немаловажным моментом является обеспокоенность эстонской стороны так называемой угрозой со стороны России экономическому аспекту, а именно потенциальной угрозой судоходству и укреплению международной торговли. Обеспокоенность эстонского военно-политического руководства вызывает усиление присутствия России в Африке.

Интегративный взгляд (вместо заключения)

По большому основанию у нас нет причин проводить интегративный анализ рассмотренных в статье военно-доктринальных документов прибалтийских государств. Этому есть весомые аргументы. Одним из важнейших является тот, что Латвия, Литва и Эстония считаются суверенными государствами, т. е. в идеале способными проводить независимую политику.

Вместе с тем не стоит исключать из рассмотрения такие факторы, как членство этих государств в блоке НАТО и ЕС, следовательно, подпадающих под политическое давление этих институций и проводящих свою политику в их русле. Все эти государства признаны недружественными по отношению к России¹. Немаловажным является их компактное размещение, наличие общих границ между ними и Российской Федерацией. Особо стоит отметить давние политические, культурные и хозяйственные взаимоотношения этих республик в бытность их в составе СССР. Все вышеперечисленное дает нам основание провести такой анализ военно-доктринальных документов прибалтийских государств относительно концепта «российская угроза».

Из вычлененных пяти аспектов для анализа военно-доктринальных документов наибольшими и соизмеримыми по объему являются политический и военный аспекты. Далее следует экономический аспект. Менее значимыми являются социальный и технологический аспекты. Интегративный анализ военно-доктринальных документов Латвии, Литвы и Эстонии приводит к выводу, что в качестве наиболее часто встречающихся общих компонентов выступают такие доминирующие лексемы, как «Россия», «военный», «сила», «международный», «средство», «влияние». Их частотное распределение представлено на рис. 4.

¹ Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия: утв. распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-п. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202203070001> (дата обращения: 02.02.2023).

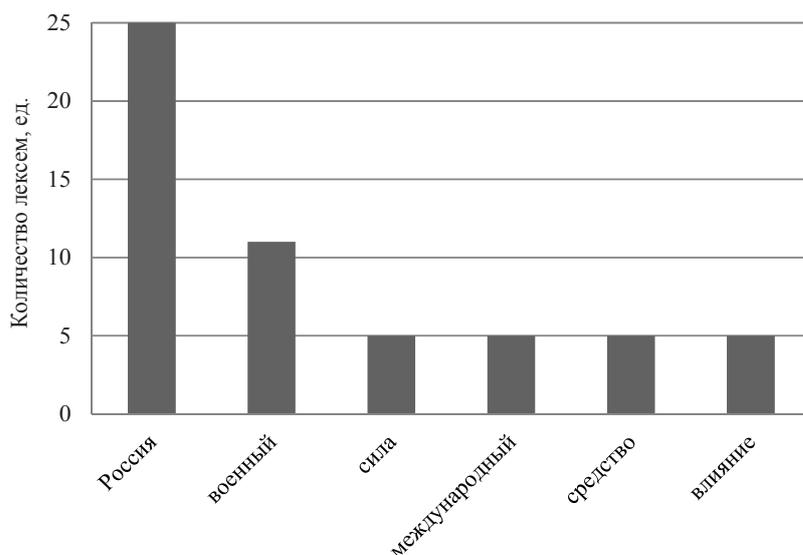

Рис. 4. Частотное распределение доминирующих лексем на основе интегративного анализа военно-доктринальных документов прибалтийских государств

Проводя интегративный анализ военно-доктринальных документов стран Балтии по политическому аспекту, видим, что наиболее часто встречающимися словами выступали «Россия», «международный», «влияние», «безопасность». Иными словами, озабоченность военно-политического руководства прибалтийских государств в политической сфере вызывает влияние России на международную безопасность. Частотное распределение представлено на рис. 5.

В отношении экономического аспекта наиболее часто встречающимися словами выступали «Россия» и «судоходство». Определенную тревогу руководства прибалтийских государств

в экономической сфере вызывает влияние России на такой важный для всех прибалтийских стран источник доходов, как судоходство и портовые услуги. Частотное распределение слов при интегративном анализе экономического аспекта представлено на рис. 6.

Среди выявленных доминирующих лексем при интегративном анализе социального аспекта стоит назвать «информацию». По мнению руководства прибалтийских государств, определенные угрозы со стороны России может представлять информационный фактор. Анализ технологического аспекта не позволяет вычлени из всего проанализированного ин-

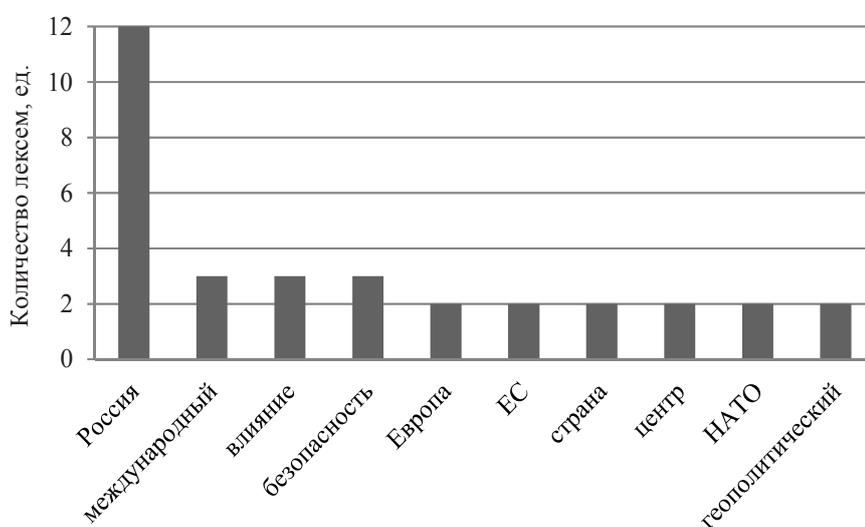

Рис. 5. Частотное распределение доминирующих лексем на основе интегративного анализа политического аспекта военно-доктринальных документов прибалтийских государств

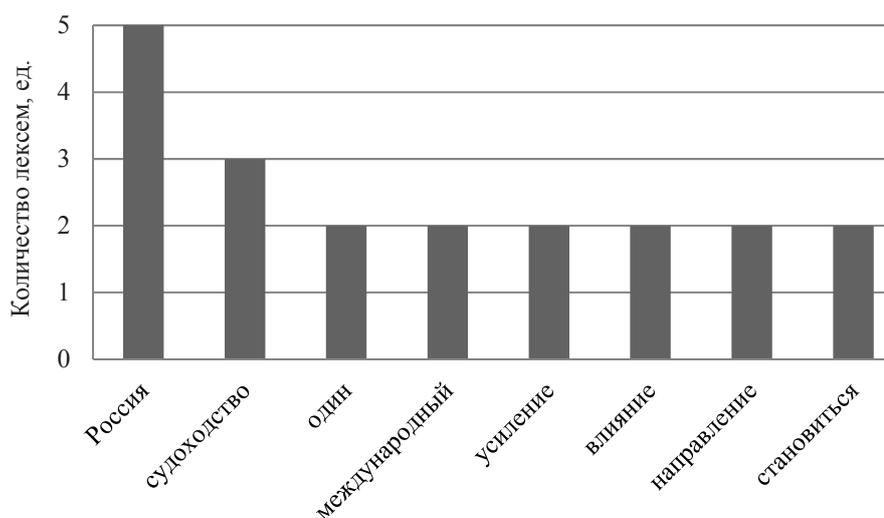

Рис. 6. Частотное распределение доминирующих лексем на основе интегративного анализа экономического аспекта военно-доктринальных документов прибалтийских государств

тегративного ряда военно-доктринальных документов словоформы, имеющие наибольшее частотное распределение.

Проводя интегративный анализ данных документов по военному аспекту, наиболее часто встречающимися словами выступали «военный», «Россия» и «сила». Если привести эти лемматизированные формы слов к естествен-

ному языку, то получается конструкт-угроза типа «военная сила России» или «российская военная сила». Судя по проведенному анализу военно-доктринальных документов, такая конструкт-угроза вызывает озабоченность военно-политического руководства прибалтийских государств. Частотное распределение лексем представлено на рис. 7.

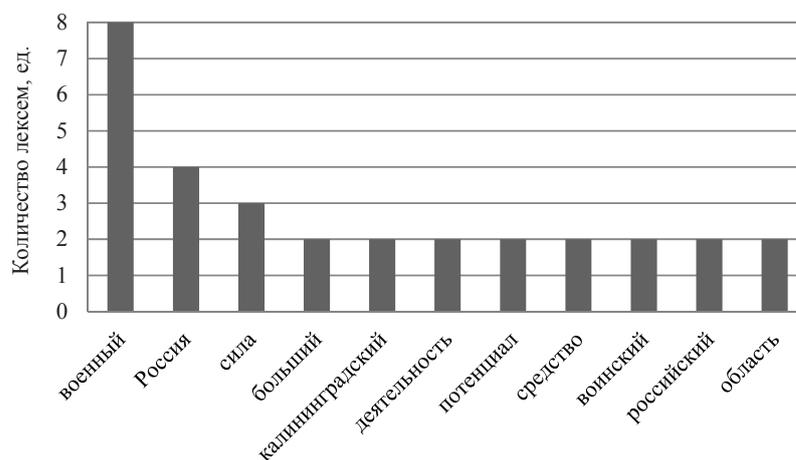

Рис. 7. Частотное распределение доминирующих лексем на основе интегративного анализа военного аспекта военно-доктринальных документов прибалтийских государств

Представляется, что проведенное исследование военно-доктринальных документов Латвии, Литвы и Эстонии позволит лучше понять логику поведения этих государств на мировой арене в столь непростых геополитических трансформациях, протекающих в современном мире.

Список литературы

1. Бессуднова М. Б. «Русская угроза» в ливонской орденовой документации 80-х и начала 90-х гг. XV в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1 (15). С. 144–156. EDN: SGHNDH
2. Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Репрезентация концепта COUNTERACTION в социально-культурном контексте глобальной угрозы // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 4. С. 33–42. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-33-42>
3. Ossipova A. A., Michina O. V., Pozdnjakova N. V. Repräsentation der Konzepte Russland und Deutschland in den Publizistischen Texten // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 3. С. 34–41. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-3-34-41>
4. Клаузевиц К. О войне. М. : Гос. воен. изд-во, 1934. 692 с.
5. Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы : учебник / под ред. С. А. Мелькова. М. : КноРус, 2021. 564 с. (Аспирантура).
6. Ольшевский В. Г. Военная сфера в гуманитарной картине мира или военная безопасность в системе ценностей современного общества // *Система ценностей современного общества*. 2010. № 16. С. 32–36. EDN: RUKIOP
7. Золотарев В. А. Проблема государственного управления военной сферой: Заметки по поводу монографии А. А. Кокошина «Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России». М. : УРСС, 2004. 75 с.
8. Колесниченко К. Ю. Военный фактор в развитии Дальнего Востока России (на примере Приморского края) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2012. № 3 (22). С. 116–125.
9. Белозеров В. К. Политический феномен военной деятельности. М. : АТИСО, 2009. 392 с.
10. Зверев Ю. Военные учения России и Белоруссии как ответ на активизацию военной деятельности НАТО // *Евразия. Эксперт*. 2020. Вып. 3–4. С. 13–22. <https://doi.org/10.18254/S271332140013177-1>
11. Трунов Ф. О. Нарастание присутствия НАТО в Восточной Европе: Особенности и последствия // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. № 3. С. 177–198. EDN: ZJSBTR
12. Зверев Ю. Планы США и НАТО по наращиванию своих вооруженных сил в Прибалтике (по материалам аналитических докладов) // *Евразия. Эксперт*. 2021. Вып. 1. С. 27–42. <https://doi.org/10.18254/S271332140014369-2>

13. Лебедев Г. И. Фактор стран Балтии в российско-американских отношениях при администрации Дж. Буша-мл. (2001–2008 гг.) : автореф. ... дис. канд. полит. наук. М., 2011. 27 с.
14. Смирнов В. А. К вопросу о роли малых стран в процессах реструктурирования постсоветского пространства (На примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 48–56. <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2014-4-3>
15. Цыбаков Д. Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России. М. : МАКС Пресс, 2012. 236 с.
16. Егорченков Д. А., Данюк Н. С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 1. С. 26–48.
17. Воротников В. В., Иванова Н. А. «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 3. С. 107–124. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-6>
18. The State Defence Concept. Ministry of Defence of the Republic of Latvia (Approved by the Cabinet of Ministers on 18 August 2020, Adopted by the Saeima 24 September 2020). URL: https://www.mod.gov.lv/sites/mod/files/document/Valsts%20aizsardzibas%20konceptija_ENG_0.pdf (дата обращения: 02.02.2023).
19. White Paperp. Lithuanian Defense Policy (2017). URL: <http://www.mond.gov.lt/download/59163/wp-2017-en-el.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).
20. Estonian Defense Forces Annual Report 2020. URL: https://mil.ee/wp-content/uploads/2021/04/KV_annual-report_2020_web.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

Поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

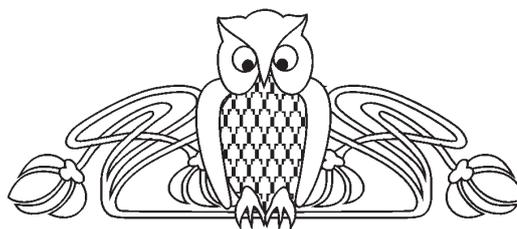

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 221–226
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 221–226
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-221-226>, EDN: KLZJWX

Научная статья
УДК 321.01

Языковая политика Швейцарии в условиях федерализма

А. Р. Зарипова , Я. П. Кузнецов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Зарипова Айгуль Раисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, aigulzaripova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5810-5986>

Кузнецов Ярослав Петрович, магистрант 2-го года обучения (направление «Политология») Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, YaPKuznetsov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2407-0655>

Аннотация. Современные многосоставные общества, характеризующиеся этнокультурным разнообразием, формируют запрос на поиск эффективных механизмов сохранения баланса в межгрупповых отношениях. Институционализация языковой политики становится одним из способов регулирования межэтнических отношений. Особую актуальность проблема реализации языковой политики приобретает в современных европейских федерациях, границы субъектов которых накладываются на границы проживания языковых сообществ. В таких случаях языковая политика федерального центра способна напрямую влиять на характер взаимодействия центральной и региональных властей. Особый исследовательский интерес представляет Швейцария как одна из самых децентрализованных федераций Европы. Компактное проживание четырех языковых сообществ наложило существенный отпечаток на институциональные основы федеративного устройства Швейцарии. Сложившиеся модели взаимодействия между центром и кантонами нуждаются в рассмотрении в качестве инструмента нормализации и стабилизации отношений в многосоставных обществах. В статье рассматривается влияние федерализма и федеративных принципов на формирование и развитие языковой политики Швейцарии. Раскрывается нормативная база швейцарского федерализма, ее институциональные основы, которые накладывают отпечаток на регулирование языкового режима как на федеральном, так и на региональном уровнях. С опорой на статистические данные дается оценка языковой ситуации в кантонах с одним и двумя официальными языками. Обозначена специфика сочетания основных принципов, регулирующих отношения между швейцарскими языковыми группами. Принципы равноправия языков, свободного языкового выбора для регионов и формальное закрепление языковой территориальности рассматриваются как основа устойчивости швейцарской модели федерализма. Делается вывод, что федерализм в Швейцарии способствует гармонизации языковой ситуации благодаря распределению полномочий между центром и регионами.

Ключевые слова: языковая политика, федерализм, Швейцария, децентрализация, субсидиарность

Для цитирования: Зарипова А. Р., Кузнецов Я. П. Языковая политика Швейцарии в условиях федерализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 221–226. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-221-226>, EDN: KLZJWX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The language policy of Switzerland within the federalism environment

A. R. Zaripova , Ya. P. Kuznetsov

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Aigul R. Zaripova, aigulzaripova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5810-5986>

Yaroslav P. Kuznetsov, YaPKuznetsov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2407-0655>

Abstract. Modern plural societies characterized by ethno-cultural diversity are forming demand for effective balance of inter-group relations. The institutionalization of language policy is becoming the way of inter-ethnic relations regulation. The problem of language policy implementation is the relevance in modern European federations, the boundaries of which are overlap on the boundaries of the linguistic communities' residence. In such cases the language policy of the federal center includes the impact on the federal and regional authorities' relations. Switzerland is the research interest as one of the most decentralized federations in Europe. The compact residence of four linguistic communities' impact on the institutional foundations of the federal structure. The existing interaction of models between central authorities and cantons requires consideration as a tool for normalizing and influencing relations in plural societies. In this article the authors consider the influence of federalism and federal principles on development of language policy. The article reveals the regulatory framework of Swiss federalism, its institutional foundations, which impact on regulation of the language regime, both at the federal and regional levels. Based on the statistical data, an assessment is made

of the language situations in the monolingual and bilingual cantons. The authors capture the main principles of the Swiss language regime. The principles of equality of languages, free language choice for the regions and the formal consolidation of languages' territoriality as the basis for the stability of the Swiss model of federalism. It is concluded that federalism observed the harmonization of the language situation due to division of federal and regional powers.

Keywords: language policy, federalism, Switzerland, decentralization, subsidiarity

For citation: Zariyova A. R., Kuznetsov Ya. P. The language policy of Switzerland within the federalism environment. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 221–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-221-226>, EDN: KLZJWX

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Особенности географического, исторического и политического развития Европы привели к тому, что население многих европейских государств состоит из разнообразных культурных, этнических, религиозных и языковых групп. Соответственно, существуют различные подходы к регулированию межэтнических отношений в таких многосоставных сообществах. Частью государственной политики по регулированию межэтнических отношений является языковая политика, которая определяется особенностями исторического развития и дизайном политического устройства той или иной страны, а также взаимоотношением её этнических групп и степенью их социальной интеграции. В случае же с федеративными государствами особую роль в формировании языковой политики приобретает совместимость интересов федерального центра и регионов, которые, как правило, обладают определённой степенью автономии в данной сфере.

В этой связи весьма интересен пример языковой политики Швейцарии как одной из самых децентрализованных федераций. Компактное проживание различных языковых групп может сопровождаться противоречиями в культурной и политической сферах жизни общества. В то время как в Швейцарии различные языковые сообщества на протяжении веков мирно сосуществуют друг с другом, политическая система государства отличается высокой степенью стабильности. Предполагается, что именно особенности федеративного устройства швейцарского государства вкупе с полиэтническим составом его населения привели к формированию уникальной модели языковой политики, направленной на регулирование проблем многоязычия и сохранения культурно-языкового баланса.

Несмотря на изученность аспектов многоязычия Швейцарии и особенностей её политического дизайна, наблюдается определённый недостаток исследований, посвящённых влиянию её федеративного устройства на языковую политику. Иными словами, существует необходимость изучения федерализма как фактора формирования и реализации швейцарской

языковой политики. Выявление зависимости между практикой федерализма в Швейцарии и особенностями модели её языковой политики может способствовать лучшему пониманию логики взаимодействия различных этнолингвистических групп в многосоставных обществах федеративных государств, что и обуславливает актуальность изучения данной темы.

Основы современного швейцарского языкового режима были закреплены в Конституции Швейцарии 1848 г., согласно которой национальными языками страны стали немецкий, французский и итальянский. При этом было обозначено чёткое различие между официальными и национальными языками. К последней группе помимо официальных языков был отнесён и ретороманский, носители которого в конце XX в. потребовали тех же правовых гарантий, что имелись у других языковых групп. В результате изменения Конституции ретороманский язык был признан четвёртым официальным языком Швейцарии в 1996 г. [1, с. 32]. Таким образом, согласно ст. 70 Конституции, статусы официальных языков имеют немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Однако последний используется только на внутригосударственном уровне для коммуникации между органами власти и носителями языка [2].

Согласно данным Федерального статистического управления (FSO) за 2019 г., немецкий язык в качестве основного использует 62,3% населения, французский – 22,8%, итальянский – 8,0%, ретороманский – 0,5%. При этом 23,1% жителей являются носителями негосударственных языков, таких как английский, португальский, албанский и др. [3]. Суммарная статистика составляет более ста процентов, поскольку швейцарцы при опросе могут указывать несколько языков в качестве основных. Однако это не означает, что в стране повсеместно распространён мультилингвизм. Напротив, большинство субъектов Федерации являются одноязычными как по распространённости языка среди населения, так и по правовому статусу. Так, по территориально-языковому принципу в стране можно выделить несколько относительно монолитных языковых групп. Немецкоязычные

17 кантонов занимают центральную, восточную и северную территории страны. Франкоговорящая Швейцария представлена четырьмя западными кантонами. Италоязычная часть состоит из одного южного кантона Тичино.

В то же время весьма важной особенностью языковой ситуации в Швейцарии является тот факт, что языковые границы не совпадают с границами внутригосударственными, т.е. имеют место быть и многоязычные кантоны. В частности, в регионе Граубюнден официальными языками являются ретороманский, немецкий и итальянский. Оставшиеся три кантона (Берн, Фрибур, Вале) имеют статус двуязычных регионов: в них официальными считаются немецкий и французский языки, что отражено в кантональных конституциях и соответствующих местных законах [4, р. 34–35].

Мирное сосуществование сложившихся в Швейцарии языковых сообществ проистекает из трёх основных принципов: равноправия языков, свободного языкового выбора и языковой территориальности.

Согласно принципу равноправия, все языки Швейцарии имеют равный статус. Данный принцип относится не только к языковой политике, но и к устройству всего швейцарского общества. В стране не предусмотрены какие-либо преференции для представителей той или иной религии, языковой группы или кантона [5, с. 132]. На статус человека влияет только наличие или отсутствие гражданства, и отсутствует какая-либо дифференциация по признаку пола, языка, конфессии.

Равенство всех лингвистических сообществ также означает, что в швейцарском языковом праве отсутствует понятие «языковое меньшинство» [6, с. 183]. Сам принцип равноправия соблюдается за счёт поддержки федеральными органами власти менее распространённых языков страны. Так, согласно Конституции 1999 г., Федерация обязана оказывать поддержку кантонам Граубюнден и Тичино в вопросе поддержания и развития ретороманского и итальянского языков [7, р. 73]. Необходимость федеральных субсидий обусловлена не только слабой распространённостью этих языков в сравнении с немецким и французским, но и низким экономическим потенциалом двух кантонов, которые не могут полноценно реализовывать языковую политику.

Однако принцип равноправия вовсе не гарантирует, что в государственных органах Швейцарии одинаково представлены все официальные языки. В обеих палатах Федерального собрания страны обычно используются

только два языка – немецкий и французский. Во время обсуждения законопроектов члены парламента из Тичино должны работать с немецкой или французской версией предлагаемого закона, а итальянская версия доступна только при финальном голосовании. Синхронный перевод во время заседаний Национального совета (нижней палаты) и Совета кантонов (верхней палаты) осуществляется также только на немецкий и французский языки. Депутаты из Тичино обычно произносят вступительные слова на итальянском, после чего переходят на французский или немецкий. Депутаты-ретороманцы же, как правило, общаются на немецком языке [8, р. 86].

Законодательные комитеты парламента представляют свои устные отчеты на двух языках: немецком, французском или итальянском. Если рассматриваемый вопрос не имеет особого значения или исключительной сложности, докладчики дополняют друг друга и не повторяют части, которые уже обсуждались на другом языке.

Тексты заседаний в Национальном совете переводятся на немецкий, французский и итальянский. Перевод на ретороманский осуществляется только по предварительному запросу. Президент Национального совета ведёт заседания на своём родном языке. Бюро Национального совета как специально уполномоченный орган переводит на второй официальный язык наиболее важные положения речи президента.

В отличие от Национального совета, в верхней палате не осуществляется синхронного перевода заседаний. Документы публикуются на немецком и французском языках, но устные отчёты комиссии обычно издаются только на одном языке.

В целом, все документы, отчёты и черновые варианты законодательных актов, рассматриваемые комитетами и на пленарных заседаниях, издаются одновременно на немецком, французском и итальянском языках в онлайн-формате и в печатном виде. Другие документы доступны как минимум на двух официальных языках, обычно на немецком и французском [9, р. 135]. Таким образом, из всех официальных языков в Федеральном собрании в полной мере представлены только немецкий и французский, которые фактически являются языками публичного общения между всеми членами парламента, независимо от их родного языка.

Свобода языкового выбора означает, что каждый гражданин Швейцарии вправе выбирать любой язык в сфере частной жизни, в том числе при ведении бизнеса и торговли [10, р. 4].

При взаимодействии же с органами федеральной власти гражданин имеет право общаться на любом из официальных языков. Законодательно этот принцип подкреплён ст. 14 подписанной Швейцарией Европейской конвенции по правам человека, которая запрещает любые виды дискриминации по языковому принципу [11]. Языковая свобода гарантируется ст. 18 Конституции и косвенно отражена в других параграфах документа, посвящённых свободе совести, свободе прессы, свободе общественных организаций и свободе политической деятельности [2]. Что касается законодательства кантонов, то в них принцип свободы языкового выбора прописан нечётко. Так, не ясно, могут ли кантональные коммуны по своему усмотрению менять официальный статус языков на своей территории и должны ли они строго придерживаться результатов переписей населения [1, с. 33]. В целом, принцип языковой свободы отсылает именно к индивидуальному праву человека общаться на том или ином языке.

Принцип территориальности, используемый при решении языковых вопросов, выражается в формулировке «*cuius regio eius lingua*» – «чья территория, того и язык» [6, с. 149]. Хотя Федерация установила фиксированный список официальных языков на уровне всего государства, субъекты сами определяют свои региональные языки. Территориальный принцип означает, что каждый язык обладает своей исходной территорией, определяемой общинами и кантонами. Официальный язык того или иного кантона является обязательным при общении в публичной сфере. В Швейцарии довольно широко распространена ситуация, когда германоязычные граждане при переезде во франкоговорящий кантон должны выучить французский для возможности публичного общения в новом месте пребывания [8, р. 86]. Однако это не распространяется на коммуникацию с федеральными органами власти, с которыми они могут продолжать взаимодействовать на немецком. Таким образом осуществляется определённая политика ассимиляции в рамках кантонов.

Как можно заметить, принцип территориальности противоречит принципу свободы языкового выбора. Каждый житель Швейцарии имеет право изъясняться на родном языке, но в общении с другими жителями и органами власти кантона ему так или иначе приходится использовать официальный язык кантона, в котором он проживает. Иными словами, принцип территориальности превалирует над принципом языковой свободы, а из этого следует, что языковое право кантонов ограничивает языко-

вое право индивида. В то же время территориальный принцип, понимаемый как инструмент реализации демократических обязанностей, является конституционной гарантией для языковых сообществ страны [12, р. 118]. Такой механизм позволяет франкоязычным и италийским регионам сохранять свою языковую самобытность, не опасаясь «давления» со стороны превосходящей в плане численности населения и экономического развития немецкой части Швейцарии.

В случае с многоязычными субъектами роль принципа территориальности не столь однозначна. Данный принцип предполагает наличие только одного официального языка в каждом кантоне [13, р. 69]. На практике же, как отмечалось, существуют кантоны с двумя и даже тремя официальными языками. Определённые проблемы с реализацией принципа территориальности можно наблюдать во франко-немецких кантонах Вале, Берн и Фрибур. Так, большинство жителей кантона Фрибур в качестве основного языка используют французский, в то время как немецкий является официальным языком города Фрибур (столицы кантона). Такая ситуация рассматривается франкоязычным населением как насаждение немецкого языка и культуры. С другой стороны, горожане Фрибура, говорящие на немецком языке, должны, согласно принципу территориальности, использовать в официальных учреждениях французский язык [9, р. 131]. Иными словами, в таких гетерогенных территориях принцип языковой территориальности уже не обеспечивает полной защиты ни одного из языков.

Проблема также состоит в том, что принцип территориальности закреплён за всем кантоном, но не за его отдельными общинами. Данное обстоятельство наиболее ярко выражено в Граубюндене, где разноязычие ставит под угрозу национально-историческое единство ретороманского населения [1, с. 35]. Наличие нескольких официальных языков в регионе приводит к тому, что ретороманцы, овладевая вторым языком (зачастую немецким), начинают использовать последний в качестве основного ввиду его большей востребованности в рамках Швейцарии.

Несмотря на определённые проблемы реализации в смешанных в языковом отношении регионах Швейцарии, принцип территориальности в целом обеспечивает гармоничное сосуществование разных языковых групп. Более того, полагаясь на данный принцип, малые языковые сообщества (французское, итальянское) могут защитить свою языковую самобытность

даже в условиях активной внутренней и внешней миграции. Именно благодаря принципу территориальности языковая карта Швейцарии остаётся практически неизменной на протяжении многих лет, что можно считать основным фактором стабильности отношений между языковыми сообществами страны.

Вышеуказанные принципы швейцарской языковой политики так или иначе выстроены вокруг широкой автономии кантонов, что является следствием такого способа социально-политической организации общества, как субсидиарность. Принцип субсидиарности, в свою очередь, неотъемлемо связан с федеративным устройством Швейцарии, поскольку прямо или косвенно используется для распределения компетенций между центром и регионами. Это регулирование осуществляется путём разделения полномочий между уровнями федерального и регионального управления, основываясь на их степени близости к гражданам.

В случае Швейцарии региональные органы власти обладают значительными полномочиями на своей территории. Как уже ясно из принципа территориальности, кантоны сами определяют свою языковую политику. Статья 70 Конституции Швейцарии гласит, что каждый субъект вправе сам выбирать один из четырёх официальных языков Конфедерации в качестве кантонального. Такие полномочия кантонов обусловлены как конфедеративным наследием Швейцарии, так и особенностями сложившегося национального самосознания. Коллективная идентичность швейцарцев изначально формировалась на региональном уровне в качестве реакции на процессы унификации и централизации, что проходили в конце XVIII – начале XIX в. [14, S. 145]. В связи с этим граждане страны ассоциируют себя в первую очередь с кантонами, общинами и языковыми сообществами.

При этом самобытность кантонов выражается не столько в наличии региональной идентичности, сколько во внутреннем суверенитете, характеризующемся обладанием всеми атрибутами власти (правительство, парламент, полиция, суд), а также наличием региональных конституций. Но такая широкая автономия имеет вполне конкретные пределы, в частности, кантональные конституции утверждаются общекантональным парламентом и не могут противоречить Конституции Швейцарии [5, с. 132]. Кроме того, на Федерацию, согласно последней редакции Конституции от 1999 г., возложена конституционная обязанность выполнять требования, касающиеся официального многоязычия страны. Это означает, что федеральные

власти координируют все уровни государственного образования, находящиеся в кантональной юрисдикции [7, р. 73]. Иными словами, федеральное право в целом преобладает над кантональным, что, однако, не препятствует автономному решению проблем на местном уровне, в том числе и в сфере языковой политики.

Результатом такого разделения предметов ведения между центром и регионами является отсутствие федеральной языковой политики как таковой. Вместо этого каждый субъект, пользуясь широкими полномочиями в культурной сфере, формирует собственную модель, опираясь на языковую ситуацию на своей территории. В связи с тем, что определение языкового режима находится в ведении кантонов, издание административных актов осуществляется на соответствующем официальном языке каждого отдельного региона. В двуязычных регионах кантональные власти обычно используют тот или иной язык (но не оба) для предоставления местных услуг (например, образования) в соответствии с языковой границей внутри кантона.

Поводя итоги, можно заключить, что языковой режим многонациональной Швейцарии сочетает в себе два основных элемента: индивидуальную языковую свободу и неотъемлемое право кантонов распоряжаться официальными языками на своей территории. Второй элемент выражен в принципе территориальности языковой политики, который является средством защиты и развития языковой дифференциации федеративной Швейцарии, поскольку гарантирует неизменность языковых границ. В то же время привязка языка к территории значительно слабее выражена в многоязычных кантонах, что обуславливается дисперсным размещением языковых групп (в частности, ретороманцев) и процессами внутренней миграции.

Хотя основы языковой политики устанавливаются Федерацией, её реализация зависит от деятельности каждого конкретного кантона. Такое положение дел обусловлено принципом субсидиарности, являющегося прямым следствием федеративного устройства государства. Ввиду того что кантоны сами определяют языковую политику, возникающие конфликты на этноязыковой почве по определению переносятся на локальный уровень, теряя при этом значительную часть своего деструктивного потенциала.

Таким образом, значение федерализма для языковой политики Швейцарии заключается в специфическом распределении полномочий между центром и регионами. С одной стороны,

федеральный центр обозначил список официальных языков, основываясь на общей лингвистической ситуации в стране. Однако именно регионы обладают правом определять, какой из этих языков считается официальным на их территории и какой должна быть языковая политика. Швейцарский федерализм предоставляет возможность кантонам осуществлять значимые, нежели чем просто номинальные, суверенные полномочия в сфере культуры и языка. Делегирование данных полномочий на региональный уровень является более чем оправданным решением в ситуации, при которой в рамках одного государства сосуществуют как несколько одноязычных субъектов из разных лингвистических групп, так и многоязыковые административно-территориальные единицы.

Список литературы

1. Клоков В. Т. Развитие и применение языкового права в Швейцарии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 30–35.
2. The Federal Constitution of the Swiss Confederation // Fedlex The publication platform for federal law. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en> (дата обращения: 25.09.2022).
3. Languages // Office Federal Statistical. Retrieved 7 July 2022. URL: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistiken/bevoelkerung/sprachen-religionen/sprachen.html> (дата обращения: 25.09.2022).
4. Elmiger D., Forster S. La Suisse face à ses langues: Histoire et politique du plurilinguisme, situation actuelle de l'enseignement des langues. Neuchâtel : Institut de recherche et de documentation pédagogique (IRD), 2005. 74 p.
5. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / под ред. В. Я. Швейцера. М. : Весь Мир, 2009. 542 с.
6. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / пер. с нем. С. В. Базарновой. М. : Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
7. Stepkowska A. Swiss Multilingualism: A Historical Background to Language Policy // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2019. Vol. 59, iss. 1. P. 69–84. <https://doi.org/10.2478/slgr-2019-0029>
8. Levitt J. Multilingualism in Switzerland, Belgium and Luxembourg // Geolinguistics. 2004. № 30. P. 85–96.
9. Kuzelewska E. Language Policy in Switzerland // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. 2016. Vol. 45, iss. 1. P. 125–140. <https://doi.org/10.1515/slgr-2016-0020>
10. Grin F. Language Policy in Multilingual Switzerland: Overview and Recent Developments // Cicle de conferències sobre política lingüística. Direcció general de política lingüística Barcelona, 1998. P. 1–9.
11. The European Convention on Human Rights // European Court of Human Rights. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 25.09.2022).
12. Pap L. The language situation in Switzerland: An updated survey // Lingua. 1990. Vol. 80, iss. 2–3. P. 109–148. [https://doi.org/10.1016/0024-3841\(90\)90018-G](https://doi.org/10.1016/0024-3841(90)90018-G)
13. Grin, F., Korth, B. On the Reciprocal Influence of Language Politics and Language Education: The Case of English in Switzerland // Language Policy. 2005. № 4. P. 67–85. <https://doi.org/10.1007/s10993-004-6565-3>
14. Die Konstruktion einer Nation. Nation und Nationalisierung in der Schweiz 18.–20. Jahrhundert / Tanner A., Altermatt U., Bosshart-Pflugger C. (Hg.). Zurich : Chronos, 1998. 295 S.

Поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234

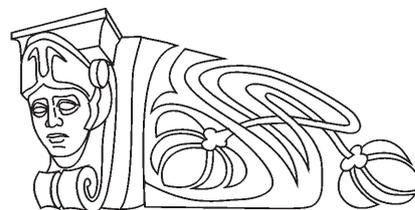
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234>, EDN: KEGCCK

Научная статья

УДК 32.019.5

Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации

Е. А. Михайлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Михайлова Екатерина Алексеевна, соискатель кафедры политических наук, katerina_sherstuk@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1109-7528>

Аннотация. В статье рассмотрено влияние факторов доверия, недоверия и фейковых новостей на уровень легитимности государственной власти и принимаемых решений. Оспаривается позиция авторов, устанавливающих четкую корреляцию между уровнем легитимности власти и степенью развития ее демократических институтов. В основе легитимности власти лежит оценка соответствия властной позиции и принимаемых решений сформированному в гражданском сознании образу власти и разделяемым мировоззренческим позициям. Отмечается двойственная природа легитимности: в соответствии с определением Д. Истона, различают диффузную и специфическую легитимность. Типы легитимности отличаются с точки зрения динамики изменений их уровня, пластичности, принципов формирования и укрепления. В основе диффузной легитимности лежит концепция доверия. Актуализация позиций и оценок участников политического процесса происходит посредством политических коммуникаций. Изменения коммуникационной сферы политики, продиктованные революционным развитием интернет-технологий, обуславливают необходимость качественной переоценки роли факторов доверия и недоверия в процессе коммуникации власти и общества. Доверие и недоверие необходимо рассматривать как автономные политические явления, оказывающие как позитивное, так и негативное влияние на уровень легитимности. Фейковые новости становятся неустранимым «налогом» на политические коммуникации власти и общества. Специфика их формирования и распространения, а также цели, которые преследуют авторы фейковых новостей, выходят за пределы сферы политического регулирования, поэтому основную работу по борьбе с их негативными эффектами необходимо сосредоточить не на опровержении или блокировке новостей, а на формировании всеобщей медиаграмотности.

Ключевые слова: легитимность, доверие, фейковые новости, новые медиа, политические коммуникации

Для цитирования: Михайлова Е. А. Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 227–234. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234>, EDN: KEGCCK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Trust, distrust and fake news in the process of political legitimization

E. A. Mikhailova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina A. Mikhailova, katerina_sherstuk@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1109-7528>

Abstract. The article examines influence of factors of trust, distrust, and fake news on the level of legitimacy of state power and decisions taken. The position of the authors who establish a clear correlation between the level of legitimacy of the government and the level of development of its democratic institutions is disputed. The legitimacy of power is based on the assessment of the conformity of the position of authority and decisions made to the image of power formed in the civil consciousness and shared ideological positions. The dual nature of legitimacy is noted: in accordance with the definition of D. Easton, diffuse and specific types of legitimacy are distinguished. The types of legitimacy differ in terms of the dynamics of changes in their level, plasticity, principles of formation and strengthening. Diffuse legitimacy is based on the concept of trust. Actualization of positions and assessments of participants in the political process takes place through political communications. Changes in the communication sphere of politics, dictated by the revolutionary development of the Internet technologies, necessitate a qualitative reassessment of the role of factors of trust and distrust in the process of communication between the government and society. Trust and distrust should be considered as autonomous political phenomena that have both a positive and negative impact on

the level of legitimacy. Fake news is becoming an irremediable «tax» on political communications between the government and society. The specifics of their formation and dissemination, as well as the goals pursued by the authors of fake news, go beyond the scope of political regulation, therefore, the main work to combat their negative effects should be focused not on refuting or blocking news, but on the formation of universal media literacy.

Keywords: legitimacy, trust, fake news, new media, political communications

For citation: Mikhailova E. A. Trust, distrust and fake news in the process of political legitimization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 227–234 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234>, EDN: KEGCCK

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процесс осуществления государственной власти имеет коммуникативную природу и основывается на специфической форме диалога между властными политическими акторами и обществом по поводу справедливого распределения государственных ресурсов – социальных, финансовых, природных и т.п. Одобрение большей частью социума действий политической элиты является важнейшим условием, необходимым для управления государством, принятия и реализации политических решений. В политической науке такое одобрение определяется термином «легитимность».

Научно-теоретический взгляд на легитимность как необходимое условие сохранения, воспроизводства и развития существующего политического порядка обуславливает популярность данного направления политологических исследований, появление различных методологических подходов к ее определению. В рамках теорий легитимности предлагаются ответы на вопросы о возможности воздействия на уровень легитимности, о том, что лежит в основе одобрения гражданами проводимой политики, что влияет на изменение уровня легитимности, каким образом и посредством каких каналов происходит процесс легитимизации.

Несмотря на то что данный вопрос давно находится в фокусе научного внимания, многие авторы отмечают, что потребность в понимании того, как происходит процесс легитимизации, какие факторы оказывают влияние на уровень легитимности того или иного политического решения, только возрастает в современных условиях [1, 2].

В рамках данной статьи мы рассмотрим, какую роль в процессе политической легитимизации играют отношения, обозначаемые такими понятиями, как доверие, недоверие и фейковые новости.

Легитимизация – неотъемлемая часть политического процесса

В некоторых публикациях [3–5] легитимность власти и государственных решений рассматривается в рамках методологии структурного функционализма как свойство, присущее

исключительно демократическим режимам. В них утверждается, что при тоталитаризме и авторитаризме власть лидера обеспечивается насилием, принуждением, а потому она не может быть легитимной или, по крайней мере, не может сохранять свою легитимность в течение длительного времени. При этом устанавливается прямая корреляция между уровнем развития демократических политических институтов и уровнем достигаемой легитимности.

Признавая обоснованность данных тезисов для процесса политической легитимизации в странах, осуществивших демократический транзит, представляется целесообразным применить более широкий подход для определения места легитимности в системе политических координат. Ключевой характеристикой легитимности является оценка гражданами соответствия принятых государственных решений потребностям и мировоззренческим позициям общества. Эта характеристика означает, что о легитимности можно говорить применительно и к авторитарным, и к смешанным политическим режимам.

Действительно, власть во все времена нуждалась в целенаправленной деятельности по легитимизации своих решений и права их принимать от имени всей страны. История видела множество примеров того, как снижение уровня легитимности приводило к государственным переворотам и даже революциям.

Принимая во внимание приведенные аргументы, определим политическую легитимизацию как многоплановый целенаправленный коммуникативный процесс придания легитимного статуса политической власти, деятельности политических акторов и государственным решениям, которые они принимают.

Двойственная природа легитимности

Приведенное определение очерчивает достаточно широкий круг политических процессов и отношений, в которые включен процесс политической легитимизации. Это говорит о сложности, многоаспектности данного процесса и невозможности его унифицированного описания.

Как отмечает И. А. Иванников, «...государственная власть должна быть легитимной как по происхождению (установлению), так и по способам и методам реализации своих полномочий...» [6, с. 41]. Отсюда следует, что существуют как минимум два направления (потока) легитимизации, необходимых для обеспечения легитимности власти и ее решений. Аналогичной позиции придерживаются В. А. Гуторов [7] и К. Моррис [8], отмечающие, что у государства существует определенная базовая легитимность, которая обеспечивает его существование и право принятия решений от имени общества, а уже на ее фундаменте появляются более специфические формы легитимности, в том числе легитимность принимаемых государственных решений. Подобное «разветвление» легитимности при одновременной взаимозависимости ее потоков рассматривается авторами в рамках системной методологии: с ориентацией на выделение отдельных элементов, процессов их взаимодействия, а также на раскрытие синергетической целостности системы.

В рамках системного подхода американский политолог Д. Истон различает диффузную и специфическую легитимность. Диффузную легитимность он определил как долговременную, фундаментальную, общую поддержку идей и принципов политической власти, которая будет оказываться безотносительно сиюминутных результатов деятельности государства. Специфическая легитимность, напротив, основывается на оценке конкретных принятых государственных решений, она кратковременна и базируется на более информированной и осознанной поддержке власти [9].

Диффузная легитимность основывается, в первую очередь, на иррациональном, эмоциональном начале, именно поэтому ее рассмотрение актуально проводить через призму понятия доверия к власти, а также к ее представителям и принимаемым решениям.

Доверие как основа диффузной легитимности

В рамках политической науки неоднократно предлагались определения доверия. Ф. Н. Ильясов определяет его следующим образом: «...доверие – это совокупность представлений и настроений субъекта: а) отражающих его ожидания того, что объект будет реализовывать некоторые функции, способствующие увеличению или сохранению ресурсов субъекта; б) проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций» [10, с. 34]. Представляет интерес определение, данное О. М. Гараевым: «...доверие можно

определить как делегирование личностью части собственной свободы, основанное на личном опыте и нравственной интуиции, предоставление субъекту доверия права действовать в интересах доверяющего» [11].

Несмотря на отмеченное выше преобладание аффективного, иррационального компонента в доверии к власти, ее представителям и решениям, не следует рассматривать доверие как однозначно непознаваемый феномен, поскольку его уровень со значительной степенью точности можно оценить, а также в общем и целом предсказать направление его колебаний. В то же время попытки сторонников теории рационального выбора операционализировать доверие в терминах телеологизма, экономизации и рациональной обоснованности представляют если не искаженное, то весьма упрощенное понимание данного сложного социально-психологического феномена.

Н. Луман и П. Штомпка рассматривают доверие как механизм сокращения рисков [12]. Так, Н. Луман отмечает, что важность роли доверия возрастает по мере развития в обществе демократических институтов. Для точной оценки открывающихся перспектив развития общества (на выбор которых индивид может повлиять посредством различных форм политического участия) необходимо создавать систему иерархических субинститутов (Луман назвал их «нормами ожидания» [13]), которые позволяют упорядочить процесс принятия решений касательно будущего государственной политики.

В рамках аксиологического подхода Э. Гидденс [14, с. 83] отмечает, что доверие возникает не только как фактор межличностного взаимодействия, но и при взаимодействии с абстрактными системами – такими, как политические институты. В основе такого доверия лежит убежденность в том, что участники взаимодействия имеют общие представления о ценностях (и именно эти ценности являются базисом сформированных общественных и политических институтов).

Отношения доверия должны укрепляться и кодифицироваться в общеобязательных нормах и санкциях, а также воспроизводиться посредством коммуникативных ритуалов и церемоний, имеющих своей целью подтверждение консенсуса власти и общества.

Вклад доверия в обеспечение политической легитимности

Доверие как основа диффузной легитимности позволяет обеспечить решение нескольких принципиальных задач в области осуществления государственной власти.

При высоком уровне доверия общества к деятельности власти сокращаются транзакционные издержки при принятии и реализации государственных решений, связанные с обоснованием необходимости принятия такого решения и урегулированием конфликтных ситуаций с оппозицией (вплоть до применения насильственных мер). При этом финансы и усилия власти будут сконцентрированы непосредственно на разработке и реализации государственного решения. Трудно переоценить важность этого фактора в контексте специальной военной операции на территории Украины.

Другой пример – из области законодательства. В условиях высокого уровня доверия, выступая с законодательной инициативой, власти не потребуется «разбавлять» законопроект положениями, имеющими мало общего с предметом регулирования, но обеспечивающими дополнительную поддержку определенной группы депутатов данному законопроекту (логроллинг).

Рассуждая о доверии, многие ученые отмечают, что оно является эквивалентом социального капитала [15, 16], присваивая однозначно позитивные коннотации данному феномену и устанавливая прямую корреляцию между возрастанием доверия к власти и повышением качества жизни социума. В то же время вопрос о последствиях высокого уровня доверия остается за пределами фокуса научного внимания, несмотря на наличие нескольких существенных рисков, ему сопутствующих.

В первую очередь, речь идет о коррупционных рисках во всех их проявлениях. Также в связи со снижением общественного контроля за деятельностью государственного аппарата может возрасти инертность гражданского общества. Это приводит к разрыву информационного обмена между властвующими и подвластными, что, в свою очередь, станет причиной разрастания тлеющего конфликта, всегда имеющего место там, где одна группа лиц может принимать социально значимые решения в отношении другой. Третьим риском является замедление темпов эволюционного развития общества и поиска ответа на вызовы времени, поскольку властная элита всегда имеет приоритет сохранения своих позиций на арене политической борьбы, что повышает мотивацию к консервации существующего положения дел даже в тех областях, где наличествуют значительные проблемы.

Недоверие: обратная сторона доверия или самостоятельное политическое явление?

Одним из вопросов, пока не получивших достаточного освещения в научной литературе, является соотношение понятий политического доверия и недоверия. В настоящее время все больше социологов и политологов приходят к мнению о том, что недоверие не является антиподом доверия [17, 18], а выступает как самостоятельный феномен, не всегда имеющий негативную коннотацию. Данный подход разительно отличается от классического понимания недоверия как дополнительного «налога» на экономику страны [19] и представляет большую перспективу для рассмотрения.

Действительно, недоверие основывается на экстраполяции пережитого негативного опыта прошлого на текущие и будущие события и в первую очередь выступает в качестве механизма обеспечения безопасности. Испытываемое недоверие к политическим решениям, акторам, институтам может приводить к усилению включенности индивидов и социальных групп в политический процесс. Эта вовлеченность имеет различные формы, начиная от подписания петиций и участия в митингах до формирования легальных гражданских институтов недоверия – таких, как Комитет солдатских матерей, Общественная палата и т.д.

Данные институты являются одним из признаков развитого гражданского общества и позволяют хеджировать риски высокого уровня доверия, обозначенные выше. Важнейшим условием для существования эффективных форм недоверия является способность и готовность государства предоставить правовое поле для расширения институциональных и внеинституциональных форм артикуляции недоверия, и таким образом недоверие выступает в качестве гаранта сохранения доверия общества к власти.

Еще одним стимулом к дальнейшим научным разработкам в области применения механизмов недоверия в процессе политической легитимизации стало разрастание в политическом дискурсе таких явлений, как фейковые новости и дипфейки¹.

Влияние фейковых новостей на легитимность власти

В рамках информационного общества интернациональный, трансграничный доступ к средствам массовой коммуникации позволяет

¹ От английского *fake news* – фиктивные, фальшивые новости; *deep fake* – сильный, глубокий фейк

непроверенной, недостоверной и откровенно фальшивой информации остросоциального содержания – получившей совокупное наименование «фейк ньюс» – распространяться на крайне широкий круг реципиентов. Это может приводить к финансовым, политическим и социальным издержкам, которые оказывают прямое негативное влияние на уровень доверия общества к власти. Единственным барьером здесь является критическое отношение реципиентов к транслируемой информации, другими словами – недоверие, требование дополнительной верификации и доказательности.

Наиболее надежной защитой индивида от влияния политических и околополитических фейк ньюс является личный опыт (взаимодействие с государственными структурами, участие в выборах или законодательной деятельности и т.п.). Однако в силу слабости гражданского общества и инертности российские граждане во многом формируют свое отношение к деятельности государственных акторов преимущественно на основе материалов СМИ, «сарафанного радио» и иных вторичных источников информации.

Это означает, что изменения тональности сообщений в средствах массовой коммуникации (а не реальные действия политических акторов) могут привести к снижению легитимности одних акторов и повышению других. В этих условиях постоянное развитие технологий фейк ньюс представляет существенную угрозу стабильности и безопасности политической системы.

Сегодня необходимость недоверчивого, критического отношения к доказательной базе транслируемых информационных сообщений переходит на новый уровень в связи с появлением технологий дипфейка. Ранее предъявление аудио- и видеодоказательств являлось практически бесспорным гарантом правдивости новости. В свое время премьер-министр Великобритании Г. Браун за несколько дней до конца электоральной кампании обвалил рейтинги своей партии из-за нелестного высказывания в адрес избирательницы, аудиозапись которого случайно попала в прямой эфир [20], и трудно было предположить, что в течение столь небольшого времени появятся технологии, которые позволят усомниться в подлинности таких аудиозаписей.

Современные технические средства и программы, а также нейросети позволяют формировать дипфейковые аудиосообщения, компилируемые из разных аудиофайлов, дипфейковые фотографии – они будут неотличимы от оригинальных,

фейк невозможно распознать без применения специального оборудования. В случае применения технологий дипфейка к остросоциальным явлениям вирусное распространение фальшивых материалов может привести к существенным репутационным и финансовым потерям для государства, которые невозможно компенсировать публикацией опровержений, особенно если общество находится в точке бифуркации, и после распространения фейк ньюс начинается лавинообразный процесс артикуляции общественного недовольства. В контексте СВО мы наблюдаем, как обозначенная закономерность реализуется на международном уровне: получившие широкую медийную освещенность эпизоды конфликта России и Украины стали основанием для усиления санкционного давления, расширения поставок вооружения Украине со стороны западных партнеров. При этом дальнейшее расследование указанных эпизодов не проводится, поскольку их результаты не оказывают существенного влияния на развитие сюжета в политическом дискурсе.

Появление дипфейков привело к тому, что фото- и видеодоказательства более не являются достаточным свидетельством правдивости картины событий. Решение об их истинности индивид принимает на основании собственной оценки того, совпадает ли данное явление со сформированным образом политического актора, имеющего отношение к сюжету. Другими словами, до какой степени данное действие актора укладывается в логическую цепочку ожидаемых от него действий и высказываний. Тем не менее, сомнение в истинности фото- и видеодоказательств, а вместе с ними и информационных сообщений становится яркой и неустранимой чертой современной политической реальности.

Проведенные исследования в области способности индивидов распознавать фейковые новости показали, что самостоятельно справиться с этой задачей реципиенты не могут [21]. Также интерес представляют выявленные тенденции, получившие общее название “the backfire effect” – эффект обратного действия или эффект встречного огня [22]: если социальные сети захотят помочь гражданам в выявлении фейков и начнут помечать их специальным значком, распространение таких новостей только усилится [23].

Также в проведенных исследованиях была выявлена следующая закономерность: если человек ознакомится с фейковой новостью, особенно вызывающей эмоциональную реакцию и чувство относительной депривации, а

через некоторое время получит опровержение, то первое впечатление, скорее всего, сохранит свое влияние на оценку индивидом событий политического дискурса, даже если на сознательном уровне человек признал, что первичная новость – фейк.

Считаем необходимым остановиться также еще на одном интересном факте. С учетом того, какое сильное влияние оказывают фейк ньюс на процесс политической легитимизации, напрашивается вывод, что за каждой фейковой новостью стоит политический интерес определенного актора. Тем не менее, исследования доказывают, что существенный процент фейк ньюс создается исключительно в коммерческих целях [23]. В связи с эффектами вирусного распространения политического контента маркетологи стали использовать фейковые политические новости для привлечения пользователей на свои сайты и страницы в социальных сетях.

Указанная специфика политических фейков является определяющей в вопросе выбора государственной стратегии политической легитимизации: обманные новости, мгновенно распространяющиеся по всем каналам коммуникации и наносящие политической власти урон как в финансовом, так и в репутационном эквиваленте, являются неотъемлемым риском политического процесса. Это означает, что, во-первых, их невозможно полностью искоренить; во-вторых, не всегда за такими фейками стоят политически ангажированные акторы, а значит, политические способы борьбы с ними не будут эффективны; в-третьих, доводы логики и здравого смысла при попытке опровергнуть фейковую новость могут спровоцировать эффект обратного действия, что приведет лишь к росту наносимого урона.

В этой связи крайнюю важность приобретает способность индивидов самостоятельно противостоять злонамеренному манипуляционному воздействию фейковых новостей. Эту способность современная политическая наука рассматривает в рамках концепции медиаграмотности. Так, доктор политических наук А. А. Казаков отмечает целесообразность использования именно понятия «грамотность»: «... быть “компетентным в чем-либо” обычно воспринимается как нечто желаемое, но не абсолютно необходимое, а вот быть “грамотным” (пусть и применительно к отдельно взятой медийной сфере) звучит как нечто само собой разумеющееся» [24, с. 89]. Полагаем необходимым согласиться с А. А. Казаковым и в том, что в современном дискурсе понятие гра-

мотности вышло за пределы владения чтением и письмом, инкорпорировав «...более широкий спектр навыков социальной коммуникации, включая способность эффективно перерабатывать информацию, получаемую из массмедиа» [24, с. 89].

Итак, процесс политической легитимизации составляет ядро коммуникации власти и общества в политическом дискурсе. Он осуществляется непрерывно, различаясь на отдельных этапах только своей тематической составляющей и интенсивностью. В научной литературе неоднократно отмечалась двойственная природа легитимности, выраженная в синергетическом взаимодействии диффузной и структурной составляющих, обеспечивающем аутопойезис политической системы.

Место легитимности в политической системе координат обуславливает множественность факторов, оказывающих влияние на ее уровень. Одним из определяющих факторов, на который должен ориентироваться процесс легитимизации, является степень доверия общества к власти, политическим акторам и принимаемым ими государственным решениям. Краеугольным камнем укрепления доверия в процессе политической легитимизации является коммуникативная составляющая.

Говоря о недоверии в процессе политической легитимизации, мы отметили коннотативную неоднозначность данного явления. Высокий уровень доверия несет определенные риски в области коррупции и конфликта интересов, хеджировать которые помогает недоверие, тем самым активно способствуя укреплению легитимности. Для эффективного использования недоверия в процессе политической легитимизации государство должно создавать условия для институционализации его проявлений, а также исполнять свои обязанности с соблюдением принципов открытости и обоснованности. Отсутствие же такой деятельности будет вынуждать социум на проявление внесистемных (в том числе насильственных) форм недоверия.

Третьим явлением, роль которого в процессе политической легитимизации мы рассмотрели в данной статье, является активное включение фейковых новостей и дипфейков в современный политический дискурс. Сформированное у индивидов восприятие современной политической реальности на основе фейковых новостей играет существенную роль в росте относительной депривации и политической напряженности, за которыми следует делегитимизация власти и принятых ею решений.

Приведенные выше данные показывают, что невозможно победить волну фейковых новостей и их негативное воздействие на уровень легитимности тем же способом, которым побеждают инфекцию: нет эффективных «лекарств», нет возможности обеспечить полную изоляцию от источника «заражения». Процесс восприятия политической реальности во многом обусловлен аффективными, субъективными особенностями, которые не подчиняются доводам логики. Данный вывод, тем не менее, не следует трактовать с фаталистических или пессимистических позиций. Мы должны добавить эту нерациональную «переменную» в программу политической легитимизации и стремиться применять нестандартные, непрямые методы воздействия на целевую аудиторию, не ограничиваясь блокировкой контента и публикацией официальных опровержений.

В процессе снижения негативных эффектов от фейк ньюс важное место занимают факторы доверия и недоверия. Так, чем большее доверие к политическим акторам испытывает социум, тем сложнее убедить его в том, что принимаемое решение является катастрофой для государства, и тем меньше индивиды будут верить фейковым новостям, сгущающим краски.

Необходимость применения механизмов недоверия обусловлена важностью критического взгляда на публикуемые информационные сообщения с целью их фильтрации и формирования более реалистичного образа политических акторов и повестки дня [25]. Способность государственных акторов связывать свои действия и решения в единую логическую цепочку и транслировать ее в процессе коммуникации с обществом позволит более эффективно выделять и фильтровать фейк ньюс, которые слишком сильно диссонируют с этой логикой.

Доверие и недоверие являются сложными социально-психологическими феноменами, оказывающими существенное влияние на процесс политической легитимизации. В современных условиях масштабное распространение фейковых новостей приводит к тому, что некоторые механизмы укрепления доверия общества к власти и стремление избежать проявлений политического недоверия потеряли свою эффективность. Это обуславливает потребность в проведении дальнейших научных исследований в области актуальных процессов политической легитимизации, учитывающих специфику современного политического дискурса и его компонентов.

Список литературы

1. Bekkers V., Edwards A. Legitimacy and democracy: A conceptual framework for assessing governance practices. 2013. URL: <http://hdl.handle.net/1765/90149> (дата обращения: 17.12.2022).
2. Гуторов В. А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2014. Вып. 4. С. 114–129. EDN: TAWOAJ
3. Керимов А. А. Легитимность политической власти в современной России: основания и перспективы // Власть. 2015. № 3. С. 121–123. EDN: ROXSIG
4. Григорьева Е. Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 46–54. EDN: RZJBQL
5. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 205–217.
6. Иванников И. А. Государственная власть в России: Проблемы гуманизации. Ростов н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 2006. 312 с.
7. Гуторов В. А. К вопросу о происхождении государства: парадоксы и аномалии современных интерпретаций // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 91–110. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.07>
8. Morris C. State legitimacy and social order // Political Legitimization without Morality / ed. J. Kuhnelt. Heidelberg : Springer Science; Business media B. V., 2008. P. 15–32. https://doi.org/10.1007/978-1-4020-8576-5_2
9. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. М. : Мысль, 1997. С. 629–642.
10. Ильясов Ф. Н. Типы шкал и анализ распределений в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.03>
11. Гараев О. М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной России // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 4. С. 1509–1514. URL: http://bulletin-bsu.com/arch/files/2014/4/69_4676_Garaev_1509-1515.pdf (дата обращения: 27.12.2022).
12. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 446 с
13. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2001. 256 с
14. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуры. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. 528 с.
15. Newton K. Taking a Bet with Ourselves Can we put Trust in Trust? // WZB Mitteilungen. 2012. № 135. P. 6–9.
16. Мартыанов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал

- институциональных исследований). 2018. Т. 10, № 1. С. 41–58. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.1.041-058>
17. Гудков Л. Д. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
 18. Глушко И. В. Институционализация доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе // Общество: философия, история, культура. 2016. № 7. С. 35–38.
 19. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М. : АСТ ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с. (Philosophy).
 20. Премьер Браун забыл выключить микрофон и избиратели узнали, что думает о них глава правительства. URL: https://www.1tv.ru/news/2010-04-29/150717-premier_braun_zabyl_vyklyuchit_mikrofon_i_izbirateli_uznali_chno_dumaet_o_nih_glava_pravitelstva (дата обращения: 15.12.2022).
 21. Goodfellow J. Only 4% of people can distinguish fake news from truth, Channel 4 study finds // The Drum. URL: <http://www.thedrum.com/news/2017/02/06/only-4-people-can-distinguishfake-news-truth-channel-4-study-finds> (дата обращения: 15.12.2022).
 22. Nyhan B., Reifler J. When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions // Political Behavior. 2010. Vol. 32. P. 303–330. <https://doi.org/10.1007/s11109-010-9112-2>
 23. Levin S. Facebook promised to tackle fake news. But the evidence shows it's not working // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2017/may/16/facebook-fakenews-tools-not-working> (дата обращения: 15.12.2022).
 24. Казаков А. А. Медиаграмотность в контексте политической культуры: к вопросу об определении понятия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2017. № 4. С. 78–97. EDN: ZDBVXL
 25. Казаков А. А. Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня: анализ основных подходов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9, № 3. С. 55–61. EDN: TALJHD

Поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 235–240

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 235–240

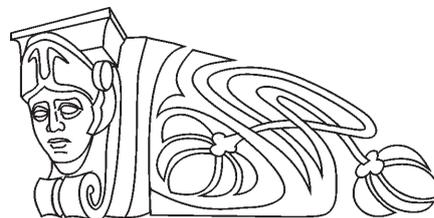
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-235-240>, EDN: XOWPIY

Научная статья

УДК 327

Международно-политические аспекты противодействия дискриминационным санкциям против Российской Федерации после Олимпийских игр 2014 года

Д. А. Порошин

Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 302028, г. Орел, бульвар Победы, д. 5А

Порошин Дмитрий Александрович, аспирант кафедры политологии и государственной политики, dmitryporoshin032@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8716-8310>

Аннотация. В статье рассмотрены политические аспекты развития допингового скандала в международном спорте, начавшемся после Олимпийских игр 2014 г. Выдвинутые обвинения в адрес Российской Федерации по созданию и поддержке институционализированной системы применения допинга указывают на беспрецедентный характер информационной кампании. Несмотря на явную политическую подоплеку допингового скандала и заметные изъяны выдвинутых обвинений, российские спортивные функционеры не смогли в полной мере использовать потенциал политической кампании информационного противодействия. Рассматриваются основные направления несовершенства Всемирного антидопингового агентства и влияние политических интересов на спорт. Раскрываются основные направления по предотвращению влияния политических аспектов различных стран на деятельность МОК в области спорта. Предлагаются пути по унификации международного регулирования правоприменения в деятельности международных институтов развития мирового спорта. Предлагаются решения, при которых возможна консолидация международно-политических усилий по развитию взаимовыгодных условий развития международного олимпийского движения и улучшению мирового политического климата спортивной дипломатии.

Ключевые слова: олимпийское движение, «мягкая сила», допинг, санкции, международные отношения, спортивная дипломатия

Для цитирования: Порошин Д. А. Международно-политические аспекты противодействия дискриминационным санкциям против Российской Федерации после Олимпийских игр 2014 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 235–240. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-235-240>, EDN: XOWPIY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International political aspects of countering discrimination sports sanctions against the Russian Federation after the 2014 Olympic games

D. A. Poroshin

Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPА, 5A Boulevard Pobedy, Orel 302028, Russia

Dmitry A. Poroshin, dmitryporoshin032@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8716-8310>

Abstract. The article examines political aspects of the development of the doping scandal in international sports, which began after the 2014 Olympic Games. The accusations made against the Russian Federation for creating and supporting an institutionalized system of doping use point to the unprecedented nature of the information company. Despite the obvious political background of the doping scandal and the noticeable flaws of the charges, Russian sports functionaries were unable to fully exploit the potential of the political information counteraction company. The imperfections of the World Anti-Doping Agency and the influence of political interests on sports are considered. The main directions for preventing the influence of political aspects of various countries on the activities of the IOC in the field of sports are revealed. Ways are proposed for the unification of international regulation of law enforcement in the activities of international institutions for the development of world sports. Solutions are proposed under which it is possible to consolidate international political efforts to develop mutually beneficial conditions for the development of the international Olympic movement and improve the global political climate of sports diplomacy

Keywords: Olympic movement, soft power, doping, sports sanctions, international relations, sport diplomacy, political instruments

For citation: Poroshin D. A. International political aspects of countering discrimination sports sanctions against the Russian Federation after the 2014 Olympic games. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 235–240 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-2-235-240>, EDN: XOWPIY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

События последнего десятилетия, произошедшие в сфере мирового спорта высших достижений, стали ярким свидетельством не только использования международных спортивных организаций в качестве инструмента политического давления в современных международных отношениях, но и прямой политизации спорта путем отказа от принципа нейтралитета в области спортивных соревнований. На протяжении всей своей истории крупнейшие международные спортивные соревнования, прежде всего Олимпийские игры, были площадкой для конкуренции спортивно-политических амбиций наиболее влиятельных государств, однако в течение длительного времени это противостояние удавалось удерживать в пределах собственно самих спортивных мероприятий. Отдельные государства или блоки государств могли использовать бойкот в качестве политического инструмента достижения своих внешнеполитических целей, однако в последнее десятилетие сфера мирового спорта столкнулась с хорошо организованной системой ограничения допуска отдельных государств к участию в спортивных соревнованиях. Политическая подоплека подобных решений становилась все более явственной, а противодействие данным решениям сместилось целиком и полностью в зону международной политики.

Не нуждается в детальном обосновании то значение, которое имеет мировой спорт для международно-политического позиционирования и брендинга национальных государств. Современный профессиональный спорт представляет собой крупномасштабную индустрию, которая сочетает в себе коммерческую деятельность и организацию бизнеса, рынки спортивных товаров и услуг, медиа-продукты и технологические научные исследования. Кроме того, профессиональный спорт, по-видимому, является одним из самых влиятельных ресурсов политики «мягкой силы». В современной России значимость спорта как компонента национального самосознания традиционно велика [1, с. 107].

В настоящее время имеются все основания для признания факта организованных действий отдельных государств и политических акторов, направленных на нанесение ущерба имиджу некоторых стран путем необоснованного обвинения в допинговых правонарушениях, влекущих наступление международно-спортивной ответственности. Такие попытки осуществляются также путем снижения значимости спортивных достижений или даже полной отмены результатов спортивных соревнований

на основании подозрений в употреблении допинга спортсменами. В период с 2014 по 2021 г. спортивные федерации России и Российское антидопинговое агентство (далее – РУСАДА) стали главной мишенью таких информационных атак. За границами настоящего исследования остаются события 2022 г., связанные с отстранением российских спортсменов от международных соревнований в связи с началом специальной военной операции на территории Украины. Целесообразно обратиться к относительно недавней истории формирования международно-спортивных рестрикций в отношении Российской Федерации и анализу инструментов политического противодействия данным ограничениям в период после Олимпийских игр 2014 г.

Среди наиболее заметных событий, которые негативным образом повлияли на международно-спортивный образ России, необходимо отметить эмиграцию и последующие заявления бывшего главы Московской антидопинговой лаборатории Г. М. Родченкова, а также отчет комиссии Ричарда Макларена, послуживший документальной основой для применения международно-спортивных рестрикций [2]. Данный событийный ряд спровоцировал длительное обсуждение масштаба виновности правительственных структур Российской Федерации в поддержке и организации применения допинга российскими спортсменами.

Допинговый скандал в российском профессиональном спорте достиг своей кульминации в 2015–2016 гг. Решительные заявления западных политиков и спортивных чиновников были направлены на то, чтобы обвинить Российскую Федерацию в реализации масштабной государственной программы, направленной на систематическое использование российскими спортсменами препаратов, повышающих производительность спортивных достижений (допинг). Ряд информационных, социальных, политических и технологических вызовов привели к тому, что система управления российским спортом столкнулась с острой необходимостью динамичного внедрения набора международных стандартов в области контроля за употреблением допинга профессиональными спортсменами.

Организованная система обвинений в институционализованном применении допинговых препаратов российскими спортсменами, выдвинутых в 2014–2016 гг., привела к значимым ограничениям для участия российских спортсменов в международных соревнованиях. Олимпийские игры 2016 г. в Рио-де-Жанейро

(Бразилия) были омрачены политическим присутствием «призрака» новой холодной войны, которая будет иметь далеко идущие последствия для всего олимпийского движения. На карту была поставлена целостность и политический нейтралитет международного спорта. Расследование, проведенное канадским юристом и членом Спортивного арбитражного суда Ричардом Маклареном, спровоцировало призывы к полному отстранению российской сборной от Олимпийских игр 2016 г. [3, с. 71].

Политическая реакция официальных структур Российской Федерации на первоначальных этапах разворачивания допингового скандала оказалась недостаточно оперативной и, как результат, эффективной. Массированной информационной атаке на российский спорт представители спортивных федераций не смогли противопоставить хорошо отлаженную систему информационного противодействия, в связи с чем доминирующим дискурсом в международно-политическом пространстве стало представление о безусловной вине Российской Федерации в создании институционализированной практики употребления допинга. Серьезным упущением стала неспособность спортивных функционеров Российской Федерации продемонстрировать политическую подоплеку так называемого доклада Макларена, хотя основания для подобного политического хода имелись с первого дня его публикации. Уже первая строка доклада Макларена убедительно вывела предмет его исследования за рамки науки и поместила дискурс прямо в политическую сферу: «Московская лаборатория работала для защиты российских спортсменов, употреблявших допинг, в рамках продиктованной государством безотказной системы». Это было очень серьезное обвинение, потому что впервые в своей истории Всемирное антидопинговое агентство (далее – ВАДА) без одобрения своего Учредительного совета и Международного олимпийского комитета (далее – МОК) произвольно расширило список ответственных лиц и организаций Всемирного антидопингового кодекса (далее – WADC) для привлечения к международно-спортивной ответственности правительства целого государства. WADC не содержит каких-либо норм, касающихся ответственности государства. Важно отметить, что ни в одной правовой системе мира не предусмотрено коллективной ответственности за какие-либо правонарушения [4, с. 23].

Реакция ВАДА на обвинения СМИ была необычайно быстрой, и 19 мая 2016 г. было объявлено о назначении независимого лица для

проведения расследования [5]. В руках российских спортивных организаций оказался значимый аргумент, так как ВАДА предоставило только 57 дней на завершение расследования, учитывая серьезность обвинений и их возможные последствия. В отчете за 2015 г., подготовка которого заняла девять месяцев, не было такой срочности. Однако ни в одном из отчетов не было подробно рассмотрено ни доверие к информаторам, ни степень сотрудничества ВАДА с ними, что вызывает важные вопросы. Как представляется, спортивные функционеры Российской Федерации должны были использовать подобные изъяны предпринятого расследования для его систематической дискредитации, однако это было сделано в исключительно ограниченных масштабах.

Ключевым аспектом разворачивания «маховика» спортивных санкций против России после 2014 г. стало повсеместное доминирование в информационной среде представления о безусловной виновности официальных структур Российской Федерации в деле организации поддержки применения допинга. Столь серьезное обвинение в иной ситуации требовало бы самого тщательного подхода к его обоснованию, однако в условиях тотального доминирования западных государств в информационной сфере достаточно часто актуальные темы текущей политической повестки обосновываются простой многократностью повторения слабо аргументированных и недоказанных утверждений. Единственным конструктивным способом противодействия подобным кампаниям является выстраивание альтернативной системы информационно-политического противодействия, которая на момент возникновения и развития допингового скандала у Российской Федерации просто отсутствовала. В связи с этим контраргументы России против выдвинутых обвинений не были услышаны широкой общественностью, что свидетельствует о недостаточности инструментария публичной дипломатии Российской Федерации как средства активной работы с зарубежной аудиторией.

Между тем у России имелись все фактические основания для опровержения и дискредитации информационно-политической кампании, развернутой против российских спортсменов и спортивных организаций. Прежде всего, эти основания были связаны с объективными недостатками той доказательственной базы, которая была положена в основу спортивных санкций. Здесь необходимо подробнее остановиться на тех очевидных изъянах, которые присутствовали в докладе Макларена. Данные недостатки

могли при хорошо организованной политической кампании информационного противодействия со стороны Российской Федерации сыграть свою роль в коренном переломе объявленной «повестки дня» на международно-спортивном уровне. Во-первых, в докладе четко указано, что ответственность понесут не только отдельные спортсмены, но и все государство. Объявив о вине целого государства, ВАДА подорвало принципиальную позицию МОК о том, что это аполитичная организация и что спорт находится выше политики. Никакая фразеология не могла скрыть того факта, что это был политический вердикт.

Еще один момент, заслуживающий внимания, заключается в том, что, введя идею коллективной ответственности, ВАДА подорвало свои собственные принципы, поскольку теперь разумно ожидать, что оно будет уделять столь же пристальное внимание практике работы корпоративных субъектов, к числу которых могут быть отнесены спонсоры и национальные спортивные организации. Во-вторых, используя весьма сомнительную методологию сбора информации, ВАДА подорвало доверие к процессу принятия решений, касающихся обеспечения соблюдения WADC. В-третьих, доклад Макларена вызвал волну разоблачений и встречных обвинений, которые выявили его недостатки и впоследствии подорвали его авторитет, особенно в том, что касается разрешения спортсменам использовать препараты, повышающие производительность, под видом терапевтического исключения [6, с. 39].

Наконец, ВАДА подорвало свой основной мандат как органа, обеспечивающего соблюдение требований, превратив эту глобальную организацию в «полицейскую службу по требованию». Впоследствии финские антидопинговые власти призвали ВАДА провести расследование в отношении норвежских лыжников на предмет необычного количества их спортсменов, страдающих астмой. Подобные последствия грозят трансформацией статуса ВАДА в надзорно-ревизионную инстанцию, что не свойственно его текущему статусу. Скандалы, связанные с применением допинга в разных странах, в одних случаях всячески замалчиваются, грязнут в бюрократических проволочках, в других искусственно раздуваются, сопровождаются массовыми расследованиями и недобросовестной пропагандой [7, с. 96].

Локальным успехом российской спортивной дипломатии оказался отказ МОК от полномасштабного отстранения российской олимпийской сборной в 2016 г., однако степень

зависимости данного результата от эффективности применения политических инструментов противодействия развязанной информационной кампании вызывает вопросы в связи с отсутствием принципиальной возможности прозрачного анализа в отношении процесса принятия данного решения. Не вызывает сомнений, что целый ряд государств, традиционно благосклонно относящихся к Российской Федерации, проголосовал против любых блокирующих санкций в области спорта, но масштаб вовлеченности дипломатических структур России в данный процесс остается неизвестным и не поддающимся оценке. Спортивные санкции против России, возможно, стали следствием и доказательством изначально политического характера международного спорта, особенно того, который основан на национальном представителе. Это превращает его в чрезвычайно чувствительную область в контексте нарастающего обострения межгосударственных отношений, хотя изначально международный спорт представлял собой уникальную зрелищную арену для взаимодействия и сотрудничества, а также физического соревнования между представителями национальных государств, глубоко наполненного символическими ценностями. Его фундаментальными предпосылками являются взаимное признание и базовое соглашение о нормах между странами-участницами.

Фактически ограниченная реакция российских спортивных организаций на допинговый скандал 2014–2016 гг. привела к сужению политических возможностей для противодействия международно-спортивным рестрикциям. Российская дипломатия отличается отсутствием руководящего органа в структуре ведомств, отвечающих за направление «мягкой силы» и публичной дипломатии, что, без сомнения, накладывает отпечаток на процессы развития «мягкой силы» [8, с. 47–48]. В свою очередь, данное обстоятельство провоцирует полемику о необходимости разработки централизованной политики государства в области спорта, которая позволяла бы обеспечивать Российской Федерации надлежащую защиту интересов своих спортсменов и спортивных организаций на международном уровне.

Олимпийский и Паралимпийский комитеты России оказались ограничены в своих политических возможностях и осуществляли работу по приведению внутренней антидопинговой политики в соответствие с заявленными международными стандартами. В 2019 г. Паралимпийский комитет РФ заявил, что Россия провела значительные реформы и выполнила 69 из 70

критериев восстановления, а также продемонстрировала добровольное выполнение требований ВАДА относительно предоставления доступа к данным и образцам, которые хранились в Московской лаборатории. Эти достижения высоко ценятся, поскольку постоянное участие и поддержка России в международном спорте являются важным и необходимым фактором, способствующим глобальному сотрудничеству. Реакция Олимпийского комитета России и движение в направлении большего соответствия ВАДА является положительным показателем потенциала российских спортсменов для участия в будущих Олимпийских соревнованиях таким образом, чтобы воплощать олимпийскую цель честной конкуренции. Более того, изменение, которое РУСАДА предприняло для расширения сотрудничества с ВАДА, стало напоминанием об огромном давлении, которое МОК может оказать на национальные антидопинговые агентства.

Ключевой вопрос в анализе пропорциональности примененных рестрикций заключался в том, была ли санкция адекватной и необходимой для достижения ее цели. Спортивный арбитражный суд впоследствии счел, что санкции были единственным способом гарантировать, что система и систематизированный допинг в России больше не будут продолжаться. В целом необходимо отметить, что система спортивного арбитража остается значимым судебным-политическим средством обеспечения защиты интересов российских спортсменов на международном пространстве, хотя функционирование данной инстанции осуществляется неравномерно. В рамках международного судебного арбитража российские спортсмены на протяжении длительного времени могли добиваться положительного решения в свою пользу, защищая свои интересы и преодолевая барьеры на пути участия в международных спортивных соревнованиях.

Спортивный арбитражный суд сыграл (и будет играть в предстоящих спорах) ключевую роль в реагировании на допинговый скандал. Это соответствует его общей функции как судебной ревизии решений международных спортивных организаций. Допинговый скандал высветил многие неожиданные недостатки мировой антидопинговой системы. Фактически гармонизации антидопинговых правил было недостаточно для достижения желаемого эффекта унификации антидопингового регулирования. Всемирная антидопинговая система не представляет собой отдельный транснациональный

правовой порядок, оторванный от национальных законов. Правовой плюрализм и партикуляризм характеризуют правоприменение и реализацию WADC в мире, похожем на мозаику разнообразных нормативных реалий. Вместо того чтобы свидетельствовать о появлении всеобъемлющего глобального права, WADC стал, скорее, воплощением того, что можно было бы назвать «локальным правом».

Это делает антидопинговые правила уязвимыми для национального применения, однако в фокус внимания зарубежной общественности достаточно редко попадают скандалы, связанные с употреблением допинга, либо данные скандалы даже отдаленно не достигают тех масштабов, которые можно было наблюдать в российском антидопинговом кейсе. Отчасти это связано с безусловным доминированием западных средств массовой информации, задающих текущую политическую повестку дня, в том числе и в области мирового спорта. Что подтверждает выводы российских политологов о роли информационно-психологической борьбы и информационно-пропагандистских технологий в современных международных отношениях [9, с. 69].

В целом международная ситуация, связанная с устойчивыми негативными стереотипами и дискриминационными тенденциями в отношении российских спортсменов, может быть преодолена лишь с помощью международно-политического сотрудничества и практики координации в сфере антидопингового контроля. Развитие национальной системы допинг-контроля с обязательным развитием спортивной инфраструктуры субъектов Федерации, основанной на принципах доступности, более широкого международного сотрудничества и прозрачности, должно способствовать дальнейшему успеху российских спортсменов на международных соревнованиях. В текущих условиях выбора приоритетов реализации политики Российского государства в области снятия санкций в отношении российских спортсменов как никогда актуальна проблема выработки стратегии спортивной дипломатии страны. До сих пор отсутствуют руководящие документы стратегического характера, определяющие меры и сроки достижения важнейших целей государства в области международного спорта. Решение данных проблем будет содействовать консолидации международно-политических усилий по противодействию спортивным санкциям в отношении российских спортсменов.

Список литературы

1. Казанцева Н. В., Казанцев В. С., Глазова Е. В. Влияние допинговых скандалов на имидж российского спорта // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2021. № 1 (191). С. 106–110. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.1.p106-110>
2. McLaren R. The independent person report. Montreal: WADA. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/mclaren_report_part_ii_2.pdf (дата обращения: 05.01.2023).
3. Вдовин А. Н., Кузьмин В. Г. Спорт и политика в международных отношениях // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2021. № 12 (202). С. 68–72. <https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2021.12.p68-72>
4. Жилкин В. А. Информационные войны и санкции МОК как средство политического давления на российский спорт и общественное мнение // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 3 (16). С. 22–28. <https://doi.org/10.17816/RJLS18376>
5. State doping in Russia? URL: <https://www.dw.com/en/german-tv-documentary-alleges-state-doping-in-russia/a-18108907> (дата обращения: 05.01.2023).
6. Ширков Ю. А. О развитии борьбы с допингом в российском спорте после допинговых скандалов // Региональный вестник. 2020. № 2 (41). С. 37–39. EDN: TILALG
7. Платонов В. Н. Допинг в олимпийском спорте: кризисные явления и пути их преодоления // Теория и практика физической культуры. 2016. № 10. С. 94–98.
8. Мендагазиев А. Е. Проблемы развития спортивной дипломатии России как элемента мягкой силы // Русская политология. 2020. № 4 (17). С. 45–49.
9. Цыбаков Д. Л., Кафтанчиков Д. П. Как противостоять информационной агрессии // Государственная служба. 2008. № 5 (55). С. 64–69. EDN: KTZOAL

Поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 02.03.2023
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 02.03.2023

ISSN 1818-9601

23002

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2023. Том 23, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

